

естественные и экономическіе законы какъ бы уходятъ на задній планъ; уступая свое первенство такимъ случайностямъ, какъ, на примѣръ, большее или меньшее количество неспособныхъ къ труду, больныхъ, воровъ или бывшихъ горожанъ, которые здѣсь занимаютъ хлѣбопашествомъ только поневолю; количество старежиловъ, близость тюрьмы, личность окружнаго начальника и т. д., — все это условія, которыя могутъ мѣняться черезъ каждыя пять лѣтъ и даже чаще. Тѣ дербинцы, которые, отбывъ каторгу до 1880 г., селились тутъ первые, вынесли на своихъ плечахъ тяжелое прошлое селенія, обтерпѣлись и мало-по-малу захватили лучшія мѣста и куски, и тѣ, которые прибыли изъ Россіи съ деньгами и семьями, также живутъ не бѣдно; 220 десятинъ земли и ежегодный уловъ рыбы въ три тысячи пудовъ, показываемые въ отчетахъ, очевидно, опредѣляютъ экономическое положеніе только этихъ хозяевъ; остальные же жители, т.-е. больше половины Дербинскаго, голодны, оборваны и производятъ впечатлѣніе ненужныхъ, лишнихъ, не живущихъ и мѣшающихъ другимъ жить. Въ нашихъ русскихъ деревняхъ даже послѣ пожаровъ не наблюдается такой рѣзкой разницы.

Когда я прѣхалъ въ Дербинское и потомъ ходилъ по избамъ, шелъ дождь, было холодно и грязно. Смотритель тюрьмы, за неимѣніемъ мѣста въ его тѣсной квартирѣ, помѣстилъ меня въ новомъ, недавно выстроенномъ амбарѣ, въ которомъ была сложена вѣнская мебель. Мнѣ поставили кровать и столъ и придѣлали къ дверямъ заvertку, чтобы можно было запирается изнутри. Съ вечера часовъ до двухъ ночи я читалъ или дѣлалъ выписки изъ подворныхъ описей и алфавита. Дождь, не переставая, стучалъ по крышѣ и рѣдко-рѣдко какой-нибудь запоздалый арестантъ или солдатъ, шлепая по грязи, проходилъ мимо. Было спокойно и въ амбарѣ, и у меня на душѣ, но едва я тушилъ свѣчу и ложился въ постель, какъ слышались шорохъ, шопотъ,

стуки, плесканье, глубокіе вздохи... Капли, падавшія съ потолка на рѣшетки вѣнскихъ стульевъ, производили гулкой, звенящій звукъ и послѣ каждаго такого звука кто-то шепталъ въ отчаяніи: «Ахъ, Боже мой, Боже мой!» Рядомъ съ амбаромъ находилась тюрьма. Ужъ не каторжные ли лѣзутъ ко мнѣ подземнымъ ходомъ? Но вотъ порывъ вѣтра, дождь застучалъ сильнѣе, гдѣ-то зашумѣли деревья — и опять глубокой, отчаянный вздохъ: «Ахъ, Боже мой, Боже мой!»

Утромъ выхожу на крыльцо. Небо сврое, унылое, идетъ дождь, грязно. Отъ дверей къ дверямъ торопливо ходитъ смотритель съ ключами.

— Я тебѣ пропишу такую записку, что потомъ недѣлю чесаться будешь! — кричитъ онъ. — Я тебѣ покажу записку!

Эти слова относятся къ толпѣ человекъ въ двадцать каторжныхъ, которые, какъ можно судить по немногимъ долетѣвшимъ до меня фразамъ, просятъ въ больницу. Они оборваны, вымокли на дождѣ, забрызганы грязью, дрожатъ; они хотятъ выразить мимикой, что имъ въ самомъ дѣлѣ больно, но на озябшихъ, застывшихъ лицахъ выходитъ что-то кривое, лживое, хотя, быть можетъ, они вовсе не лгутъ. «Ахъ, Боже мой, Боже мой!» — вздыхаетъ кто-то изъ нихъ, и мнѣ кажется, что мой ночной кошмаръ все еще продолжается. Приходитъ на умъ слово «паріи», означающее въ обиходѣ состояніе человекъ, ниже котораго уже нельзя упасть. За все время, пока я былъ на Сахалинѣ, только въ поселенческомъ баракѣ около рудника, да здѣсь, въ Дербинскомъ, въ это дождливое, грязное утро, были моменты, когда мнѣ казалось, что я вижу крайнюю, предѣльную степень униженія человекъ, дальше которой уже идти.

Въ Дербинскомъ живетъ каторжная, бывшая баронесса, которую здѣшнія бабы называютъ «рабочею барыней». Она ведетъ скромную рабочую жизнь и, какъ говорить, довольна

своимъ положеніемъ. Одинъ бывшій московскій купецъ, торговашій когда-то на Тверской-Ямской, сказалъ мнѣ со вздохомъ: «А теперь въ Москвѣ скачки!» — и, обращаясь къ поселенцамъ, сталъ имъ рассказывать, что такое скачки и какое множество людей по воскресеньямъ движется къ заставѣ по Тверской-Ямской. «Вѣрите ли, ваше высоко-родіе,—сказалъ онъ мнѣ, взволнованный своимъ рассказомъ,—я бы все отдалъ, жизнь бы свою отдалъ, чтобы только взглянуть не на Россію, не на Москву, а хоть бы на одну только Тверскую». Въ Дербинскомъ, между прочимъ, живутъ два Емельяна Самохвалова, однофамильцы, и во дворѣ у одного изъ этихъ Емельяновъ, помнится, я видѣлъ пѣтуха, привязаннаго за ногу. Всѣхъ дербинцевъ, въ томъ числѣ и самихъ Емельяновъ Самохваловыхъ, забавляетъ эта странная и очень сложная комбинація обстоятельствъ, которая двухъ человѣкъ, жившихъ въ разныхъ концахъ Россіи и схожихъ по имени и фамиліи, въ концѣ-концовъ, привела сюда, въ Дербинское.

27 августа пріѣхали въ Дербинское ген. Кононовичъ, начальникъ Тымовскаго округа А. М. Бутаковъ и еще одинъ чиновникъ, молодой человѣкъ,—всѣ трое интеллигентные и интересные люди. Они и я, вчетверомъ, совершили небольшую прогулку, которая, однако, отъ начала до конца была обставлена такими неудобствами, что вышла у насъ не прогулка, а какъ будто пародія на экспедицію. Начать съ того, что шелъ сильный дождь. Грязно, скользко; за что ни возьмешься—мокро. Съ намочнаго затылка течетъ за воротъ вода, въ сапогахъ холодно и сыро. Закурить папиросу,—это сложная, тяжелая задача, которую рѣшали всѣ сообща. Мы около Дербинскаго сѣли въ лодку и поплыли внизъ по Тыми. По пути мы останавливались, чтобы осмотрѣть рыбныя ловли, водяную мельницу, тюремныя пашни. Ловли я опишу въ своемъ мѣстѣ; мельницу мы единогласно признали превосходной, а пашни не представ-

ляютъ изъ себя ничего особеннаго и обращаютъ на себя вниманіе развѣ только своими скромными размѣрами; серьезный хозяинъ назвалъ бы ихъ баловствомъ. Теченіе рѣки быстрое, четыре гребца и рулевой, работали дружно; благодаря быстротѣ и частымъ изгибамъ рѣки, картины передъ нашими глазами мѣнялись каждую минуту. Мы плыли по горной, тайговой рѣкѣ, но всю ея дикую прелесть, зеленые берега, крутизны и одинокія неподвижныя фигуры рыболововъ я охотно прѣмѣнялъ бы на теплую комнату и сухую обувь, тѣмъ болѣе, что пейзажи были однообразны, не новы для меня, а, главное, покрыты сѣрою дождевою мглой. Впереди на носу сидѣлъ А. М. Бутаковъ съ ружьемъ и стрѣлялъ по дикимъ уткамъ, которыхъ мы вспугивали своимъ появленіемъ.

По Тыми къ сѣверо-востоку отъ Дербинскаго пока основано только два селенія: *Воскресенское* и *Усково*. Чтобы заселить всю рѣку до устья, такихъ селеній съ промежутками въ десять верстъ понадобится по меньшей мѣрѣ 30. Администрація намѣрена основывать ихъ ежегодно по одному — по два и соединять ихъ дорогою, въ расчетѣ, что со временемъ между Дербинскимъ и Ныйскимъ заливомъ проляжетъ трактъ, оживляемый и охраняемый цѣлою линією селеній. Когда мы плыли мимо Воскресенскаго, на берегу стоялъ на вытяжку надзиратель, очевидно, поджидая насъ; А. М. Бутаковъ крикнулъ ему, что на обратномъ пути изъ Ускова мы будемъ ночевать у него и чтобъ онъ приготовилъ побольше соломы.

Вскорѣ послѣ этого сильно запахло гніющею рыбой. Мы подошли къ гилицкой деревушкѣ Уск—во, давшей названіе теперешнему Ускову. На берегу насъ встрѣтили гилиаки, ихъ жены, дѣти и куцыя собаки, но ужъ того удивленія, какое возбудилъ здѣсь когда-то своимъ прибытіемъ покойный Поляковъ, мы не наблюдали. Даже дѣти и собаки глядѣли на насъ равнодушно. Русское селеніе находится въ двухъ вер-

стахъ отъ берега. Здѣсь, въ Усковѣ, та же картина, что и въ Красномъ Ярѣ. Широкая, дурно раскорчованная, кочковатая, покрытая лѣсною травой улица и по сторонамъ ея не оконченныя избы, поваленныя деревья и кучи мусора. Всѣ вновь строящіяся сахалинскія селенія одинаково производятъ впечатлѣніе разрушенныхъ неприятелемъ или давно брошенныхъ деревень и только по свѣжему, ясному цвѣту срубовъ и стружекъ видно, что здѣсь происходитъ процессъ, какъ разъ противоположный разрушенію. Въ Усковѣ 77 жителей: 59 м. и 18 ж., хозяевъ 33 и при нихъ лишнихъ людей или, иначе, совладѣльцевъ 20. Семейно живутъ только 9. Когда усковцы со своими семьями собрались около надзирательской, гдѣ мы пили чай, и когда женщины и дѣти, какъ болѣе любопытныя, вышли впередъ, то толпа стала переходить на цыганскій таборъ. Между женщинами въ самомъ дѣлѣ было нѣсколько смуглыхъ цыганокъ съ лукавыми, притворно-печальными лицами, и почти всѣ дѣти были цыганята. Въ Усковѣ водворены нѣсколько каторжныхъ цыганъ и ихъ горькую участь раздѣляютъ ихъ семьи, пришедшія за ними добровольно. Двѣ-три цыганки мнѣ были немножко знакомы и раньше: за недѣлю до пріѣзда въ Ускове я видѣлъ въ Рыковскомъ, какъ онѣ съ мѣшками за плечами ходили подъ окнами и предлагали погадать *).

Усковцы живутъ очень бѣдно. Земли подъ пашню и огородъ обработано пока только 11 дес., т.-е. почти $\frac{1}{5}$ дес. на хозяйство. Всѣ живутъ на счетъ казны, получая отъ нея арестантское довольствіе, которое достается имъ, впрочемъ, не дешево, такъ какъ по бездорожью они таскаютъ его изъ Дербинскаго на своихъ плечахъ черезъ тайгу.

Отдохнувши, часовъ въ пять пополудни мы пошли пѣшкомъ назадъ въ Воскресенское. Разстояніе небольшое, всего шесть верстъ, но отъ непривычки путешествовать по тайгѣ

*). Одинъ авторъ, бывшій на Сахалинѣ года два спустя послѣ меня, видѣлъ уже около Ускова цѣлый табунъ лошадей.

я сталъ чувствовать утомленіе послѣ первой же версты. Шель попрежнему сильный дождь. Тотчасъ же по выходѣ изъ Ускова пришлось имѣть дѣло съ ручьемъ въ сажень ширины, черезъ который были перекинута три тонкихъ кривыхъ бревна; всѣ прошли благополучно, я же оступился и набралъ въ сапогъ. Передъ нами лежала длинная прямая просѣка, прорубленная для проектированной дороги; на ней не было буквально ни одного сажня, по которому можно было бы пройти, не балансируя и не спотыкаясь. Кочки, ямы, полныя воды, жесткіе, точно проволочные кусты, или корневища, о которыя спотыкаешься, какъ о порогъ, и которыя предательски скрылись подъ водою, а главное, самое неприятное—это валежникъ и груды деревьевъ, поваленныхъ здѣсь при рубкѣ просѣки. Побѣдишь одну груду, вспотѣешь и продолжаешь идти по болоту, какъ опять новая грудка, которой не минуешь, опять взбираешься, а спутники кричатъ мнѣ, что я иду не туда, надо взять влѣво отъ груды или вправо и т. д. Сначала я старался только объ одномъ—не набрать бы въ другой сапогъ, но скоро махнулъ на все рукой и предоставилъ себя теченію обстоятельствъ. Слышится тяжелое дыханіе трехъ поселенцевъ, которые плетутся сзади и тащатъ наши вещи... Томить духота, одышка, хочется пить... Идемъ безъ фуражекъ,—этакъ легче.

Генераль, задыхаясь, садится на толстое бревно. Садимся и мы. Даемъ по папирискѣ поселенцамъ, которые не смѣютъ сѣсть.

— Уфъ! Тяжко!

— Сколько версть осталось еще до Воскресенскаго?

— Да версты три осталось.

Бодрѣ всѣхъ идетъ А. М. Бутаковъ. Раньше онъ хаживалъ пѣшкомъ по тайгѣ и тундрѣ на далекія разстоянія, и теперь какія-нибудь шесть верстъ составляютъ для него сущій пустякъ. Онъ рассказывалъ мнѣ про свое путешествіе вдоль рѣки Пороная къ заливу Терпѣнія и обратно: въ

первый день идти мучительно; выбиваешься из сил, на другой день болит все тѣло, но идти, все-таки, ужъ легче, а въ третій и затѣмъ слѣдующіе дни чувствуешь себя, какъ на крыльяхъ, точно ты не идешь, а несетъ тебя какая-то невидимая сила, хотя ноги, по-прежнему, путаются въ жесткомъ богульникѣ и вязнутъ въ трясинѣ.

На поль-дорогѣ стало темнѣть и скоро насъ окутала настоящая тьма. Я уже потерялъ надежду, что когда-нибудь будетъ конецъ этой прогулкѣ, и шелъ ощупью, болтаясь по колѣна въ водѣ и спотыкаясь о бревна. Кругомъ меня и моихъ спутниковъ тамъ и сямъ мелькали или мѣли неподвижно блуждающіе огоньки; свѣтились фосфоромъ цѣлыя лужи и громадные гниющія деревья, а сапоги мои были усыпаны движущимися точками, которые горѣли, какъ ивановскіе свѣтляки.

Но вотъ, слава Богу, вдали заблестѣлъ огонь, не фосфорическій, а настоящій. Кто-то окликнулъ насъ, мы отвѣтили; показался надзиратель съ фонаремъ; широко шагая черезъ лужи, въ которыхъ отсвѣчивалъ его фонарь, онъ черезъ все Воскресенское, которое едва было видно въ потемкахъ, повелъ насъ къ себѣ въ надзирательскую *). У спутниковъ моихъ было съ собою сухое платье для перемѣны, и они, придя въ надзирательскую, поспѣшили переодѣться, у меня же съ собою ничего не было, хотя я промокъ буквально насквозь. Мы напились чаю, поговорили и легли спать. Кровать въ надзирательской была только одна, ее занялъ генераль, а мы, простые смертные, легли на полу на снѣгъ.

*) На то, чтобы пройти шесть верстъ изъ Ускова въ Воскресенское, намъ понадобилось три часа. Если читатель вообразить пѣшехода, навьюченнаго мукой, солониной или казенными вещами, или больного, который идетъ изъ Ускова въ Рыковскую больницу, то ему станетъ вполне понятно, какое значеніе имѣютъ на Сахалинѣ слова: «тятъ дороги». Пробхать невозможно ни на колесахъ, ни верхомъ. Бывали случаи, что при попыткахъ пробхать верхомъ лошади ломали себѣ ноги.

Воскресенское почти вдвое больше Ускова. Жителей 183: 175 м. и 8 ж.; свободныхъ семей 7; и ни одной вѣнчанной пары. Дѣтей въ селеніи немного: только одна дѣвочка. Хозяевъ 97; при нихъ совладѣльцевъ 77.

X.

Рыковское.—Здѣшняя тюрьма.—Метеорологическая станція М. Н. Галкина-Враского. — Палево. — Микрюковъ.—Вальзы и Лонгари.—Малотымово.—Андрее-Ивановское.

У верхьевъ Тыми, въ самой южной части ея бассейна, мы встрѣчаемъ болѣе развитую жизнь. Здѣсь, какъ бы то ни было, все-таки, теплѣе, тоны у природы мягче и голодный, озябшій человекъ находить для себя болѣе подходящія естественныя условія, чѣмъ по среднему или нижнему теченію Тыми. Тутъ даже мѣстность похожа на Россію. Это сходство, очаровательное и трогательное для ссыльнаго, особенно замѣтно въ той части равнины, гдѣ находится селеніе *Рыковское*, административный центръ Тымовскаго округа. Здѣсь равнина имѣетъ до шести верстъ ширины; съ востока слегка защищаетъ ее невысокій хребетъ, идущій вдоль Тыми, а съ западной стороны сибѣютъ отроги большого водораздѣльнаго хребта. На ней чѣтъ холмовъ и возвышеній, это совершенно ровное, по виду обыкновенное русское поле съ пашнями, покосами, выгонами и зелеными рощами. При Поляковѣ вся поверхность долины была покрыта кочками, ямами, промоинами, озерками и мелкими рѣчущками, впадавшими въ Тымь; верховая лошадь вязла то по колѣна, то по брюхо; теперь же все раскорчевано, осушено и изъ Дербинскаго до Рыковскаго на протяженіи 14 верстъ проходитъ щегольская дорога, изумительная по своей гладкости и совершенной прямизнѣ.

Рыковское, или Рыково, основано въ 1878 г.; мѣсто для него довольно удачно выбрали и указали смотритель тюрьмы унтеръ-офицеръ Рыковъ. Оно отличается своимъ быстрымъ

ростомъ, необыкновеннымъ даже для сахалинскаго селенія: въ послѣднія пять лѣтъ площадь его и населеніе увеличились въ четыре раза. Въ настоящее время оно занимаетъ три квадратныхъ версты и жителей въ немъ 1,368: 831 м. и 537 ж., а съ тюрьмой и командой будетъ болѣе двухъ тысячъ. Оно не похоже на Александровскій постъ; то городокъ, маленькій Вавилонъ, имѣющій уже въ себѣ игорные дома и даже семейныя бани, содержимыя жидомъ, это же настоящая сѣрая русская деревня безъ какихъ-либо претензій на культурность. Когда ѣдешь или идешь по улицѣ, которая тянется версты на три, то она скоро прискучаетъ своею длиной и однообразіемъ. Тутъ улицы не называются, по-сибирски, слободками, какъ въ Александровскѣ, а улицами, и большинство ихъ сохраняютъ названія, данныя имъ самими поселенцами. Есть улица Сизовская, названная такъ потому, что на краю стоитъ изба поселки Сизовой, есть улица Хребтовая, Малороссійская. Въ Рыковскомъ много хохловъ и потому, должно быть, нигдѣ въ другомъ селеніи вы не встрѣтите столько великолѣпныхъ фамилій, какъ здѣсь: Желтоногъ, Желудокъ, девять человекъ Безбожныхъ, Зарывай, Рѣка, Бубликъ, Сивокобылка, Колода, Замоздря и т. д. Среди селенія большая площадь, на ней деревянная церковь и кругомъ по краю не лавки, какъ у насъ въ деревняхъ, а тюремныя постройки, присутственныя мѣста и квартиры чиновниковъ. Когда проходишь по площади, то воображеніе рисуетъ, какъ на ней шумитъ веселая ярмарка, раздаются голоса усковскихъ цыганъ, торгующихъ лошадьми, какъ пахнетъ дегтемъ, навозомъ и копченою рыбой, какъ мычатъ коровы, и визгливые звуки гармоникъ мѣшаются съ пьяными пѣснями; но мирная картина разсѣвается въ дымъ, когда слышишь вдругъ опостылѣвшій звонъ цѣпей и глухіе шаги арестантовъ и конвойныхъ, идущихъ черезъ площадь въ тюрьму.

Хозяевъ въ Рыковскомъ 335 и при нихъ половинщиковъ, совмѣстно ведущихъ хозяйства и считающихъ себя тоже

хозяевами, 189. Законныхъ семей 195, свободныхъ 91; большинство законныхъ женъ—свободныя, пришедшія за мужьями. Ихъ здѣсь 155. Это высокія цифры, но утѣшаться и увлекаться ими не слѣдуетъ, онѣ общають мало хорошаго. Уже по количеству половинщиковъ, этихъ сверхштатныхъ хозяевъ, видно, какъ много здѣсь лишняго элемента, не имѣющаго средствъ и возможности самостоятельно вести хозяйство, и какъ уже здѣсь тѣсно и голодно. Сахалинская администрація сажаетъ людей на участки какъ-нибудь, не соображаясь съ обстоятельствами и не заглядывая въ будущее, а при такомъ нехитромъ способѣ создавать новые населенные пункты и хозяйства, селенія, поставленныя даже въ сравнительно благоприятныя условія, какъ Рыковское, въ концѣ-концовъ все-таки даютъ картину полного обнищанія и доходятъ до положенія Верхняго Армудана. Для Рыковского, при существующемъ количествѣ земли, годной для хлѣбопашества, и при условіяхъ здѣшней урожайности, принимая даже во вниманіе возможные заработки, двухсотъ хозяевъ было бы, какъ говорится, за глаза, а, между тѣмъ, ихъ тутъ вмѣстѣ съ сверхштатными болѣе пятисотъ, и каждый годъ начальство будетъ приваливать все новыхъ и новыхъ.

Тюрьма въ Рыковскомъ новая. Построена она по типу, общему для всѣхъ сахалинскихъ тюремъ: деревянныя казармы, камеры въ нихъ и нечистота, нищета и неудобства, свойственныя этимъ предназначаемымъ для стадной жизни помѣщеніямъ. Съ недавняго времени, впрочемъ, рыковская тюрьма, благодаря нѣкоторымъ своимъ особенностямъ, которыхъ трудно не замѣтить, стала считаться лучшею тюрьмой во всемъ Сѣв. Сахалинѣ. Мнѣ она тоже показалась лучшею. Такъ какъ въ районѣ каждой тюрьмы мнѣ приходилось прежде всего пользоваться канцелярскимъ матеріаломъ для справокъ и услугами грамотныхъ людей, то во всемъ Тымовскомъ округѣ и особенно въ Рыковскомъ я не могъ не замѣтить на первыхъ порахъ того обстоятельства, что здѣшніе

писаря хорошо подготовлены и дисциплинированы, какъ будто прошли специальную школу; подворныя описи и алфавиты они ведутъ въ образцовомъ порядкѣ. Затѣмъ, когда я бывалъ въ тюрьмѣ, то же впечатлѣніе порядка и дисциплины производили на меня кашевары, хлѣбопеки и проч.; даже старшіе надзиратели не казались здѣсь такими сытыми, величаво-тупыми и грубыми, какъ въ Александровскѣ или Дуэ.

Въ тѣхъ частяхъ тюрьмы, гдѣ соблюденіе чистоты возможно, требованіе опрятности, повидимому, доведено до крайности. Въ кухнѣ, напимѣръ, и пекарнѣ—въ самомъ помѣщеніи, мебели, посудѣ, воздухѣ, одеждѣ прислуги—такая чистота, что могла бы удовлетворить самый придирчивый санитарный надзоръ, и очевидно, что эта опрятность бываетъ наблюдаема здѣсь постоянно, независимо отъ чьихъ-либо посѣщеній. Когда я былъ въ кухнѣ, тамъ варили въ котлахъ похлебку изъ свѣжей рыбы—кушанье нездоровое, такъ какъ отъ періодической рыбы, пойманной въ верховьяхъ рѣки, арестанты заболѣваютъ острымъ катарромъ кишекъ; но, несмотря даже на это обстоятельство, вся постановка дѣла какъ бы говорила, что здѣсь арестантъ полностью получаетъ все то количество пищевого довольствія, какое ему полагается по закону. Оттого, что для работъ внутри тюрьмы, въ качествѣ завѣдующихъ, распорядителей и проч. привлечены привилегированные ссыльные, которые отвѣчаютъ за качество и количество арестантской пищи, я думаю, стали невозможны такія безобразныя явленія, какъ вонючія щи или хлѣбъ съ глиной. Изъ множества суточныхъ хлѣбныхъ порцій, приготовленныхъ для выдачи арестантамъ, я взялъ нѣсколько наудачу и свѣсилъ, и каждая вѣсила непременно три фунта съ походомъ.

Отхожее мѣсто устроено здѣсь тоже по системѣ выгребныхъ ямъ, но содержится иначе, чѣмъ въ другихъ тюрьмахъ. Требованіе опрятности здѣсь доведено до степени, быть можетъ, даже стѣснительной для арестантовъ, въ помѣщеніи тепло и дурной запахъ совершенно отсутствуетъ.

Послѣднее достигается особаго рода вентиляціей, описанной въ извѣстномъ руководствѣ проф. Эрисмана, кажется, подъ названіемъ обратной тяги *).

Смотритель рыковской тюрьмы, г. Ливинъ, человѣкъ даровитый, съ серьезнымъ опытомъ, съ инициативой, и тюрьма всѣмъ тѣмъ, что въ ней есть хорошаго, обязана, главнымъ образомъ, ему. Къ сожалѣнію онъ имѣеть сильное пристрастіе къ розгѣ, которое уже однажды было ознаменовано покушеніемъ на его жизнь. На него, какъ на звѣря, съ ножомъ бросился арестантъ, и это нападеніе имѣло гибельныя послѣдствія для нападавшаго. Постоянная заботливость г. Ливина о людяхъ, и, въ то же время, розги, упоеніе тѣлесными наказаніями, жестокость, какъ хотите, сочетаніе ни съ чѣмъ несообразное и необъяснимое. Капитанъ Венцель въ гаршинскихъ *Запискахъ рядового Иванова*, очевидно, не выдуманъ.

Въ Рыковскомъ есть школа, телеграфъ, больница и метеорологическая станція имени М. Н. Галкина-Врасского, которою неофициально завѣдуетъ привилегированный ссыльный, бывшій мичманъ, человѣкъ замѣчательно трудолюбивый и добрый; онъ исправляетъ еще также должность церковнаго старосты. За четыре года, пока существуетъ станція, собрано не много данныхъ, но, все-таки, уже достаточно опредѣлилась разница между обоими сѣверными округами. Если въ Александровскомъ округѣ климатъ морской, то въ Тымовскомъ онъ континентальный, хотя между станціями обоихъ округовъ не болѣе 70 верстъ. Колебанія температуры и числа дней съ осадками въ Тымовскомъ уже не такъ значи-

*) Въ рыковской тюрьмѣ эта тяга устроена такъ: въ помѣщеніи надъ выгребною ямой топятся печи и при этомъ дверцы закрываются вѣдломъ, герметически, а токъ воздуха, необходимый для горѣнія, печи получаютъ изъ ямы, такъ какъ соединены съ нею трубой. Такимъ образомъ, всѣ зловонныя газы поступаютъ изъ ямы въ печь и по дымовой трубѣ выходятъ наружу. Помѣщеніе надъ ямой нагревается отъ печей и воздухъ отсюда идетъ въ яму черезъ дыры и затѣмъ въ дымовую трубу; пламя спички, поднесенной къ дырѣ, замѣтно тянется внизъ.

тельны. Лѣто здѣсь теплѣе, зима суровѣе; средняя температура года ниже нуля, т.-е. ниже даже, чѣмъ на Соловецкомъ островѣ. Тымовскій округъ находится выше надъ уровнемъ моря, чѣмъ Александровскій, но, благодаря тому, что онъ окруженъ горами и лежитъ какъ бы въ котловинѣ, среднее число безвѣтренныхъ дней въ году здѣсь больше почти на 60 и въ частности дней съ холоднымъ вѣтромъ меньше на 20. Наблюдается также небольшая разница въ числѣ дней съ осадками: въ Тымовскомъ ихъ больше—116 со снѣгомъ и 76 съ дождемъ; сумма же осадковъ въ обоихъ округахъ даетъ болѣе значительную разницу, почти на 300 мм., причѣмъ наибольшее количество сырости приходится на долю Александровскаго.

24 іюля 1889 г. былъ утренникъ, который попортилъ въ Дербинскомъ картофельный цвѣтъ; 18 же августа во всемъ округѣ побилъ морозомъ картофельную ботву.

Южнѣе Рыковского, на мѣстѣ бывшей гиляцкой деревушки Пальво, на притогѣ Тыми того же названія, стоитъ селеніе *Палево*, основанное въ 1886 г. Отъ Рыковского ведетъ сюда хорошая проселочная дорога по гладкой равнинѣ, мимо рощъ и полей, чрезвычайно напоминавшихъ мнѣ Россію; быть можетъ, потому, что я проѣзжалъ здѣсь въ очень хорошую погоду. Разстояніе 14 верстѣ. Въ направленіи отъ Рыковского до Палева скоро проляжетъ почтово-телеграфный трактъ, давно уже проектированный, который соединитъ Сѣверный Сахалинъ съ Южнымъ. Дорога здѣсь уже строится.

Въ Палевѣ 396 жителей: 345 м. и 51 ж. Хозяевъ 183 и при нихъ половинщиковъ 137, хотя, по мѣстнымъ условіямъ, было бы достаточно и 50 владѣльцевъ. Трудно найти на Сахалинѣ другое селеніе, въ которомъ сошлось бы вмѣстѣ столько разныхъ обстоятельствъ, неблагопріятныхъ для сельско-хозяйственной колоніи, какъ здѣсь. Почва—галька; когда-то, по рассказамъ старожиловъ, на мѣстѣ чынѣшняго

Палева тунгусы пасли своихъ оленей. Даже поселенцы толкуютъ, что эта мѣстность во времена оны была дномъ морскимъ и будто гиляки теперь находятъ на ней вещи съ кораблей. Земли разработано только 108 дес., считая тутъ и пашни, и огородъ, и сѣнокосы, а хозяевъ, между тѣмъ, больше трехсотъ. Взрослыхъ женщинъ только 30, по одной на 10 человѣкъ, и точно въ насмѣшку, чтобы дать сильнѣе почувствовать печальныйъ смыслъ этой пропорціи, не такъ давно смерть заглянула въ Палево и похитила въ короткое время трехъ сожительницъ. Почти третья часть хозяевъ до ссылки не занималась хлѣбопашествомъ, такъ какъ принадлежала къ городскимъ сословіямъ. Къ сожалѣнію, перечень неблагоприятныхъ обстоятельствъ не кончается на этомъ. Почему-то еще, вѣроятно, по пословицѣ— на бѣднаго Макара всѣ шишки валятся, ни въ одномъ селеніи на Сахалинѣ нѣтъ такого множества воровъ, какъ именно здѣсь, въ многострадальномъ, судьбою обиженномъ Палевѣ. Тутъ каждую ночь воруютъ; наканунѣ моего пріѣзда троихъ отправили въ кандалную за кражу ржи. Кромѣ такихъ, которые воруютъ изъ нужды, въ Палевѣ не мало еще такъ-называемыхъ «пакостниковъ», которые вредятъ своимъ односельчанамъ только изъ любви къ искусству. Безъ всякой надобности убиваютъ ночью скотину, выдергиваютъ изъ земли еще не созрѣвшій картофель, выставляютъ изъ оконъ рамы и т. п. Все это влечетъ за собой потери и истощаетъ въ конецъ жалкія нищенскія хозяйства и, что едва ли не менѣе важно, держитъ населеніе въ постоянномъ страхѣ.

Обстановка жизни говоритъ только о бѣдности и ни о чемъ другомъ. Крыши на избахъ покрыты корьемъ и соломой, дворовъ и надворныхъ построекъ нѣтъ вовсе; 49 домовъ еще не окончены и, повидимому, брошены своими хозяевами. 17 владѣльцевъ ушли на заработки.

Когда я въ Палевѣ ходилъ по избамъ, за мной неоступно

слѣдовалъ надзиратель изъ поселенцевъ, родомъ псковичъ. Помнится, я спросилъ у него: среда сегодня или четвергъ? Онъ отвѣтилъ:

— Не могу упомянуть, ваше высокоблагородіе.

Въ казенномъ домѣ живетъ отставной квартирмейстеръ Карпъ Ероееичъ Микрюковъ, старѣйшій изъ сахалинскихъ надзирателей. Прибыль онъ на Сахалинъ въ 1860 году, въ ту пору, когда еще только начиналась сахалинская каторга, и изъ всѣхъ нынѣ здравствующихъ сахалинцевъ только онъ одинъ могъ бы написать всю ея исторію. Онъ словоохотливъ, на вопросы отвѣчаетъ съ видимымъ удовольствіемъ и старчески длинно; память уже стала измѣнять ему, такъ что отчетливо помнить онъ только давнопрошедшее. Обстановка у него приличная, вполнѣ хозяйственная, даже есть два портрета, написанныхъ масляными красками: на одномъ онъ самъ, на другомъ его покойница жена съ цвѣткомъ на груди. Родомъ онъ изъ Вятской губ., лицомъ живо напоминаетъ покойнаго писателя Фета. Свои настоящіе годы онъ скрываетъ, говорить, что ему только 61, на самомъ же дѣлѣ ему больше 70. Женатъ онъ вторымъ бракомъ на дочери поселенца, молодой женщинѣ, отъ которой имѣетъ шестерыхъ дѣтей въ возрастѣ отъ 1 до 9 лѣтъ. Младшій еще грудной.

Моя бесѣда съ Карпомъ Ероееичемъ затянулась далеко за полночь, и всѣ исторіи, которыя онъ мнѣ рассказывалъ, касались только каторги и ея героевъ, какъ, на примѣръ, смотритель тюрьмы Селивановъ, который подъ горячую руку отбивалъ кулакомъ замки у дверей и, въ концѣ-концовъ, былъ убитъ арестантами за жестокое съ ними обращеніе.

Когда Микрюковъ отправился въ свою половину, гдѣ спали его жена и дѣти, я вышелъ на улицу. Была очень тихая, звѣздная ночь. Стучалъ сторожъ, гдѣ-то вблизи журчалъ ручей. Я долго стоялъ и смотрѣлъ то на небо, то на избы,

и мнѣ казалось какимъ-то чудомъ, что я нахожусь за десять тысячъ верстъ отъ дому, гдѣ-то въ Палевѣ, въ этомъ концѣ свѣта, гдѣ не помнятъ дней недѣли, да и едва ли нужно помнить, такъ какъ здѣсь рѣшительно все равно—среда сегодня или четвергъ...

Еще южнѣ, по линіи проектированнаго почтоваго тракта, есть селеніе *Вальзы*, основанное въ 1889 г. Тутъ 40 мужчинъ и ни одной женщины. За недѣлю до моего пріѣзда, изъ Рыковского были посланы три семьи еще южнѣ, для основанія селенія *Ломари*, на одномъ изъ притоковъ рѣки Пороная. Эти два селенія, въ которыхъ жизнь едва только начинается, я оставлю на долю того автора, который будетъ имѣть возможность проѣхать къ нимъ по хорошей дорогѣ и видѣть ихъ близко.

Чтобы кончить съ обзоромъ селеній Тымовскаго округа, мнѣ остается упомянуть еще только о двухъ селеніяхъ: *Мало-Тымовъ* и *Андрее-Ивановскомъ*. Оба они расположены на рѣкѣ Малой Тыми, берущей начало около Пилинги и впадающей въ Тымъ около Дербинскаго. Первое, самое старое селеніе Тымовскаго округа, основано въ 1877 г. Въ былое время, когда переваливали черезъ Пилингу, путь къ Тыми шелъ черезъ это селеніе. Въ немъ теперь 190 жителей: 111 м. и 79 ж. Хозяевъ съ совладѣльцами 67. Когда-то Мало-Тымово было главнымъ селеніемъ и центромъ мѣстности, составляющей нынѣшній Тымовскій округъ, теперь же оно стоитъ въ сторонѣ и похоже на заштатный городокъ, въ которомъ замерло все живое; о прежнемъ величій говорить здѣсь только небольшая тюрьма да домъ, гдѣ живетъ тюремный смотритель. Въ настоящее время въ должности мало-тымовскаго смотрителя состоитъ г. К., интеллигентный и добрый молодой человекъ, петербуржецъ, по-видимому, сильно тоскующій по Россіи. Громадная казенная квартира съ высокими и широкими комнатами, въ которыхъ гулко и одиноко раздаются шаги, и длинное, тягучее время,

которое некуда дѣвать, угнетаютъ его до такой степени, что онъ чувствуетъ себя какъ въ плѣну. Какъ нарочно, молодой человѣкъ просыпается рано, въ четвертомъ или пятомъ часу. Всталъ, напился чаю, сходилъ въ тюрьму... а потомъ что дѣлать? Потомъ ходить по своему лабиринту, поглядывая на деревянные съ паклею стѣны, ходить, ходить, потомъ опять чаю напьется и займется ботаникой, а потомъ ходить опять, и ничего ему не слышно, кромѣ собственныхъ шаговъ и завыванія вѣтра. Въ Мало-Тымовѣ много старожиловъ. Между ними я встрѣтилъ татарина Фуражіева, который вмѣстѣ съ Поляковымъ ѣздилъ когда-то къ Ныйскому заливу; онъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ теперь и объ экспедиціи, и о Поляковѣ. Изъ стариковъ, пожалуй, въ бытовомъ отношеніи можетъ показаться интереснымъ еще поселенецъ Богдановъ, раскольникъ, занимающійся ростовщицествомъ. Онъ долго не впускалъ меня къ себѣ, а впусивши, распространился на тему о томъ, что теперь много всякаго народу ходить,—впусти, такъ чего добраго ограбятъ и т. д.

Селеніе Андрее-Ивановское названо такъ потому, что кого-то звали Андреемъ Ивановичемъ. Основано оно въ 1885 г., на болотѣ. Жителей 382: 277 м. и 105 ж. Хозяевъ вмѣстѣ съ совладѣльцами 231, хотя и здѣсь, какъ въ Палевѣ, было бы совершенно достаточно 50. Составъ здѣшняго населенія тоже нельзя назвать удачнымъ. Какъ въ населеніи Палева наблюдается избытокъ мѣщанъ и разночинцевъ, никогда не бывшихъ хлѣбопашцами, такъ здѣсь, въ Андрее-Ивановскомъ, много неправославныхъ; они составляютъ четверть всего населенія: 47 католиковъ, столько же магометанъ и 12 лютеранъ. А среди православныхъ не мало инородцевъ, напримѣръ, грузинъ *).

*) Между прочимъ, живутъ здѣсь бывшіе кутапскіе дворяне, братья Чиковани, Алексѣй и Теймурасъ. Былъ еще третій братъ, но тотъ умеръ отъ чахотки. Въ ихъ избѣ нѣтъ никакой мебели, и только на полу лежитъ перина. Одинъ изъ нихъ боленъ.

пестрота придаетъ населенію характеръ случайнаго сброда и мѣшаетъ ему слиться въ сельское общество.

XI.

Проектированный округъ.—Каменный вѣкъ.—Была ли вольная колонизація?—Гиляки.—Ихъ численный составъ, наружность, сложеніе, пища, одежда, жилища, гигиеническая обстановка.—Ихъ характеръ.—Попытки къ ихъ обрусенію.—Орочи.

Оба сѣверные округа, какъ можетъ видѣть читатель изъ только-что конченнаго обзора селеній, занимаютъ площадь, равную небольшому русскому уѣзду. Вычислить пространство, занимаемое ими, въ квадратныхъ верстахъ въ настоящее время едва ли возможно, такъ какъ протяженіе обоихъ округовъ къ югу и сѣверу не обусловлено никакими границами. Между административными центрами обоихъ округовъ, Александровскимъ постомъ и Рыковскимъ, по кратчайшей дорогѣ съ переваломъ черезъ Пилингу считается 60, а черезъ Арковскую долину 74 версты. По здѣшнему это не близко. Не говоря уже про Танги и Ванги, даже Палево считается далекимъ селеніемъ, а основаніе новыхъ селеній немного южнѣ Палева, по притокамъ Пороная, поставило даже на очередь вопросъ объ учрежденіи новаго округа. Какъ административная единица, округъ соотвѣтствуетъ уѣзду; по сибирскимъ понятіямъ, такъ можетъ называться только почтенная дистанція, которую въ цѣлый мѣсяцъ не объѣдешь, напримѣръ, Анадырскій округъ, и чиновнику-сибиряку, работающему въ одиночку на пространствѣ двухъ-трехъ сотъ верстъ, дробленіе Сахалина на мелкіе округа можетъ показаться роскошью. Но сахалинское населеніе живетъ при исключительныхъ условіяхъ и механизмъ управленія здѣсь гораздо сложнѣе, чѣмъ въ Анадырскомъ округѣ. Дробленіе ссыльной колоніи на мелкіе административные участки вызывается самою практикой, которая, кромѣ многого другого, о чемъ еще придется го-

ворить, указала, во-первыхъ, что чѣмъ короче разстояніи въ ссыльной колоніи, тѣмъ легче и удобнѣе управлять ею, и, во-вторыхъ, дробленіе на округа вызвало усиленіе штатовъ и приливъ новыхъ людей, а это, несомнѣнно, имѣло на колонію благотворное вліяніе. Съ усиленіемъ состава интеллигентныхъ людей въ количественномъ отношеніи, получила значительная прибавка и въ качественномъ.

На Сахалинѣ я засталъ разговоръ о новомъ проектированномъ округѣ; говорили о немъ, какъ о землѣ Ханаанской, потому что на планѣ черезъ весь этотъ округъ вдоль рѣки Пороная лежала дорога на югъ; и предполагалось, что въ новый округъ будутъ переведены каторжники, живущіе теперь въ Дуэ и въ Воеводской тюрьмѣ, что послѣ переселенія останется одно только воспоминаніе объ этихъ ужасныхъ мѣстахъ, что угольные копи отойдутъ отъ общества «Сахалинъ», которое давно уже нарушило контрактъ, и добыча угля будетъ производиться уже не каторжными, а поселенцами на артельныхъ началахъ *).

*) Между приказами ген. Кононовича есть одинъ, касающійся давно желаннаго упраздненія Дуэ и Воеводской тюрьмы: «Осмотрѣвъ Воеводскую тюрьму, я лично убѣдился въ томъ, что ни условія мѣстности, въ которой она находится, ни значеніе содержащихся въ ней преступниковъ, болѣею частью долгосрочныхъ или заключенныхъ за новыя преступленія, не могутъ оправдать того порядка надзора или, лучше сказать, отсутствія всякаго фактическаго наблюденія, въ которомъ эта тюрьма находится съ самаго ея основанія. Положеніе дѣлъ въ настоящее время таково: тюрьма выстроена въ узкой долинѣ сѣвернѣе поста Дуэ версты на полторы, сообщеніе съ постомъ существуетъ только по берегу моря и прерывается два раза въ сутки приливами, сообщеніе горами лѣтомъ затруднительно, зимою невозможно; смотритель тюрьмы имѣетъ пребываніе въ Дуэ, помощникъ его тоже; мѣстная команда, отъ которой содержится караулъ и высылается потребное число конвоя для различныхъ работъ, по условію съ обществомъ «Сахалинъ», расположена также въ упомянутомъ посту, а при тюрьмѣ—никого, кромѣ нѣсколькихъ надзирателей и ежедневно приходящаго на смѣну караула, который

Прежде чѣмъ покончить съ Сѣвернымъ Сахалиномъ, считаю не лишнимъ сказать немного о тѣхъ людяхъ, которые жили здѣсь въ разное время и теперь живутъ независимо отъ ссыльной колоніи. Въ долині Дуйки, Поляковъ нашелъ ножеобразный осколокъ обсидіана, наконечники стрѣлъ изъ камня, точильные камни, каменные топоры и проч.; эти находки дали ему право заключить, что въ долині Дуйки, въ отдаленныя времена, жили люди, которые не знали металловъ; это были жители каменнаго вѣка. Черепки, медвѣжки и собачьи кости и грузила отъ неводовъ, находимые на мѣстѣ ихъ бывшаго жилья, указываютъ на то, что они знакомы были съ гончарнымъ дѣломъ, охотились на медвѣдей и ловили неведомъ рыбу и что на охотѣ имъ помогала собака. Подѣлки изъ кремня, котораго нѣтъ на Сахалинѣ, они получали, очевидно, отъ сосѣдей, съ материка и ближайшихъ острововъ; очень можетъ быть, что во время ихъ передвиженій собака играла ту же роль, что и теперь, т. е. была ѣзжалой. И въ долині Тыми Поляковъ находилъ также остатки первобытныхъ сооружений и грубыхъ орудій. Выводъ его таковъ, что въ Сѣверномъ Сахалинѣ «возможно существованіе для племенъ, стоящихъ даже на относительно низкой степени умственнаго развитія; очевидно, здѣсь жили люди и вѣками выработали способы защищаться отъ холода, жажды и голода; весьма вѣроятно при этомъ, что древніе обитатели жили здѣсь сравнительно небольшими общинами и не были народомъ вполне осѣдымъ».

остается внѣ постоянного ближайшаго наблюденія военнаго начальства. Не входя въ разборъ обстоятельствъ, причиною которыхъ было устройство тюрьмы въ столь несоответствующемъ мѣстѣ и оставленіе ея внѣ всякой возможности непосредственнаго надзора, я, впредь до испрошенія разрѣшенія вовсе упразднить какъ Дуйскую, такъ равно и Воеводскую тюрьмы и перевести ихъ въ другія мѣстности, долженъ хотя отчасти исправить существующіе недостатки» и т. д. (Приказъ № 348, 1888 г.).

Посылая Бошняка на Сахалинъ, Невельской, между прочимъ, поручилъ ему также провѣрить слухъ относительно людей, оставленныхъ на Сахалинѣ лейт. Хвостовымъ и жившихъ, какъ передавали гиляки, на р. Тыми *). Бошняку удалось напасть на слѣды этихъ людей. Въ одномъ изъ селеній по Тыми гиляки вымѣняли ему за 3 арш. китайки 4 листа, вырванныхъ изъ молитвенника, и объяснили ему при этомъ, что книга принадлежала жившимъ здѣсь русскимъ. На одномъ изъ листовъ, который былъ въ книгѣ заглавнымъ, едва разборчивымъ почеркомъ было написано: «Мы, Иванъ, Данила, Петръ, Сергѣй и Василій, высажены въ анивскомъ селеніи Томари-Анива Хвостовымъ 17 августа 1805 года, перешли на рѣку Тыми въ 1810 году, въ

*) См. *Давыдова: «Двукратное путешествие въ Америку морскихъ офицеровъ Хвостова и Давыдова, писанное симъ послѣднимъ. Съ предувѣдомленіемъ Шишкова, 1810 г.»* Въ своемъ предисловіи адм. Шишковъ говоритъ, что «Хвостовъ соединялъ въ душѣ своей двѣ противности: кротость агнца и пылкость льва», Давыдовъ же, по его словамъ, «нравомъ вспылчивѣе и горячѣе Хвостова, но уступалъ ему въ твердости и мужествѣ». Кротость агнца, однако, не помѣшала Хвостову въ 1806 г. уничтожить японскіе магазины и взять въ плѣнъ четырехъ японцевъ въ Южномъ Сахалинѣ на берегу Анивы, а въ 1807 г. онъ вмѣстѣ со своимъ другомъ Давыдовымъ разгромилъ японскія факторіи на Курильскихъ островахъ и еще разъ поразбойничалъ на Южномъ Сахалинѣ. Эти храбрые офицеры воевали съ Японіей безъ вѣдома правительства, въ полной надеждѣ на безнаказанность. Оба они кончили жизнь не совсемъ обыкновенно: утонули въ Невѣ, черезъ которую торопились перейти въ то самое время, когда разводили мостъ. Ихъ подвиги, надѣлавшіе въ свое время очень много шума, возбудили въ обществѣ нѣкоторый интересъ къ Сахалину, о немъ говорили и, кто знаетъ, быть можетъ, уже тогда была предвѣрена участь этого печальнаго, пугавшаго воображеніе, острова. Въ своемъ предувѣдомленіи Шишковъ высказываетъ мнѣніе, ни на чемъ не основанное, будто русскіе въ прошедшемъ столѣтіи хотѣли завладѣть островомъ и будто основали тамъ колонію.

то время, когда пришли въ Томари японцы». Осмотрѣвъ затѣмъ мѣсто, гдѣ жили русскіе, Бошнякъ пришелъ къ заключенію, что помѣщались они въ трехъ избахъ и имѣли огороды. Туземцы говорили ему, что послѣдній изъ русскихъ, Василій, умеръ недавно, что русскіе были хорошіе люди, вмѣстѣ съ ними ходили на рыбный и звѣриный промыслы и одѣвались такъ же, какъ и они, но волосы стригли. Въ другомъ мѣстѣ туземцы сообщили такую подробность: двое русскихъ имѣли дѣтей отъ женъ-туземокъ. Въ настоящее время русскіе, оставленные Хвостовымъ, на Сѣверномъ Сахалинѣ уже забыты и объ ихъ дѣтяхъ ничего неизвѣстно.

Бошнякъ пишетъ, между прочимъ, въ своихъ запискахъ, что, разузнавая постоянно, нѣтъ ли гдѣ-нибудь на островѣ поселившихся русскихъ, онъ узналъ отъ туземцевъ въ селеніи Танги слѣдующее: лѣтъ 35 или 40 назадъ у восточнаго берега разбилось какое-то судно, экипажъ спасся, выстроилъ себѣ домъ, а черезъ нѣсколько времени и судно; на этомъ суднѣ неизвѣстные люди черезъ Лаперузовъ проливъ прошли въ Татарскій и здѣсь опять потерпѣли крушеніе близъ села Мгачи, и на этотъ разъ спасся только одинъ человѣкъ, который называлъ себя Кемцемъ. Въ скоромъ времени послѣ этого прибыли съ Амура двое русскихъ, Василій и Никита. Они присоединились къ Кемцу и въ Мгачахъ выстроили себѣ домъ; они занимались охотой на пушныхъ звѣрей, какъ промысломъ, и ѣздили для торговли къ манчжурамъ и японцамъ. Одинъ изъ гиляковъ показывалъ Бошняку зеркало, подаренное будто бы Кемцемъ его отцу; гилякъ не хотѣлъ продать ни за что этого зеркала, говоря, что хранить его, какъ драгоценный памятникъ друга своего отца. Василій и Никита очень боялись русскаго царя, изъ чего видно было, что они принадлежали къ числу бѣглыхъ. Всѣ трое кончили свою жизнь на Сахалинѣ.

Японец Маміа-Ринзо *) слышалъ въ 1808 г. на Сахалинѣ, что по западную сторону острова часто появлялись русскія суда и что русскіе, въ концѣ-концовъ, своими разбойничествами заставили туземцевъ одну ихъ часть изгнать, другую перебить. Маміа-Ринзо называетъ имена этихъ русскихъ: Камуци, Симена, Мому и Васире. «Въ трехъ послѣднихъ,—говоритъ Шренкъ:—не трудно узнать русскія имена: Семень, Ома и Василій. А Камуци, по его мнѣнію, очень похожъ на Кемца.»

Этою очень короткою исторіей восьми сахалинскихъ Робинзоновъ исчерпываются всѣ данныя, относящіяся къ вольной колонизаціи Сѣвернаго Сахалина. Если необыкновенная судьба пяти хвостовскихъ матросовъ и Кемца съ двумя бѣглецами похожа на попытку къ вольной колонизаціи, то эту попытку слѣдуетъ признать ничтожною и, во всякомъ случаѣ, неудавшеюся. Поучительна она для насъ развѣ въ томъ отношеніи, что всѣ восемь человѣкъ, жившіе на Сахалинѣ долго, до конца дней своихъ, занимались не хлѣбопашествомъ, а рыбнымъ и звѣринымъ промысломъ.

Теперь для полноты остается упомянуть еще о мѣстномъ коренномъ населеніи — гилякахъ. Живутъ они въ Сѣверномъ Сахалинѣ, по западному и восточному побережью и по рѣкамъ, главнымъ образомъ, по Тыми **); се-

*) Его сочиненіе называется *To-tats Ki Ko*. Я, конечно, его не читалъ и въ данномъ случаѣ пользуюсь цитатами Л. И. Шренка, автора книги *Объ инородцахъ Амурскаго края*.

**) Гиляки въ видѣ немногочисленнаго племени живутъ по обоимъ берегамъ Амура, въ нижнемъ его теченіи, начиная, примѣрно, съ Софійска, затѣмъ по Лимау, по смежному съ нимъ побережью Охотскаго моря и въ сѣверной части Сахалина; въ продолженіе всего того времени, за которое имѣются историческія свѣдѣнія объ этомъ народѣ, т. е. за 200 лѣтъ, никакихъ сколько-нибудь значительныхъ измѣненій въ положеніи ихъ границъ не произошло. Предполагаютъ, что когда-то родиной гиляковъ былъ одинъ только

ленія старыя и тѣ ихъ названія, какія упоминаются у старыхъ авторовъ, сохранились и по сіе время, но жизнь все-таки нельзя назвать вполне осѣдлой, такъ какъ гиляки не чувствуютъ привязанности къ мѣсту своего рожденія и вообще къ опредѣленному мѣсту, часто оставляютъ свои юрты и уходятъ на промыслы, кочуя вмѣстѣ съ семьями и собаками по Сѣверному Сахалину. Но въ своихъ кочевьяхъ, даже когда приходится предпринимать далекія путешествія на материкъ, они остаются вѣрными острову, и гилякъ-сахалинецъ по языку и обычаямъ отличается отъ гиляка, живущаго на материкѣ, быть можетъ, не меньше, чѣмъ малороссъ отъ москвича. Въ виду этого, мнѣ кажется, было бы не очень трудно сосчитать гиляковъ-сахалинцевъ и не смѣшать ихъ съ тѣми, которые привѣзжаютъ сюда для промысла съ Татарскаго берега. А ихъ не мѣшало бы считать хотя бы разъ въ 5—10 лѣтъ, иначе важный вопросъ о вліяніи ссыльной колоніи на ихъ численный составъ долго еще будетъ открытымъ и рѣшаться произвольно. По свѣдѣніямъ, собраннымъ Бошнякомъ, всѣхъ гиляковъ на Сахалинѣ въ 1856 г. было 3,270. Приблизительно этакъ лѣтъ черезъ 15 Мицуль уже писалъ, что число всѣхъ гиляковъ на Сахалинѣ можно принять до 1,500, а по новѣйшимъ даннымъ, относящимся къ 1889 г. и взятымъ мною изъ казенной *Вѣдомости о числѣ инородцевъ*, въ обоихъ округахъ гиляковъ всего только 320. Значитъ, если вѣрить цифрамъ, черезъ 5—10 лѣтъ на Сахалинѣ не останется ни одного гиляка. Не могу судить, насколько вѣрны цифры Бошняка и Мицуля, но официальная—320, къ счастью, по нѣкоторымъ причинамъ, не можетъ имѣть никакого значенія. Вѣдомости объ инородцахъ составляются канцеляристами, не имѣющими ни научной, ни практической подго-

Сахалинѣ и что только впоследствии они перешли оттуда на близъ лежащую часть материка, тѣснимые съ юга айнами, которые двигались изъ Японіи, въ свою очередь тѣснимые японцами.

товки и даже не вооруженными никакими инструкціями; если свѣдѣнія собираются ими на мѣстѣ, въ гилляцкихъ селеніяхъ, то дѣлается это, конечно, начальническимъ тономъ, грубо, съ досадой, между тѣмъ какъ деликатность гилляковъ, ихъ этикетъ, не допускающій высококомѣрнаго и властнаго отношенія къ людямъ, и ихъ отвращеніе ко всякаго рода переписямъ и регистраціямъ требуютъ особеннаго искусства въ обращеніи съ ними. Помимо того, свѣдѣнія собираются администраціей безъ всякой опредѣленной цѣли, лишь мимоходомъ, причемъ изслѣдователь вовсе не соображается съ этнографическою картою, а дѣйствуетъ произвольно. Въ вѣдомость Александровскаго округа вошли лишь тѣ гилляки, которые живутъ южнѣе селенія Ванги, а въ Тымовскомъ округѣ ихъ считали только вблизи селенія Рыковского, гдѣ они не живутъ, а бываютъ мимоходомъ.

Несомнѣнно, что численность сахалинскихъ гилляковъ постоянно уменьшается, но судить объ этомъ приходится только на-глазъ. И какъ велико это уменьшеніе? Отчего оно происходитъ? Оттого ли, что гилляки вымираютъ, или оттого, что они переселяются на материкъ или сѣверные острова? За неимѣніемъ надежныхъ цифровыхъ данныхъ и наши толки о губительномъ вліяніи русскаго нашествія основаны на однихъ лишь аналогіяхъ и очень возможно, что вліяніе это до сихъ поръ было ничтожно, равно почти нолу, такъ какъ сахалинскіе гилляки живутъ преимущественно по Тыми и восточному побережью, гдѣ русскихъ еще нѣтъ *).

*) На Сахалинѣ есть должность: переводчикъ гилляскаго и айнского языковъ. Такъ какъ этотъ переводчикъ ни одного слова не знаетъ по-гилляцки и айнски, а гилляки и айны въ большинствѣ, понимаютъ по-русски, то эта ненужная должность можетъ служить хорошимъ pendant'омъ къ вышеупомянутому смотрителю не существующаго Ведерниковскаго Станка. Если бы, вмѣсто переводчика, значился по штату чиновникъ, научнымъ образомъ знакомый съ этнографіей и статистикою, то это было бы куда лучше.

Гиляки принадлежатъ не къ монгольскому и не къ тунгусскому, а къ какому-то неизвѣстному племени, которое, быть можетъ, когда-то было могущественно и владѣло всей Азією, теперь же доживаетъ свои послѣдніе вѣка на небольшомъ клочкѣ земли въ видѣ немногочисленнаго, но все еще прекраснаго и бодратаго народа. Благодаря своей необыкновенной общительности и подвижности, гиляки издавна успѣли породниться со всѣми сосѣдними народами, и потому встрѣтить теперь гиляка *pur sang*, безъ примѣси монгольскихъ, тунгусскихъ или аинскихъ элементовъ, почти невозможно. Лицо у гиляка круглое, плоское, лунообразное, желтоватаго цвѣта, скуластое, невымытое, съ косымъ разрѣзомъ глазъ и съ жидкою, иногда едва замѣтною бородкою; волосы гладкіе, черные, жесткіе, собранные на затылкѣ въ косичку. Выраженіе лица не выдаетъ въ немъ дикаря; оно у него всегда осмысленное, кроткое, наивно-внимательное; оно или широко, блаженно улыбается, или же задумчиво скорбно, какъ у вдовы. Когда онъ со своею жидкою бородкою и съ косичкой, съ мягкимъ, бабыимъ выраженіемъ стоитъ въ профиль, то съ него можно писать Кутейкина, и отчасти становится понятнымъ, почему нѣкоторые путешественники относили гиляковъ къ кавказскому племени.

Желающихъ обстоятельно познакомиться съ гиляками я отсылаю къ специалистамъ этнографамъ, напримѣръ, къ Л. И. Шренку *). Я же ограничусь лишь тѣми частностями, которыя характерны для мѣстныхъ естественныхъ условій и которыя могутъ дать прямо или косвенно указанія, практически полезныя для новичковъ-колонистовъ.

У гиляка крѣпкое, коренастое сложеніе; онъ средняго, даже малаго роста. Высокій ростъ стѣснялъ бы его въ тайгѣ. Кости у него толсты и отличаются сильнымъ развитіемъ

*) Къ его превосходному сочиненію: *Иородцы Амурскаго края* приложены этнографическая карта и двѣ таблицы съ рисунками г. Дмитріева-Оренбургскаго; на одной изъ таблицъ изображены гиляки.

всѣхъ отростковъ, гребней и бугорковъ, къ которымъ прикрѣпляются мышцы, а это заставляетъ предполагать крѣпкія, сильныя мышцы и постоянную, напряженную борьбу съ природой. Тѣло у него худощаво, жилисто, безъ жировой подкладки; полные и тучные гиляки не встрѣчаются. Очевидно, весь жиръ расходуется на тепло, котораго такъ много должно вырабатывать въ себѣ тѣло сахалинца, чтобы возмѣщать потери, вызываемыя низкою температурой и чрезмѣрною влажностью воздуха. Понятно, почему гилякъ потребляетъ въ пищу такъ много жировъ. Онъ ѣстъ жирную тюленину, лососей, осетровый и китовый жиръ, мясо съ кровью, все это въ большомъ количествѣ, въ сыромъ, сухомъ и часто мерзломъ видѣ, и оттого, что онъ ѣстъ грубую пищу, мѣста прикрѣпленія жевательныхъ мышцъ у него необыкновенно развиты и всѣ зубы сильно пообтерлись. Пища исключительно животная и рѣдко, лишь когда случается обѣдать дома или на пирушкѣ, къ мясу и рыбѣ прибавляются манчжурскій чеснокъ или ягоды. По свидѣтельству Невельскаго, гиляки считаютъ большимъ грѣхомъ земледѣліе: кто начнетъ рыть землю или посадить что-нибудь, тотъ непременно умретъ. Но хлѣбъ, съ которымъ ихъ познакомили русскіе, ѣдятъ они съ удовольствіемъ, какъ лакомство, и теперь не рѣдкость встрѣтить въ Александровскѣ или въ Рыковскомъ гиляка, несущаго подъ мышкой ковригу хлѣба.

Одежда гиляка приспособлена къ холодному, сырому и рѣзко переменчивому климату. Въ лѣтнее время онъ бываетъ одѣтъ въ рубаху изъ синей китайки или дабы и въ такіе же штаны, а на плечи про запасъ, на всякій случай, накинуть полшубокъ, или куртка изъ тюленьяго или собачьяго мѣха; ноги обуты въ мѣховые сапоги. Зимой же онъ носитъ мѣховые штаны. Даже самая теплая одежда скроена и шита такъ, чтобы не стѣснять его ловкихъ и быстрыхъ движеній на охотѣ и во время ѣзды на собакахъ.

Иногда изъ франтовства онъ носитъ арестантскій халатъ. Крузенштернъ 85 лѣтъ назадъ видѣлъ гиляка въ пышномъ, шелковомъ платьѣ, «со многими истканными на немъ цвѣтами»; теперь же на Сахалинѣ такого щеголя и съ огнемъ не сыщешь.

Что касается гиляцкихъ юртъ, то и тутъ на первомъ планѣ требованія сырого и холоднаго климата. Существуютъ лѣтнія и зимнія юрты. Первыя построены на столбахъ, вторыя представляютъ изъ себя землянки, со стѣнами изъ накатника, имѣющія форму четырехъугольныхъ усѣченныхъ пирамидъ; снаружи накатникъ посыпанъ землей. Воннякъ ночеваль въ юртѣ, которая состояла изъ ямы въ $1/2$ арш. глубиной, вырытой въ землѣ и покрытой тонкими бревнами на подобіе кровли, и все это было обвалено землей. Эти юрты сдѣланы изъ дешеваго матеріала, который всегда подъ руками, при нуждѣ ихъ не жалко бросить; въ нихъ тепло и сухо, и, во всякомъ случаѣ, онѣ оставляютъ далеко за собой тѣ сырые и холодные шалаша изъ коры, въ которыхъ живутъ наши каторжники, когда работаютъ на дорогахъ или въ полѣ. Лѣтнія юрты положительно слѣдовало бы рекомендовать огородникамъ, угольщикамъ, рыбакамъ и вообще всѣмъ тѣмъ каторжнымъ и поселенцамъ, которые работаютъ внѣ тюрьмы и не дома.

Гиляки никогда не умываются, такъ что даже этнографы затрудняются назвать настоящій цвѣтъ ихъ лица; бѣлья не моютъ, а мѣховая одежда ихъ и обувь имѣютъ такой видъ, точно онѣ содраны только-что съ дохлой собаки. Сами гиляки издаютъ тяжелый, терпкій запахъ, а близость ихъ жилищъ узнается по противоположному, иногда едва выносимому запаху вяленой рыбы и гнѣющихъ рыбныхъ отбросовъ. Около каждой юрты обыкновенно стоитъ сушильня, наполненная до верху распластанною рыбой, которая издали, особенно когда она освѣщена солнцемъ, бываетъ похожа на коралловыя нити. Около этихъ сушиленъ Крузенштернъ видѣлъ

множество мелкихъ червей, которыя на дюймъ покрывали землю. Зимой юрта бываетъ полна ѣдкаго дыма, идущаго изъ очага, и къ тому же еще гиляки, ихъ жены и даже дѣти курятъ табакъ. О болѣзненности и смертности гиляковъ ничего не извѣстно, но надо думать, что эта нездоровая гигиеническая обстановка не остается безъ дурнаго вліянія на ихъ здоровье. Быть можетъ, ей они обязаны своимъ малымъ ростомъ, одутловатостью лица, нѣкоторою вялостью и лѣнью своихъ движеній; быть можетъ, ей отчасти слѣдуетъ приписать и то обстоятельство, что гиляки всегда проявляли слабую стойкость передъ эпидеміями. Извѣстно, напримѣръ, какія опустошенія производила на Сахалинѣ оспа. На сѣверной оконечности Сахалина, между мысами Елизаветы и Маріи, Крузенштернъ встрѣтилъ селеніе, состоявшее изъ 27 домовъ; П. П. Гленъ, участникъ знаменитой сибирской экспедиціи, бывшій здѣсь въ 1860 г., уже засталъ одни только слѣды селенія, да и въ другихъ мѣстахъ острова, по его словамъ, ему встрѣчались лишь слѣды прежняго болѣе густаго народонаселенія. Гиляки говорили ему, что въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ, т.-е. послѣ 1850 г., народонаселеніе Сахалина значительно уменьшилось, благодаря оспѣ. И едва ли тѣ страшныя оспенныя эпидеміи, которыя въ былые годы опустошали Камчатку и Курильскіе острова, миновали Сахалинъ. Понятно, что страшна не сама оспа, а слабая способность сопротивленія, и если въ колонію будетъ завезенъ сыпной тифъ или дифтеритъ и проникнетъ въ гиляцкія юрты, то получится тотъ же эффектъ, что и отъ оспы. Мнѣ не приходилось слышать на Сахалинѣ ни про какія эпидеміи; можно сказать, что за послѣднія 20 лѣтъ ихъ не было тутъ вовсе, кромѣ, впрочемъ, эпидемическаго конъюнктивита, который наблюдается и въ настоящее время.

Ген. Кононовичъ разрѣшилъ принимать больныхъ инородцевъ въ окружной лазаретъ и содержать ихъ тутъ на счетъ

казны (приказъ № 335-й 1890 г.). Прямыхъ наблюденій надъ болѣзненностью гиляковъ у насъ нѣтъ, но о ней можно составить себѣ нѣкоторое понятіе по наличности болѣзнетворныхъ причинъ, какъ неопытность, неумѣренное употребленіе алкоголя, давнее общеніе съ китайцами и японцами *), постоянная близость собакъ, травмы, и проч. и проч. Нѣтъ сомнѣнія, что они часто болѣютъ и нуждаются въ медицинской помощи, и если обстоятельства позволятъ имъ воспользоваться разрѣшеніемъ лечиться, то мѣстные врачи получаютъ возможность наблюдать ихъ поближе. Медицина не въ силахъ задержать рокового вымиранія, но, быть можетъ, врачамъ удастся изучить условія, при которыхъ наше вмѣшательство въ жизнь этого народа могло бы принести ему наименѣе вреда.

О характерѣ гиляковъ авторы толкуютъ различно, но всѣ сходятся въ одномъ, что это народъ не воинственный, не любящій ссоръ и дракъ и мирно уживающійся со своими сосѣдями. Къ пріѣзду новыхъ людей они относились всегда подозрительно, съ опасеніемъ за свое будущее, но встрѣчали ихъ всякій разъ любезно, безъ малѣйшаго протеста, и самое большее, если они при этомъ лгали, описывая Сахалинъ въ мрачныхъ краскахъ и думая этимъ отвести иностранцевъ отъ острова. Со спутниками Крузенштерна они обнимались, а когда заболѣлъ Л. И. Шренкъ, то вѣсть объ этомъ быстро разнеслась среди гиляковъ и вызвала искреннюю печаль. Они лгутъ, только когда торгуютъ или бесѣдуютъ съ подозрительнымъ и, по ихъ мнѣнію, опаснымъ человѣкомъ, но, прежде чѣмъ сказать ложь, переглядыва-

*) Наши пріамурскіе инородцы и камчадалы получали сифилисъ отъ китайцевъ и японцевъ, русскіе же тутъ не причемъ. Одинъ китаецъ, купецъ, большой любитель опія, говорилъ мнѣ, что одна бабушка, т. е. жена, живетъ у него въ Чифу, а другая бабушка, родомъ гилячка, — около Николаевска. При такихъ порядкахъ не трудно заразить весь Амуръ и Сахалинъ.

ются другъ съ другомъ—чисто-дѣтская манера. Всякая ложь и хвастовство въ обычной, не дѣловой сферѣ имъ противны. Помнится, какъ-то въ Рыковскомъ два гиляка, которымъ показалось, что я солгалъ имъ, убѣдили меня въ этомъ. Дѣло было подъ вечеръ. Два гиляка—одинъ съ бородкой, другой съ пухлымъ бабьимъ лицомъ—лежали на травѣ передъ избой поселенца. Я проходилъ мимо. Они подзвали меня къ себѣ и стали просить, что-бы я пошелъ въ избу и вынесъ оттуда ихъ верхнее платье, которое они оставили у поселенца утромъ; сами они не смѣли сдѣлать этого. Я сказалъ, что я тоже не имѣю права входить въ чужую избу, когда нѣтъ хозяина. Помолчали.

— Ты политичка (т.-е. политическій)?—спросилъ меня гилякъ съ бабьимъ лицомъ.

— Нѣтъ.

— Значить, ты пишй-пишй (т.-е. писарь)?—спросилъ онъ, увидѣвъ въ моихъ рукахъ бумагу.

— Да, я пишу.

— А сколько ты получаешь жалованья?

Я зарабатывалъ около трехсотъ рублей въ мѣсяцъ. Эту цифру я и назвалъ. Надо было видѣть, какое неприятное, даже болѣзненное впечатлѣніе произвелъ мой отвѣтъ. Оба гиляка вдругъ схватились за животы и, пригнувшись къ землѣ, стали покачиваться, точно отъ сильной боли въ желудкѣ. Лица ихъ выражали отчаяніе.

— Ахъ, зачѣмъ ты можешь такъ говорить?—услышала я.—Зачѣмъ ты такъ нехорошо говорилъ? Ахъ, нехорошо такъ! Не надо такъ!

— Что же дурного я сказалъ?—спросилъ я.

— Бутаковъ окружной начальникъ, большой человекъ, получаетъ двѣсти, а ты никакой начальникъ, мало-мало пишй—тебѣ триста! Нехорошо говорилъ! Не надо такъ!

Я сталъ объяснять имъ, что окружной начальникъ хотя и большой человекъ, но сидитъ на одномъ мѣстѣ и потому

получаетъ только двѣсти, а я хотя только пиши-пиши, но за то прѣхалъ издалека, сдѣлалъ больше десяти тысячъ верстъ, расходовъ у меня больше, чѣмъ у Бутакова, потому и денегъ мнѣ нужно больше. Это успокоило гияляковъ. Они переглянулись, поговорили между собой по-гияляцки и перестали мучиться. По ихъ лицамъ видно было, что они уже вѣрили мнѣ.

— Правда, правда...—живо сказалъ гиялякъ съ бородкой.— Хорошо. Ступай.

— Правда,—кивнулъ мнѣ другой.—Иди.

Принятые на себя порученія гияляки исполняютъ аккуратно, и не было еще случая, чтобы гиялякъ бросилъ на поль-дорогѣ почту или растратилъ чужую вещь. Поляковъ, которому приходилось имѣть дѣло съ гияляками-лодочниками, писалъ, что они оказываются точными исполнителями принятаго обязательства, чѣмъ отличаются при доставкѣ казенныхъ грузовъ. Они бойки, смышлены, веселы, развязны и не чувствуютъ никакого стѣсненія въ обществѣ сильныхъ и богатыхъ. Ничьей власти надъ собой не признаютъ, и кажется, у нихъ нѣтъ даже понятій старшій и младшій. Въ *Исторіи Сибири* I. Финера говорится, что извѣстный Поярковъ приходилъ къ гиялякамъ, которые тогда «ни подъ какою чужою властью не состояли». У нихъ есть слово «джанчинъ», означающее превосходство, но такъ они называютъ одинаково и генераловъ, и богатыхъ купцовъ, у которыхъ много китайки и табаку. Глядя у Невельского на портретъ Государя, они говорили, что это долженъ быть физически-сильный человѣкъ, который даетъ много табаку и китайки. Начальникъ острова пользуется на Сахалинѣ огромною и даже страшною властью, но однажды, когда я ѣхалъ съ нимъ изъ Верхняго Армудана въ Арково, встрѣтившійся гиялякъ не постѣснился крикнуть намъ повелительно: «стой!» — и потомъ спрашивать, не встрѣчалась ли намъ по дорогѣ его бѣлая собака. У гияляковъ, какъ гово-

рять и пишутъ, не уважается также и семейное старшинство. Отецъ не думаетъ, что онъ старше своего сына, а сынъ не почитаетъ отца и живетъ, какъ хочетъ; старуха-мать въ юртѣ имѣетъ не больше власти, чѣмъ дѣвочка-подростокъ. Бошнякъ пишетъ, что ему не разъ случалось видѣть, какъ сынъ колотитъ и выгоняетъ изъ дому родную мать, и никто не смѣлъ сказать ему слова. Члены семьи мужского пола равны между собой; если вы угощаете гиляковъ водкой, то должны подносить также и самымъ маленькимъ. Члены же женскаго пола одинаково безправны, будь то бабка, мать или грудная дѣвочка; онѣ третируются, какъ домашнія животныя, какъ вещь, которую можно выбросить вонъ, продать, толкнуть ногой, какъ собаку. Собакъ гиляки все-таки ласкаютъ, но женщинъ никогда. Бракъ считается пустымъ дѣломъ, менѣе важнымъ, чѣмъ, напримѣръ, попойка, его не обставляютъ никакими религіозными или суевѣрными обрядами. Конье, лодку или собаку гилякъ промѣниваетъ на дѣвушку, везетъ ее къ себѣ въ юрту и ложится съ ней на медвѣжью шкуру—вотъ и все. Многоженство допускается, но широкаго развитія оно не получило, хотя женщинъ, повидимому, больше, чѣмъ мужчинъ. Презрѣніе къ женщинѣ, какъ къ низкому существу или вещи, доходитъ у гиляка до такой степени, что въ сферѣ женскаго вопроса онъ не считаетъ предосудительнымъ даже рабство въ прямомъ и грубомъ смыслѣ этого слова. По свидѣтельству Шренка, гиляки часто привозятъ съ собой аинскихъ женщинъ въ качествѣ рабынь; очевидно, женщина составляетъ у нихъ такой же предметъ торговли, какъ табакъ или даба. Шведскій писатель Стриндбергъ, извѣстный женоненавистникъ, желающій, чтобы женщина была только рабыней и служила прихотямъ мужчины, въ сущности, единомышленникъ гиляковъ; еслибъ ему случилось пріѣхать на Сѣв. Сахалинъ, то они долго бы его обнимали.

Ген. Кононовичъ говорилъ мнѣ, что онъ хочетъ обрусить

сахалинскихъ гиляковъ. Не знаю, для чего это нужно. Впрочемъ, обрусеніе началось еще задолго до пріѣзда генерала. Началось оно съ того, что у нѣкоторыхъ чиновниковъ, получающихъ даже очень маленькое жалованье, стали появляться дорогія лисьи и собольи шубы, а въ гиляцкихъ юртахъ появилась русская водочная посуда *); затѣмъ гиляки были приглашены къ участию въ поимкѣ бѣглыхъ, причемъ за каждаго убитаго или пойманнаго бѣглаго положено было денежное вознагражденіе. Ген. Кононовичъ приказалъ нанимать гиляковъ въ надзиратели; въ одномъ изъ его приказовъ сказано, что это дѣлается въ виду крайней необходимости въ людяхъ, хорошо знакомыхъ съ мѣстностью, и для облегченія сношеній мѣстнаго начальства съ инородцами; на словахъ же онъ сообщилъ мнѣ, что это нововведеніе имѣетъ цѣлью также и обрусеніе. Сначала были утверждены въ званіи тюремныхъ надзирателей гиляки Васька, Ибалка, Оркунъ и Павлинка (приказъ № 308-й 1889 г.), затѣмъ Ибалку и Оркуна уволили «за продолжительную неявку за полученіемъ распоряженій» и утвердили Софронку (приказъ № 426-й 1889 г.). Я видѣлъ этихъ надзирателей; у нихъ бляхи и револьверы. Изъ нихъ особенно популяренъ и чаще всѣхъ попадаетъ на глаза гилякъ Васька, ловкій, лукавый и пьяный человекъ. Однажды, прийдя въ лавку колонизаціоннаго фонда, я встрѣтилъ тамъ цѣлую толпу интеллигентовъ; у дверей стоялъ Васька; кто-то, указывая на полки

*) Начальникъ Дуйскаго поста, майоръ Николаевъ, говорилъ одному корреспонденту въ 1866 году:

— Лѣтомъ я съ ними дѣла не имѣю, а зимой зачастую скупаю у нихъ мѣха, и скупаю довольно выгодно; часто за бутылку водки или ковригу хлѣба отъ нихъ можно достать пару отличныхъ соболей.

Корреспондента изумило то большое количество мѣховъ, какое онъ увидѣлъ у майора (*Лукашевичъ*: «Мои знакомцы въ Дуэ, на Сахалинѣ», *Кронштадтскій Вѣстникъ* 1868 г., №№ 47 и 49). Объ этомъ легендарномъ майорѣ еще придется говорить.

съ бутылками, сказалъ, что если все это выпить, то можно быть пьянымъ, и Васька подобострастно ухмыльнулся и весь засіялъ радостью подхалима. Незадолго до моего прїѣзда гилякъ-надзиратель по долгу службы убилъ каторжнаго, и мѣстные мудрецы рѣшали вопросъ о томъ, какъ онъ стрѣлялъ — спереди или сзади, т.-е. отдавать гиляка подъ судъ или нѣтъ.

Что близость къ тюрьмѣ не обрусить, а лишь въ конецъ развратить гиляковъ, доказывать не нужно. Они далеки еще до того, чтобы понять наши потребности, и едва ли есть какая-нибудь возможность втолковать имъ, что каторжныхъ ловятъ, лишаютъ свободы, ранятъ и иногда убиваютъ не изъ прихоти, а въ интересахъ правосудія; они видятъ въ этомъ лишь насиліе, проявленіе звѣрства, а себя, вѣроятно, считаютъ наемными убійцами *). Если ужъ необходимо обрусить и нельзя обойтись безъ этого, то, я думаю, при выборѣ средствъ для этого надо брать въ расчетъ, прежде всего, не наши, а ихъ потребности. Вышеупомянутый приказъ о разрѣшеніи принимать инородцевъ въ окружной лазаретъ, выдача пособій мукой и крупой, какъ было въ 1886 г., когда гиляки терпѣли почему-то голодъ, и приказъ о томъ, чтобъ у нихъ не отбирали имущества за долгъ, и прощеніе самаго долга (приказъ № 204-й 1890 г.),—подобныя мѣры, быть можетъ, скорѣе приведутъ къ цѣли, чѣмъ выдача бляхъ и револьверовъ.

Кромѣ гиляковъ, въ Сѣв. Сахалинѣ проживаютъ еще въ небольшомъ числѣ *ороки* или *орочи*, тунгузскаго племени.

*) Суда у нихъ нѣтъ и они не знаютъ, что значить правосудіе. Какъ имъ трудно понять насъ, видно хотя бы изъ того, что они до сихъ поръ еще не понимаютъ вполне назначенія дорогъ. Даже тамъ, гдѣ уже проведены дороги, они все еще путешествуютъ по тайгѣ. Часто приходится видѣть, какъ они, ихъ семьи и собаки гусемъ пробираются по трясинѣ около самой дороги.

Но такъ какъ въ колоніи о нихъ едва слышно и въ предѣлахъ ихъ распространенія нѣтъ еще русскихъ селеній, то я ограничусь однимъ только упоминаніемъ о нихъ.

XII.

Мой отъѣздъ на югъ. — Жизнерадостная дама. — Западный берегъ. — Точенія. — Маука. — Крильонъ. — Анива. — Корсаковский постъ. — Новыя знакомства. — Нордъ-остъ. — Климатъ Южнаго Сахалина. — Корсаковская тюрьма. — Пожарный обозъ.

10 сентября я уже опять былъ на знакомомъ читателю *Байкаль*, чтобы на этотъ разъ плыть въ Южный Сахалинъ. Уѣзжалъ я съ большимъ удовольствіемъ, такъ какъ съверъ мнѣ уже наскучилъ и хотѣлось новыхъ впечатлѣній. *Байкаль* снялся съ якоря въ десятомъ часу вечера. Было очень темно. Я стоялъ одинъ на кормѣ и, глядя назадъ, прощался съ этимъ мрачнымъ міркомъ, оберегаемымъ съ моря Тремя Братьями, которые теперь едва обозначались въ воздухѣ и были похожи въ потьмахъ на трехъ черныхъ монаховъ; несмотря на шумъ парохода, мнѣ было слышно, какъ волны бились объ эти рифы. Но вотъ Жонкиеръ и Братья остались далеко назади и исчезли въ потьмахъ — навсегда для меня; шумъ бьющихся волнъ, въ которомъ слышалась безсильная, злобная тоска, мало-по-малу затихъ... Проплыли версты восемь — и на берегу заблестѣли огни: это была страшная Воеводская тюрьма, а еще немного — показались огни Дуэ. Но скоро и это все исчезло, и остались лишь потемки, да жуткое чувство, точно послѣ дурного, зловѣщаго сна.

Спустившись потомъ внизъ, я засталъ тамъ веселое общество. Кромѣ командира и его помощниковъ, въ каютъ-компаніи находилось еще нѣсколько пассажировъ: молодой японецъ, дама, интендантскій чиновникъ и іеромонахъ Ираклій, сахалинскій миссіонеръ, ѣхавшій слѣдомъ за мною на югъ, чтобы оттуда вмѣстѣ отправиться въ Россію. Наша

спутница, жена моряка-офицера, бѣжала изъ Владивостока, испугавшись холеры, и теперь, немного успокоившись, возвращалась назадъ. У нея былъ завидный характеръ. Достаточно было самаго пустого повода, чтобы она закатилась самымъ искреннимъ, жизнерадостнымъ смѣхомъ до упада, до слезъ; начнетъ рассказывать что-нибудь, картавя, и вдругъ хохотъ, веселость бьетъ фонтаномъ, а глядя на даму, начинаю смѣяться и я, за мною о. Ираклій, потомъ японецъ. «Ну!» — говоритъ, въ концѣ-концовъ, командиръ, махнувъ рукой, и тоже заражается смѣхомъ. Вѣроятно, никогда въ другое время въ Татарскомъ проливѣ, обыкновенно сердитомъ, не хохотали такъ много. На другой день утромъ на палубѣ сошлись для бесѣды іеромонахъ, дама, японецъ и я. И опять смѣхъ, и недоставало только, чтобы киты, высунувъ морды изъ воды, стали хохотать, глядя на насъ.

И какъ нарочно, погода была теплая, тихая, веселая. Стѣва близко зеленѣлъ Сахалинъ, именно та его пустынная, дѣвственная часть, которой еще не коснулась каторга; справа въ ясномъ, совершенно прозрачномъ воздухѣ еле-еле мерещился Татарскій берегъ. Здѣсь уже проливъ болѣе похожъ на море и вода не такъ мутна, какъ около Дуэ; здѣсь просторнѣе и легче дышется. По своему географическому положенію нижняя треть Сахалина соотвѣтствуетъ Франціи, и если бы не холодныя теченія, то мы владѣли бы прелестнымъ краемъ и жили бы въ немъ теперь, конечно, не одни только Шкандыбы и Безбожные. Холодныя теченія, идущія отъ сѣверныхъ острововъ, гдѣ даже въ концѣ лѣта бываетъ ледоходъ, омываютъ Сахалинъ съ обѣихъ сторонъ, причемъ восточному берегу, какъ болѣе открытому теченіямъ и холоднымъ вѣтрамъ, приходится принимать наибольшую долю страданій; природа его безусловно суровая и флора его носить настоящій полярный характеръ. Западный же берегъ много счастливѣе; здѣсь вліяніе холоднаго теченія смягчается теплымъ японскимъ теченіемъ, извѣст-

нымъ подъ названіемъ Куро-Сиво; не подлежитъ сомнѣнію, что чѣмъ южнѣе, тѣмъ теплѣе, и на южной части западнаго берега наблюдается сравнительно богатая флора, но, все-таки, увы, до Франціи или Японіи далеко *).

Интересно, что въ то время, какъ сахалинскіе колонизаторы вотъ уже 35 лѣтъ сѣютъ пшеницу на тундрѣ и прокладываютъ хорошія дороги къ такимъ мѣстамъ, гдѣ могутъ прозябать одни только низшіе моллюски, самая теплая часть острова, а именно южная часть западнаго побережья, остается въ совершенномъ пренебреженіи. Съ парохода видны въ бинокль и простымъ глазомъ хорошія строевой лѣсъ и береговые скаты, покрытые ярко-зеленою и, должно быть, сочною травой, но ни жилья, ни одной живой души. Впрочемъ, разъ—это было на вторыя сутки нашего плаванья—командиръ обратилъ мое вниманіе на небольшую грушу избъ и сарайныхъ построекъ и сказалъ: «Это *Маука*». Тутъ, въ Маукѣ, издавна производится добыча морской капусты, которую очень охотно покупаютъ китайцы, и такъ какъ дѣло поставлено серьезно и уже дало хорошія заработки многимъ русскимъ и иностранцамъ, то это мѣсто очень популярно на Сахалинѣ. Находится оно на 400 верстъ южнѣе Дуэ, на широтѣ 47°, и отличается сравнительно хорошимъ климатомъ.

*) Кто-то предлагалъ проектъ—въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива устроить плотину, которая задерживала бы на пути холодное теченіе. Этотъ проектъ находитъ себѣ естественно-историческое оправданіе: извѣстно, что когда существовалъ перешеекъ, то климатъ Сахалина отличался мягкостью. Но осуществленіе его едва ли принесло бы теперь какую-нибудь пользу. Флора южной части западнаго берега, пожалуй, обогатилась бы десяткомъ новыхъ видовъ, но климатъ всей нижней части острова едва ли измѣнился бы къ лучшему. Вѣдь, вся южная часть лежитъ близко къ Охотскому морю, въ которомъ льдины и даже ледяныя поля плаваютъ среди лѣта, и нынѣшній Корсаковскій округъ въ главной своей части отдѣленъ отъ этого моря лишь невысокимъ хребтомъ, за которымъ вплоть до моря идетъ низменность, покрытая озерами и доступная холоднымъ вѣтрамъ.

Когда-то промыселъ находился въ рукахъ японцевъ; при Мицулѣ въ Маукѣ было болѣе 30 японскихъ зданій, въ которыхъ постоянно жило 40 душъ обоего пола, а весною прѣвзжало сюда изъ Японіи еще около 300 человекъ, работавшихъ вмѣстѣ съ айносами, которые тогда составляли тутъ главную рабочую силу. Теперь же капустнымъ промысломъ владѣетъ русскій купецъ Семеновъ, сынъ котораго постоянно живетъ въ Маукѣ; дѣломъ завѣдуетъ шотландецъ Демби, уже не молодой и, повидимому, знающій человекъ. Онъ имѣетъ собственный домъ въ Нагасаки въ Японіи, и когда я, познакомившись съ нимъ, сказала ему, что, вѣроятно, буду осенью въ Японіи, то онъ любезно предложилъ мнѣ остановиться у него въ домѣ. У Семенова работаютъ манзы, корейцы и русскіе. Наши поселенцы стали ходить сюда на заработки лишь съ 1886 г., и, вѣроятно, по собственному почину, такъ какъ смотрители тюремъ всегда больше интересовались кислую капустой, чѣмъ морскою. Первые попытки были не совсѣмъ удачны: русскіе мало были знакомы съ чисто-техническою стороною дѣла; теперь же они попривыкли, и хотя Демби не такъ доволенъ ими, какъ китайцами, но, все-таки, уже можно серьезно рассчитывать, что со временемъ будутъ находить себѣ здѣсь кусокъ хлѣба сотни поселенцевъ. Маука причислена къ Корсаковскому округу. Въ настоящее время здѣсь живутъ на поселеніи 38 душъ: 33 м. и 5 ж. Всѣ 33 ведутъ хозяйства. Изъ нихъ трое уже имѣютъ крестьянское званіе. Женщины же всѣ каторжныя и живутъ въ качествѣ сожительницъ. Дѣтей нѣтъ, церкви нѣтъ, и скука, должно быть, страшная, особенно зимою, когда уходятъ съ промысловъ рабочіе. Здѣшнее гражданское начальство состоитъ изъ одного лишь надзирателя, а военное—изъ ефрейтора и трехъ рядовыхъ *).

*) Въ Маукѣ Семеновъ держитъ лавку, которая лѣтомъ торгуетъ очень недурно; цѣны на съѣстные припасы высокія, такъ что поселенцы оставляютъ здѣсь половину своего заработка. Въ рапортѣ

Сравненіе Сахалина со стерлядью особенно годится для его южной части, которая въ самомъ дѣлѣ похожа на рыбій хвостъ. Лѣвая лопасть хвоста называется мысомъ Крильонъ, правая—мысомъ Анивскимъ, а полукруглый заливъ между ними—Анивой. Крильонъ, около котораго пароходъ дѣлаеть крутой поворотъ къ сѣверо-востоку, при солнечномъ освѣщеніи представляетъ изъ себя довольно привлекательное мѣстечко и стоящій на немъ одиноко красный маякъ похожъ на барскую дачу. Это большой мысъ, покатыи къ морю, зеленый и гладкій, какъ хорошій заливной лугъ. Поле далеко кругомъ покрыто бархатною травой и въ сантиментальномъ пейзажѣ недостаетъ только стада, которое бродило бы въ холодѣ у края лѣса. Но говорятъ, что травы здѣсь не важныя и

командира клипера *Всадникъ*, относящемся къ 1870 г., сказано, что клиперъ имѣеть въ виду, подойдя къ мѣстечку Маукъ, высадить тамъ 10 человекъ солдатъ съ тѣмъ, чтобы они приготовили мѣсто подъ огороды, такъ какъ въ продолженіе лѣта въ этомъ мѣстѣ предполагалось основать новый постъ. Замѣчу кстати, что это было время, когда по западному побережью между русскими и японцами происходили маленькія недоразумѣнія. Я еще нашелъ также корреспонденцію въ *Кронштадтскомъ Вѣстникѣ* 1880 г., № 112: «Островъ Сахалинъ. Нѣсколько интересныхъ свѣдѣній относительно Маука-Коувъ (Maucha Cove)». Тутъ идетъ рѣчь о томъ, что Маука есть главное мѣсто-пробываніе компаніи, получившей отъ русскаго правительства право въ теченіе 10 лѣтъ собирать морскія водоросли, и что населеніе его состоитъ изъ 3 европейцевъ, 7 русскихъ солдатъ и 700 рабочихъ корейцевъ, айно и китайцевъ.

Что капустный промыселъ выгоденъ и расширяется, видно изъ того, что гг. Семеновъ и Демби уже находятъ себѣ подражателей. Нѣкій Биричъ, поселенецъ, бывший учителемъ и приказчикомъ у Семенова, взявши взаймы денегъ, построилъ все необходимое для промысла близъ Кусунная и сталъ приглашать къ себѣ поселенцевъ. Работаетъ у него теперь около 30 человекъ. Дѣло ведется неофициально, нѣтъ тутъ даже надзирателя. Постъ Кусунная, давно уже заброшенный, находится верста на сто сѣвернѣ Мауки, у устья рѣки Кусунная, которая когда-то считалась границею между русскими и японскими владѣніями на Сахалинѣ.

сельско-хозяйственная культура едва ли возможна, такъ какъ Крильонъ большую часть лѣта бываетъ окутанъ солеными морскими туманами, которые дѣйствуютъ на растительность губительнымъ образомъ *).

Мы обогнули Крильонъ и вошли въ заливъ Аниву 12 сентября передъ полуднемъ; виденъ весь берегъ отъ одного мыса до другого, хотя заливъ имѣетъ въ діаметрѣ около 80—90 верстъ **). Почти въ срединѣ полукруглый берегъ

*) Немного сѣвернѣе Крильона я видѣлъ камни, на которыхъ нѣсколько лѣтъ назадъ наткнулся и съелъ пароходъ *Кострома*, обманутый этими туманами. А. В. Щербакъ, докторъ, сопровождавшій на *Костромѣ* каторжныхъ, во время крушенія пускалъ сигнальныя ракеты. Онъ рассказывалъ мнѣ потомъ, что въ ту пору ему пришлось пережить нравственно три долгихъ фазиса: первый, самый долгій и мучительный — увѣренность въ неминуемой гибели; каторжниками овладѣла паника и они выли; дѣтей и женщинъ пришлось отправить въ шлюпку подъ командой офицера по тому направленію, гдѣ предполагался берегъ, и шлюпка скоро исчезла въ туманѣ; второй фазисъ — нѣкоторая надежда на спасеніе: съ Крильонскаго маяка донесся пушечный выстрѣлъ, извѣщавшій, что женщины и дѣти достигли берега благополучно; третій — полная увѣренность въ спасеніи, когда въ туманномъ воздухѣ вдругъ раздались звуки корнетъ-а-пистона, на которомъ игралъ возвращавшійся офицеръ.

Въ 1885 г. въ октябрѣ бѣглецы каторжники напали на Крильонскій маякъ, разграбили все имущество и убили матроса, бросивъ его со скалы въ пропасть.

**) Берегъ Анивы былъ впервые изслѣдованъ и описанъ русскимъ офицеромъ Н. В. Рудановскимъ, однимъ изъ сподвижниковъ Г. И. Невельскаго. Подробности см. въ дневникѣ Н. В. Буссе, тоже участника въ Амурской экспедиціи: *Островъ Сахалинъ и экспедиція 1853—54 гг.*, затѣмъ въ статьѣ Г. И. Невельскаго и Рудановскаго: *По поводу воспоминаній Н. В. Буссе, Вѣстникъ Европы* 1872 г., VIII, и въ запискахъ самого Невельскаго. Майоръ Н. В. Буссе, господинъ нервный и неуживчивый, пишетъ, что «обращеніе Невельскаго съ подчиненными и духъ бумагъ его не довольно серьезны», а про Рудановскаго, что онъ «тяжелъ, какъ подчиненный, и несносный товарищъ», и что Рудановскій «дѣлалъ безтолковыя замѣчанія», а про Бошняка, что онъ «мечтатель и дитя». Когда Невельской медленно раскуривалъ

образуетъ небольшую выемку, которая называется бухтою или губою Лососей, и тутъ, у этой губы, находится *Корсаковский постъ*, административный центръ южнаго округа. Нашу спутницу, жизнерадостную даму, ожидала пріятная случайность: на Корсаковскомъ рейдѣ стоялъ пароходъ Добровольнаго флота *Владивостокъ*, только - что пришедшій изъ Камчатки, и на немъ находился ея мужъ, офицеръ. Сколько по этому поводу было восклицаній, неудержимаго смѣха, суеты!

Постъ имѣеть съ моря приличный видъ городка, не сибирскаго, а какого-то особеннаго типа, который я не берусь назвать; основанъ онъ былъ почти 40 лѣтъ назадъ, когда по южному берегу тамъ и сямъ были разбросаны японскіе дома и сараи, и очень возможно, что это близкое сосѣдство японскихъ построекъ не обошлось безъ вліянія на его внѣшность и должно было придать ей особыя черты. Годомъ основанія Корсаковскаго считается 1869 годъ, но это справедливо лишь по отношенію къ нему, какъ къ пункту сильной колоніи; на самомъ же дѣлѣ первый русскій постъ на берегу бухты Лососей былъ основанъ въ 1853—54 г. Лежитъ онъ въ пади, которая и теперь носить японское названіе Хахка-Томари, и съ моря видна только одна его главная улица, и кажется издали, что мостовая и два ряда домовъ круто спускаются внизъ по берегу; но это только въ перспективѣ, на самомъ же дѣлѣ подъемъ не такъ крутъ. Новыя деревянныя постройки лоснятся и отсвѣчиваютъ на солнцѣ, бѣлѣть церковь, старей, простой и потому красивой архитектуры. На всѣхъ домахъ высокіе шесты, вѣроятно, для флаговъ, и это придаетъ городку непріятное выраженіе,

свою трубку, то это его раздражало. Зимую съ Рудановскимъ на Анивѣ и будучи старше его чиномъ, майоръ назойливо требовалъ отъ него чинопочитанія и соблюденія всѣхъ правилъ субординаціи, и это въ пустынѣ, почти съ глазу на глазъ, когда молодой человѣкъ весь былъ погруженъ въ серьезную научную работу.

какъ будто онъ ошетинился. Здѣсь такъ же, какъ и на сѣверныхъ рейдахъ, пароходъ останавливается въ одной и даже двухъ верстахъ отъ берега, и пристань имѣется только для парового катера и баржъ. Къ нашему пароходу сначала подошелъ катеръ съ чиновниками и тотчасъ же послышались радостные голоса: «Бой, пива! Бой, рюмку коньяку!» Потомъ подошелъ вельботъ; гребли каторжные, наряженные матросами, и у руля сидѣлъ окружной начальникъ И. И. Бѣлый, который, когда вельботъ подходилъ къ трапу, командовалъ по-военному: «Суши весла!»

Черезъ нѣсколько минутъ я и г. Б. были уже знакомы; вмѣстѣ потомъ мы съѣхали на берегъ, и я обѣдалъ у него. Изъ разговора съ нимъ я узналъ, между прочимъ, что онъ только-что вернулся на *Владивостокъ* съ берега Охотскаго моря, изъ такъ-называемой Тарайки, гдѣ каторжные строятъ теперь дорогу.

Квартира у него не большая, но хорошая, барская. Онъ любитъ комфортъ и хорошую кухню, и это замѣтно отражается на всемъ его округѣ; развѣзая впоследствии по округу, я находилъ въ надзирательскихъ или станкахъ не только ножи, вилки и рюмки, но даже чистыя салфетки, и сторожей, которые умѣютъ варить вкусный супъ, а, главное, клоповъ и таракановъ здѣсь не такъ безобразно много, какъ на сѣверѣ. По разказу г. Б., въ Тарайкѣ на дорожныхъ работахъ онъ жилъ въ большой палаткѣ, съ комфортомъ, имѣлъ при себѣ повара и на досугѣ читалъ французскіе романы *). По происхожденію онъ малороссъ, по образова-

*) И почти уже забыто то время, когда офицеры и чиновники, служившіе на Южномъ Сахалинѣ, терпѣли настоящую нужду. Въ 1876 г. за пудъ бѣлой муки они платили 4 р., за бутылку водки 3 р. и «свѣжаго мяса никто почти никогда не видитъ» (*Русскій Миръ* 1877 г., № 7), а о людяхъ попроще и говорить нечего. Эти буквально бѣдствовали. Корреспондентъ *Владивостока*, не дальше какъ 5 лѣтъ назадъ, сообщалъ, что «ни у кого не было поль-рюмки водки, табакъ

нію—бывшій студентъ-юристъ. Онъ молодъ, не старше сорока лѣтъ, а это возрастъ, кстати сказать, средній для сахалинскаго чиновника. Времена измѣнились; теперь для русской каторги молодой чиновникъ болѣе типиченъ, чѣмъ старшій, и если бы, положимъ, художникъ изобразилъ, какъ наказываютъ плетью бродягу, то на его картинѣ мѣсто прежняго капитана-пропойцы, старика съ сине-багровымъ носомъ, занималъ бы интеллигентный молодой человекъ въ новенькомъ вицъ-мундирѣ.

Мы разговорились; между тѣмъ, наступилъ вечеръ, зажгли огонь. Я простился съ гостепріимнымъ г. Б. и отправился къ секретарю полицейскаго управления, у котораго мнѣ была приготовлена квартира. Было темно и тихо, море глухо шумѣло и звѣздное небо хмурилось, какъ будто видѣло, что въ природѣ готовится что-то недоброе. Когда я прошелъ всю главную улицу почти до моря, пароходы еще стояли на рейдѣ, и когда я повернулъ направо, слышались голоса и громкій смѣхъ, и въ темнотѣ показались ярко освѣщенныя окна, и стало похоже, будто я въ захолустномъ городкѣ осенью ночью пробираюсь къ клубу. Это была квартира секретаря. По ветхимъ скрипучимъ ступенямъ я поднялся на террасу и вошелъ въ домъ. Въ залѣ, точно боги на облакахъ, въ табачномъ дыму и въ туманѣ, какой бываетъ въ трактирахъ и сырыхъ помѣщеніяхъ, двигались военные и штатекіе. Съ однимъ изъ нихъ г. фонъ-Ф., инспекторомъ сельскаго хозяйства, я уже былъ знакомъ,—раньше мы встрѣчались въ Александровскѣ,—съ остальными же я теперь видѣлся впервые, хотя всѣ они отнеслись къ моему появленію съ такимъ благодушіемъ, какъ будто были знакомы со мною уже давно. Меня подвели къ столу, и я тоже долженъ былъ пить водку, то-есть спиртъ, на половину

манчжурскаго (т.-е. въ родѣ нашей махорки) до 2 р. 50 к. за фунтъ; поселенцы и нѣкоторые надзиратели курили байховый и кирпичный чай» (1886 г., № 22).

разведенный водой, и очень плохой коньякъ, и ѣсть жесткое мясо, которое жарить и подавалъ къ столу ссыльно-кааторж-ный Хоменко, хохоль съ черными усами. Изъ постороннихъ, кромѣ меня, на этой вечеринкѣ присутствовали также директоръ Иркутской магнитно-метеорологической обсерваторіи Э. В. Штеллингъ, прибывшій на *Владивостокъ* изъ Камчатки и Охотска, гдѣ онъ хлопоталъ объ учрежденіи метеорологическихъ станцій. Тутъ же я познакомился съ майоромъ Ш., смотрителемъ Корсаковской ссыльно-кааторжной тюрьмы, служившимъ раньше при ген. Грессерѣ въ петербургской полиціи: это—высокій, полный мужчина, съ тою солидною, импонирующею осанкой, какую мнѣ до сихъ поръ случалось наблюдать только у частныхъ и участковыхъ приставовъ. Рассказывая мнѣ о своемъ короткомъ знакомствѣ со многими извѣстными писателями въ Петербургѣ, майоръ называлъ ихъ просто Миша, Ваня, и приглашая меня къ себѣ завтракать и обѣдать, невзначай раза два сказалъ мнѣ *ты* *).

Когда во второмъ часу ушли гости и я легъ въ постель, послышались ревъ и свистъ. Это задулъ нордъ-ость. Значить, не даромъ съ вечера хмурилось небо. Хоменко, придя со двора, доложилъ, что пароходы ушли, а, между тѣмъ, на морѣ поднялась сильная буря. «Ну, небось, вернутся!—сказалъ онъ и засмѣялся:—Гдѣ имъ совладать?» Въ комнатѣ стало холодно и сыро, было, вѣроятно, не больше шести-семи градусовъ. Бѣдный Ф., секретарь полицейскаго упра-

*) Майоръ Ш., надо отдать ему справедливость, относился съ полнымъ уваженіемъ къ моей литературной профессіи и все время, пока я жилъ въ Корсаковскѣ, всячески старался, чтобы мнѣ не было скучно. Раньше, за нѣсколько недѣль до моего пріѣзда на югъ, онъ также возился съ англичаниномъ Говардомъ, искателемъ приключеній и тоже литераторомъ, потерпѣвшимъ въ Анивѣ крушеніе на японской джонкѣ и потомъ написавшимъ порядочный вадоръ объ анцахъ въ своей книгѣ *The Life wirth Trans-Siberian savages*.

вленія, молодой человѣкъ, никакъ не могъ уснуть отъ насморка и кашля. Капитанъ К., жившій вмѣстѣ съ нимъ на одной квартирѣ, тоже не спалъ; онъ постучалъ изъ своей комнаты въ стѣну и сказалъ мнѣ:

— Я получаю *Недѣлю*. Не желаете ли?

Утромъ было холодно и въ постели, и въ комнатѣ, и на дворѣ. Когда я вышелъ наружу, шелъ холодный дождь и сильный вѣтеръ гнулъ деревья, море ревѣло, а дождевыя капли при особенно жестокихъ порывахъ вѣтра били въ лицо и стучали по крышамъ, какъ мелкая дробь. *Владивостокъ* и *Байкаль*, въ самомъ дѣлѣ, не совладали со штормомъ, вернулись и теперь стояли на рейдѣ, и ихъ покрывала мгла. Я прогулялся по улицамъ, по берегу около пристани; трава была мокрая, съ деревьевъ текло.

На пристани около сторожки лежитъ скелетъ молодого кита, когда-то счастливаго, рѣзваго, гулявшаго на просторѣ сѣверныхъ морей, теперь же бѣлыя кости богатыря лежали въ грязи и дождь точилъ ихъ... Главная улица, шоссирована и содержится въ порядкѣ, на ней тротуары, фонари и деревья, и мететь ее каждый день клейменный старикъ. Тутъ только присутственныя мѣста и квартиры чиновниковъ, и нѣтъ ни одного дома, въ которомъ жили бы ссыльные. Дома большею частью новыя и пріятныя на видъ, и нѣтъ той тяжелой казенщины, какъ, наприм., въ Дуэ. Вообще же въ Корсаковскомъ посту, если говорить о всѣхъ его четырехъ улицахъ, старыхъ построекъ больше, чѣмъ новыхъ, и не рѣдкость дома, построенные 20—30 лѣтъ назадъ. И старыхъ зданій, и старожиловъ среди служащихъ въ Корсаковскѣ относительно больше, чѣмъ на сѣверѣ, а это, быть можетъ, значитъ, что здѣшній югъ болѣе располагаетъ къ осѣдлой и покойной жизни, чѣмъ оба сѣверныхъ округа. Здѣсь, какъ я замѣтилъ, и патриархальности больше, и люди консервативнѣе, и обычаи, даже дурные, держатся крѣпче. Такъ, въ сравненіи съ сѣверомъ,

здѣсь чаще прибѣгаютъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ и бываетъ, что въ одинъ приемъ съкутъ по 50 человѣкъ, и только на югѣ уцѣлѣлъ дурной обычай, введенный когда-то какимъ-то давно уже забытымъ полковникомъ, а именно—когда вамъ, свободному человѣку, встрѣчается на улицѣ или на берегу группа арестантовъ, то уже за 50 шаговъ вы слышите крикъ надзирателя: «Смир-р-рно! Шапки долой!» И мимо васъ проходятъ угрюмые люди съ обнаженными головами и глядятъ на васъ исподлобья, точно если бы они сняли шапки не за 50, а за 20—30 шаговъ, то вы побили бы ихъ палкой, какъ г. Z или г. N.

Я жалѣю, что не засталъ въ живыхъ старѣйшаго сахалинскаго офицера, штабсъ-капитана Шишмарева, который долгою днѣй своихъ и какъ старожилъ могъ бы поспорить даже съ палевскимъ Микрюковымъ. Онъ умеръ за нѣсколько мѣсяцевъ до моего пріѣзда и я видѣлъ только домъ-особнякъ, въ которомъ онъ жилъ. Поселился онъ на Сахалинѣ еще въ доисторическія времена, когда не начиналась каторга, и это казалось до такой степени давно, что даже сочинили легенду о «происхожденіи Сахалина», въ которой имя этого офицера тѣсно связано съ геологическими переворотами: когда-то, въ отдаленныя времена, Сахалина не было вовсе, но вдругъ, вслѣдствіе вулканическихъ причинъ, поднялась подводная скала выше уровня моря, и на ней сидѣли два существа—сивучъ и штабсъ-капитанъ Шишмаревъ. Говорятъ, что онъ ходилъ въ вязаномъ сюртукѣ съ погонами и инородцевъ въ казенныхъ бумагахъ называлъ такъ: «дикіе обитатели лѣсовъ». Онъ принималъ участіе въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ и, между прочимъ, плавалъ по Тыми съ Поляковымъ, и изъ описанія экспедиціи видно, что они поссорились.

Жителей въ Корсаковскомъ посту 163: 93 м. и 70 ж., а со свободными, солдатами, ихъ женами и дѣтьми, и съ арестантами, ночующими въ тюрьмѣ, наберется немного болѣе тысячи.

Хозяйствъ 56, но все это хозяйства не деревенскія, а скорѣе городскія, мѣщанскія; съ сельско-хозяйственной точки зрѣнія они представляются совершенно ничтожными. Земли пахотной всего 3 дес., а луговъ, которыми пользуется также и тюрьма, 18 дес. Надо видѣть, какъ тѣсно жмутся усадьбы одна къ другой и какъ живописно лѣнятся онѣ по склонамъ и на днѣ оврага, образующаго падь, чтобы понять, что тотъ, кто выбиралъ мѣсто для поста, вовсе не имѣлъ въ виду, что тутъ, кромѣ солдатъ, будутъ еще жить сельскіе хозяева. На вопросъ, чѣмъ они занимаются и чѣмъ живутъ, хозяева отвѣчали: работишка, торговишка... Относительно стороннихъ заработковъ, какъ увидитъ ниже читатель, южный сахалинецъ поставленъ далеко не въ такое безвыходное положеніе, какъ сѣверный; при желаніи онъ находитъ себѣ заработокъ, по крайней мѣрѣ, въ весенніе и лѣтніе мѣсяцы, но корсаковцевъ это мало касается, такъ какъ на заработки они уходятъ очень рѣдко и, какъ истые горожане, живутъ на неопредѣленные средства, — неопредѣленные въ смыслѣ ихъ случайности и непостоянства. Одинъ живетъ на деньги, которыя онъ привезъ съ собой изъ Россіи, и такихъ большинство, другой — въ писаряхъ, третій — въ дьячкахъ, четвертый — держитъ лавочку, хотя по закону не имѣетъ на это права, пятый — промѣниваетъ арестантскій хламъ на японскую водку, которую продаетъ, и проч., и проч. Женщины, даже свободнаго состоянія, промышляютъ проституціей; не составляетъ исключенія даже одна привилегированная, про которую говорятъ, что она кончила въ институтѣ. Здѣсь меньше голода и холода, чѣмъ на сѣверѣ; каторжные, жены которыхъ торгуютъ собой, курятъ турецкій табакъ по 50 к. за четвертку, и потому здѣшняя проституція кажется болѣе злокачественной, чѣмъ на сѣверѣ, хотя — не все ли равно?

Семейно живутъ 41, причемъ 21 пара состоитъ въ незаконномъ бракѣ. Женщинъ свободнаго состоянія только 10,

то-есть въ 16 разъ меньше, чѣмъ въ Рыковскомъ, и даже въ 4 раза меньше, чѣмъ въ такой щели, какъ Дуэ.

Среди ссыльныхъ въ Корсаговскіе попадаютъ интересныя личности. Упомяну о безсрочномъ каторжномъ Пищиковѣ, преступленіе котораго дало матеріалъ Г. И. Успенскому для очерка *Одинъ-на-одинъ*. Этотъ Пищиковъ засѣкъ нагайкой свою жену, интеллигентную женщину, беременную на девятомъ мѣсяцѣ, и истязаніе продолжалось шесть часовъ; сдѣлалъ онъ это изъ ревности къ добрачной жизни жены: во время послѣдней войны она была увлечена плѣннымъ туркомъ. Пищиковъ самъ носилъ письма къ этому турку, уговаривалъ его приходитъ на свиданіе и вообще помогалъ обѣимъ сторонамъ. Потомъ, когда турокъ уѣхалъ, дѣвушка полюбила Пищикова за его доброту; Пищиковъ женился на ней и имѣлъ отъ нея уже четырехъ дѣтей, какъ вдругъ подъ сердцемъ завозилось тяжелое, ревнивое чувство...

Это высокій, худощавый человѣкъ, благообразный, съ большою бородой. Онъ служитъ писаремъ въ полицейскомъ управленіи и потому ходитъ въ вольномъ платьѣ. Трудолобивъ и очень вѣжливъ, и, судя по выраженію, весь ушелъ въ себя и замкнулся. Я былъ у него на квартирѣ, но не засталъ его дома. Занимаетъ онъ въ избѣ небольшую комнату; у него аккуратная чистая постель, покрытая краснымъ шерстянымъ одѣяломъ, а около постели на стѣнѣ въ рамочкѣ портретъ какой-то дамы, вѣроятно, жены.

Интересна также семья Жакомини: отецъ, ходившій когда-то шкиперомъ въ Черномъ морѣ, его жена и сынъ. Всѣ трое въ 1878 году были преданы въ г. Николаевѣ военно-полевому суду за убійство и осуждены, какъ они сами увѣряютъ, невинно. Старуха и сынъ уже отбыли каторгу, а старикъ Карпъ Николаевичъ, 66 лѣтъ, все еще каторжный. Они держатъ лавочку и въ комнатахъ у нихъ очень прилично, лучше даже, чѣмъ у ново-михайловскаго богача Потемкина. Старики Жакомини шли на Сахалинъ сухимъ путемъ, черезъ

Сибирь, а сынъ моремъ, и сынъ прибылъ на мѣсто тремя годами раньше. Разница огромная. Если послушать старика, то становится страшно. Какихъ ужасовъ наглядѣлся и чего только онъ не вынесъ, пока его судили, мытарили по тюрьмамъ и потомъ три года тащили черезъ Сибирь; на пути его дочь, дѣвушка, которая пошла добровольно за отцомъ и матерью на каторгу, умерла отъ изнуренія, а судно, которое везло его и старуху въ Корсаковскъ, около Мауки потерпѣло аварію. Старикъ рассказываетъ все это, а старуха плачетъ. «Ну, да что!—говоритъ старикъ, махнувъ рукой.—Значить, Богу такъ угодно».

Въ культурномъ отношеніи Корсаковскій постъ замѣтно отсталъ отъ своихъ сѣверныхъ собратій. Такъ, въ немъ до сихъ поръ еще нѣтъ телеграфа и метеорологической станціи *). О климатѣ Южнаго Сахалина мы можемъ судить пока лишь по отрывочнымъ случайнымъ наблюденіямъ разныхъ авторовъ, которые служили здѣсь, или же, подобно мнѣ, пріѣзжали сюда не надолго. По этимъ даннымъ въ Корсаковскомъ посту, если брать среднія температуры, лѣто, осень и весна теплѣе, чѣмъ въ Дуэ, почти

*) Э. В. Штеллингъ при мнѣ хлопоталъ объ устройствѣ станціи и въ этомъ ему сильно помогалъ военный врачъ 3-ій, корсаковский старожилъ и очень хорошій человекъ. Но мнѣ кажется, что станцію слѣдуетъ устроить не въ Корсаковскомъ посту, открытомъ для восточныхъ вѣтровъ, а въ какомъ-нибудь болѣе центральномъ пунктѣ округа, наприм., въ селеніи Владиміровкѣ. Впрочемъ, на Южномъ Сахалинѣ что ни мѣсто, то свой климатъ, и правильнѣе всего было бы учредить метеорологическіе наблюдательные пункты одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ: у залива Буссе, въ Корсаковскѣ, Крильонѣ, Маукѣ, Владиміровкѣ, Наібучи и Тарайкѣ. Это, конечно, не легко, но и не такъ уже трудно. По-моему, для этого можно воспользоваться услугами грамотныхъ ссыльныхъ, которые, какъ показалъ уже опытъ, скоро пріучаются самостоятельно вести наблюденія, и нуженъ только человекъ, который взялъ бы на себя трудъ руководить ими.

на 2°, а зима мягче почти на 5°. Между тѣмъ, на той же Анивѣ, но только немного восточнѣ Корсаковского поста, въ Муравьевскомъ температура уже значительно ниже и скорѣе подходит къ дуйской, чѣмъ къ корсаковской. А на 88 верстѣ сѣвернѣ Корсаковского поста, въ Найбучи, командиръ *Всадника* утромъ 11 мая 1870 г. записалъ два градуса мороза; шелъ снѣгъ. Какъ видитъ читатель, здѣшній югъ мало похожъ на югъ: зима здѣсь такая же суровая, какъ въ Олонецкой губ., а лѣто — какъ въ Архангельскѣ. Крузенштернъ въ половинѣ мая видѣлъ на западномъ берегу Анивы снѣгъ. На сѣверѣ Корсаковского округа, именно въ Кусуннаѣ, гдѣ добываютъ морскую капусту, наблюдалось въ году 149 ненастныхъ дней, а на югѣ, въ Муравьевскомъ посту, 130. Но, тѣмъ не менѣе, все-таки въ южномъ округѣ климатъ мягче, чѣмъ въ обоихъ сѣверныхъ, и жить здѣсь поэтому должно быть легче. На югѣ среди зимы бываетъ оттепель, чего ни разу не наблюдали около Дуэ и Рыковского; рѣки вскрываются раньше и солнце выглядываетъ изъ-за облаковъ чаще.

Корсаковская тюрьма занимаетъ самое возвышенное мѣсто въ посту и, вѣроятно, самое здоровое. Тамъ, гдѣ главная улица упирается въ тюремный заборъ, находятся ворота, очень скромныя на видъ, и что это не простыя, обывательскія ворота, а входъ въ тюрьму, видно только по надписи, да по тому еще, что каждый вечеръ тутъ толпятся каторжные, которыхъ выпускаютъ въ калитку поодиночкѣ и при этомъ обыскиваютъ. Тюремный дворъ расположенъ на наклонной плоскости и уже съ середины его, несмотря на заборъ и окружающія постройки, видны голубое море и далекий горизонтъ, и поэтому кажется, что здѣсь очень много воздуха. При осмотрѣ тюрьмы, прежде всего, замѣчается стремленіе мѣстной администраціи къ рѣзкому обособленію каторжныхъ отъ поселенцевъ. Въ Александровскѣ тюремныя мастерскія и квартиры нѣсколькихъ сотъ каторжныхъ

разбросаны по всему посту, здѣсь же въ тюремномъ дворѣ помѣщаются всѣ мастерскія и даже пожарный сарай и жить внѣ тюрьмы, за очень рѣдкими исключеніями, не позволяется даже каторжнымъ разряда исправляющихся. Здѣсь постъ самъ по себѣ, а тюрьма сама по себѣ, и можно долго прожить въ посту и не замѣтить, что въ концѣ улицы находится тюрьма.

Казармы здѣсь старыя, въ камерахъ тяжелый воздухъ, отхожія мѣста много хуже, чѣмъ въ сѣверныхъ тюрьмахъ, хлѣбпекарня темная, карцеры для одиночнаго заключенія темные, безъ вентиляцій, холодные; я и самъ нѣсколько разъ видѣлъ, какъ заключенные въ нихъ дрожали отъ холода и сырости. Здѣсь одно только лучше, чѣмъ на сѣверѣ: просторная кандалная и кандалныхъ сравнительно меньше. Чище всѣхъ живутъ въ казармахъ бывшіе моряки; они и одѣты чище *).

*) И. И. Бѣлому удалось организовать изъ нихъ искусную команду для работъ на морѣ. Старшимъ среди нихъ считается каторжный Голицынъ, маленькаго роста, съ бакенами. Любитъ пофилософствовать. Когда онъ сидитъ у руля и командуетъ: «Руби рангоутъ!» или—«Весла на воду!»—то дѣлаетъ это не безъ начальственной суровости. Несмотря на его почтенную наружность и старшинство, при мнѣ его сѣкли раза два-три за пьянство и, кажется, за грубости. Послѣ него искуснѣйшимъ морякомъ считается каторжный Медвѣдевъ, человекъ умный и отважный. Какъ-то японскій консулъ г. Кузе возвращался изъ Тарайки, у руля былъ Медвѣдевъ; кромѣ нихъ, въ вельботѣ находился еще надзиратель. Къ вечеру засвѣжло, стало темно... Когда подплыли къ Найбучи, то уже не было видно входа въ рѣку Найбу, пристать же прямо къ берегу было опасно, и Медвѣдевъ рѣшилъ ночевать въ морѣ, несмотря на сильный штормъ. Надзиратель хватилъ его по уху, г. Кузе строго приказывалъ держаться берега, но Медвѣдевъ не слушался и упрямо уходилъ въ море все дальше и дальше. Всю ночь штормовало; волны трепали лодку и каждую минуту казалось, что онъ заляжетъ или опрокинуть ее. Консулъ потомъ рассказывалъ мнѣ, что это была ночь самая страшная въ его жизни. Когда на разсвѣтъ Медвѣдевъ пошелъ къ устью рѣчки, то все-таки на барѣ вельботъ захлебнулъ воды. Съ

человѣкъ, всѣ же остальные находились въ командировкѣ, главнымъ образомъ, на дорожныхъ работахъ. Всего въ округѣ числилось каторжныхъ 1,205.

Здѣшній смотритель тюрьмы больше всего любитъ показывать прѣзжимъ пожарный обозъ. Обозъ, въ самомъ дѣлѣ, великолѣпенъ и въ этомъ отношеніи Корсаковскъ перещеголялъ многіе большіе города. Бочки, пожарные насосы, топоры въ чехлахъ, — все это игрушечно и блеститъ, точно приготовлено для выставки. Ударили тревогу, изъ всѣхъ мастерскихъ тотчасъ же повывскакивали каторжные безъ шапокъ, безъ верхняго платья, — однимъ словомъ, кто въ чемъ былъ, — въ одну минуту впряглись и съ громомъ покатали по главной улицѣ къ морю. Зрѣлище было эффектное, и

тѣхъ поръ г. Вѣльи, отпуская кого-нибудь съ Медвѣдевымъ, всякій разъ говоритъ:

— Что бы онъ ни дѣлалъ, пожалуйста, молчите и не протестуйте.

Въ тюрьмѣ обращаютъ на себя также вниманіе два родныхъ брата, бывшіе персидскіе принцы, которыхъ и по сіе время въ письмахъ, приходящихъ сюда изъ Персіи, титулуютъ высочествами. Присланы они за убійство, совершенное ими на Кавказѣ. Ходятъ они по-персидски, въ высокихъ мерлушковыхъ шапкахъ, лбы наружу. Они еще въ разрядѣ испытуемыхъ и поэтому не имѣютъ права имѣть при себѣ деньги, и одинъ изъ нихъ жаловался, что ему не на что купить табаку, а отъ куренія, ему кажется, кашель у него становится легче. Онъ клеитъ для канцеляріи конверты, довольно неуклюжіе; поглядѣвши на его работу, я сказала: «Очень хорошо». И, повидимому, эта похвала доставила бывшему принцу большое удовольствіе.

Писаремъ при тюрьмѣ состоитъ каторжный Гейманъ, полный, красивый брюнетъ, служившій когда-то окологочнымъ въ московской полиціи и осужденный за растлѣніе. Въ тюрьмѣ онъ слѣдовалъ за мною по пятамъ и, когда я оглядывался, всякій разъ почтительно снималъ шапку.

Здѣшній палачъ носитъ фамилію Минаева; онъ изъ купеческихъ сыновъ, человѣкъ еще молодой. Въ тотъ день, когда я его видѣлъ, онъ, по его словамъ, наказалъ розгами 8 человѣкъ.

майоръ Ш., творецъ этого образцоваго обоза, былъ очень доволенъ и все спрашивалъ, нравится ли мнѣ. Жаль только, что вмѣстѣ съ молодыми впряглись и побѣжали также старики, которыхъ слѣдовало бы щадить, хотя бы ради ихъ слабаго здоровья.

XIII.

Поро-ан-Томари.—Муравьевскій постъ.—Первая, Вторая и Третья Падь.—Соловьевка.—Лютога.—Голый мысъ.—Мицулька.—Лиственичное.—Хомутовка.—Большая Елань.—Владимировка.—Ферма или ферма.—Луговое.—Поповскія Юрты.—Березники.—Кресты.—Большое и Малое Такоэ.—Галкино-Враское.—Дубки.—Найбучи.—Море.

Обзоръ населенныхъ мѣстъ Корсаковского округа я начну съ селеній, которыя расположены по берегу Анивы. Первое, на четыре версты восточнѣе и южнѣе поста, называется по-японски *Поро-ан-Томари*. Основано оно было въ 1882 г. на мѣстѣ бывшей здѣсь когда-то аинской деревушки. Жителей 72: 53 м. и 19 ж. Хозяевъ 47 и изъ нихъ 38 живутъ бобылями. Какъ ни кажется просторно вокругъ селенія, а все же на каждаго хозяина приходится только $\frac{1}{4}$ дес. пахотной земли и меньше чѣмъ $\frac{1}{2}$ дес. покосной; значить, добыть больше негдѣ или очень трудно. Тѣмъ не менѣе все-таки, если бы Поро-ан-Томари было на сѣверѣ, то въ немъ давно бы уже было 200 хозяевъ и при нихъ 150 совладѣльцевъ; южная администрація въ этомъ отношеніи болѣе умѣренна и предпочитаетъ основывать новыя селенія, чѣмъ расширять старыя.

Тутъ я записалъ девять стариковъ въ возрастѣ отъ 65 до 85 лѣтъ. Одинъ изъ нихъ, Янъ Рыцборскій, 75 лѣтъ, съ физиономіей солдата временъ очаковскихъ, до такой степени старъ, что, вѣроятно, уже не помнить, виноватъ онъ или нѣтъ, и какъ-то странно было слышать, что все это безсрочные каторжники, злодѣи, которыхъ баронъ А. Н. Корфъ, только во вниманіе къ ихъ преклоннымъ лѣтамъ, приказалъ перевести въ поселенцы.

Костинъ, поселенецъ, спасается въ землянкѣ: самъ не выходитъ наружу и никого къ себѣ не пускаетъ, и все молится. Поселенца Горбунова зовутъ всѣ «рабомъ Божиимъ», потому что на волѣ онъ былъ странникомъ; по профессіи онъ маляръ, но служить пастухомъ въ Третьей Пади, быть можетъ, изъ любви къ одиночеству и созерцанію.

Версть на 40 восточнѣе есть еще, впрочемъ, уже только на картѣ, *Муравьевскій постъ*. Основанъ онъ былъ сравнительно давно, въ 1853 г., на берегу бухты Лососей; когда же въ 1854 г. прошли слухи о войнѣ, то онъ былъ снятъ и возобновленъ лишь черезъ 12 лѣтъ на берегу залива Буссе или Двѣнадцатифутовой гавани,—такъ называется неглубокое озеро, соединенное съ моремъ протокомъ, куда могутъ входить только мелко-сидящія суда. При Мицулѣ въ немъ жило около 300 солдатъ, которые сильно болѣли цынгой. Цѣлью основанія поста было упроченіе русскаго вліянія на Южномъ Сахалинѣ; послѣ же трактата 1875 г. онъ былъ упраздненъ за ненадобностью и покинуты избы, какъ говорятъ, сожжены были бѣглыми *).

Къ селеніямъ, которыя лежатъ западнѣе Корсаковского поста, ведетъ веселая дорога у самаго моря; направо глинистыя крутизны и осыпи, кучерявыя отъ зелени, а налѣво шумящее море. На пескѣ, гдѣ волны уже разбиваются въ пѣну и, точно утомленные, катятся назадъ, коричневымъ бордюромъ лежитъ по всему побережью морская капуста,

*) Тутъ когда-то были Муравьевскія копи, въ которыхъ добыча угля производилась постовыми солдатами изъ рязряда штрафованныхъ, то-есть была тутъ своя маленькая каторга; назначало ихъ на работы мѣстное начальство въ наказаніе «за незначительныя, впрочемъ, преступленія» (Мицулъ). Въ чью пользу однако поступила бы выручка, если бы добытый солдатами уголь былъ проданъ, сказать нельзя, такъ какъ весь онъ сгорѣлъ вмѣстѣ съ постройками.

До 1870 г. военными властями были основаны еще посты Чибисанскій, Очепокскій, Мануйскій, Малковский и многіе другіе. Всѣ они уже брошены и забыты.

выброшенная моремъ. Она издаетъ приторно-сладкавый, но не противный запахъ гнющей водоросли, и для южнаго моря этотъ запахъ такъ же типиченъ, какъ ежеминутный взлетъ дикихъ морскихъ утокъ, которыя развлекаютъ васъ все время, пока вы ѣдете по берегу. Пароходы и парусныя суда здѣсь рѣдкіе гости; ничего не видно ни возлѣ, ни на горизонтѣ, и потому море представляется пустыннымъ. И изрѣдка развѣ покажется неуклюжая сѣноплавка, которая движется еле-еле, иногда на ней темный, некрасивый парусъ, или каторжный бредетъ по колѣна въ водѣ и тащить за собою на веревкѣ бревно, — вотъ и всѣ картины.

Вотъ крутой берегъ прерывается длинною и глубокою долиною. Тутъ течетъ рѣчка Унтанай или Унта, и возлѣ была когда-то казенная Унтовская ферма, которую каторжные называли Дранкой, — понятно, почему. Въ настоящее время здѣсь тюремные огороды и стоятъ только три поселенческія избы. Это — *Первая Падь*.

Затѣмъ слѣдуетъ *Вторая Падь*, въ которой шесть дворовъ. Тутъ у одного зажиточнаго старика-крестьянина изъ ссыльныхъ живетъ въ сожителяхъ старуха, дѣвушка Ульяна. Когда-то, очень давно, она убила своего ребенка и зарыла его въ землю, на судѣ же говорила, что ребенка она не убила, а закопала его живымъ, — такъ, думала, скорѣй оправдаютъ; судъ приговорилъ ее на 20 лѣтъ. Рассказывая мнѣ объ этомъ, Ульяна горько плакала, потомъ вытерла глаза и спросила: «Капустки кисленькой не купите ли?»

Въ *Третьей Пади* 17 дворовъ.

Во всѣхъ этихъ трехъ селеніяхъ жителей 46, въ томъ числѣ женщинъ 17. Хозяевъ 26. Люди здѣсь все основательные, зажиточные, имѣютъ много скота и нѣкоторые даже промышляютъ имъ. Главною причиною такого благосостоянія слѣдуетъ признать, вѣроятно, климатъ и почвенныя условія, но я думаю также, что если пригласить сюда

чиновниковъ изъ Александровска или Дуэ и попросить ихъ распорядиться, то черезъ годъ же во всѣхъ трехъ Падахъ будетъ не 26, а 300 хозяевъ, не считая совладѣльцевъ, и всѣ они окажутся «домонерачители и самовольные» и будутъ сидѣть безъ куска хлѣба. Примѣра этихъ трехъ маленкихъ селеній, я думаю, достаточно, чтобы, наконецъ, взять за правило, что въ настоящее время, пока еще колонія молода и не окрѣпла, чѣмъ меньше хозяевъ, тѣмъ лучше, и что чѣмъ длиннѣе улица, тѣмъ она бѣднѣе.

На четвертой верстѣ отъ поста находится *Соловьевка*, основанная въ 1882 году. Изъ всѣхъ сахалинскихъ селеній она занимаетъ наиболѣе выгодное положеніе: она при морѣ и, кромѣ того, недалеко отъ нея находится устье рыбной рѣчки Сусуи. Населеніе держитъ коровъ и торгуетъ молокомъ. Занимается также хлѣбопашествомъ. Жителей 74: 37 м. и 37 ж. Хозяевъ 26. Всѣ они имѣютъ пахотную и покосную землю, въ среднемъ по одной десятинѣ на душу. Земля хороша только около моря, по скатамъ берега, дальше же она плоха, изъ-подъ ели и пихты.

Есть еще одно селеніе на берегу Анивы, далеко въ сторонѣ, верстъ за 25 или, если плыть къ нему моремъ, въ 14 миляхъ отъ поста. Оно называется *Лютюга*, находится въ пяти верстахъ отъ устья рѣки того же имени и основано въ 1886 г. Сообщение съ постомъ крайне неудобное: пѣшкомъ по берегу или же на катерѣ, а для поселенцевъ — на сѣноплавкѣ. Жителей 53: 37 м. и 16 ж. Хозяевъ 33.

Что же касается береговой дороги, то она, минуя Соловьевку, около устья Сусуи круто поворачиваетъ вправо и идетъ уже по направленію къ сѣверу. На картѣ Сусуя своими верховьями подходитъ къ рѣкѣ Найбѣ, впадающей въ Охотское море, и вдоль этихъ обѣихъ рѣкъ, почти по прямой линіи отъ Анивы до восточнаго берега, протянулся длинный рядъ селеній, которыя соединены непрерывною дорогой, имѣющею въ длину 88 верстъ. Этотъ рядъ селеній

составляет главную суть южнаго округа, его физиономію, а дорога служить началомъ того самаго магистральнаго почтоваго тракта, которымъ хотять соединить Сѣв. Сахалинъ съ Южнымъ.

Я утомился или обѣнился и ужъ на югѣ работалъ не такъ усердно, какъ на сѣверѣ. Часто цѣлые дни уходили у меня на прогулки и пикники, и уже не хотѣлось ходить по избамъ, и когда мнѣ любезно предлагали помощь, то я не уклонялся отъ нея. Въ первый разъ до Охотскаго моря и назадъ я проѣхался въ обществѣ г. Бѣлаго, которому хотѣлось показать мнѣ свой округъ, а затѣмъ, когда я дѣлалъ перепись, меня всякій разъ сопровождалъ смотритель поселеній Н. Н. Ярцевъ *).

Селенія южнаго округа имѣютъ свои особенности, которыхъ не можетъ не замѣтить человекъ, только-что пріѣхавшій съ сѣвера. Прежде всего, здѣсь значительно меньше нищеты. Неоконченныхъ, брошенныхъ избъ или забытыхъ наглухо оконъ я не видѣлъ вовсе, и тесовая крыша здѣсь такое же заурядное и привычное для глазъ явленіе, какъ на сѣверѣ солома и корье. Дороги и мосты хуже, чѣмъ на сѣверѣ, особенно между Малымъ Такоэ и Сіянцами, гдѣ въ половодье и послѣ сильныхъ дождей бываетъ непроходимая слякоть. Сами жители выглядятъ моложе, здоровѣе и бодрѣе своихъ сѣверныхъ товарищей, и это такъ же, какъ и сра-

*) Въ сентябрѣ и въ началѣ октября, исключая тѣ дни, когда дулъ нордъ-остъ, погода стояла превосходная, лѣтняя. Бѣдучи со мной, г. Б. жаловался мнѣ, что онъ сильно тоскуетъ по Малороссіи и что ничего ему такъ не хочется теперь, какъ посмотреть на вишню въ то время, когда она виситъ на деревѣ. На ночлегахъ въ надзирательскихъ онъ просыпался очень рано; проснешься на разсвѣтъ, а онъ стоитъ у окна и читаетъ вполголоса: «Бѣлый свѣтъ танялся надъ столицей, крѣпко спитъ молодая жена...» И г. Я. тоже все читалъ наизусть стихотворенія. Бывало, какъ скучно станеть въ дорогѣ, попросишь его прочесть что-нибудь, и онъ прочтетъ съ чувствомъ какое-нибудь длинное стихотвореніе, а то и два.

внительное благосостояніе округа, быть можетъ, объясняется тѣмъ, что главный контингентъ ссыльныхъ, живущихъ на югѣ, составляютъ краткосрочные, то-есть люди по преимуществу молодые и въ меньшей степени изнуренные каторгой. Встрѣчаются такіе, которымъ еще только 20—25 лѣтъ, а они уже отбыли каторгу и сидятъ на участкахъ; и не мало крестьянъ изъ ссыльныхъ въ возрастѣ между 30 и 40 годами *). Въ пользу южныхъ селеній говорить также и то обстоятельство, что здѣшніе крестьяне не торопятся уѣзжать на материкъ: такъ, въ только-что описанной Соловьевкѣ изъ 26 хозяевъ 16 имѣютъ крестьянское званіе. Женщинъ очень мало; есть селенія, гдѣ нѣтъ ни одной женщины. Сравнительно съ мужчинами онѣ выглядятъ въ большинствѣ больными и старухами, и приходится вѣрить здѣшнимъ чиновникамъ и поселенцамъ, которые жалуются, что съ сѣвера всякій разъ присылаютъ имъ однихъ только «завалашенькихъ», а молодыхъ и здоровыхъ оставляютъ себѣ. Докторъ З—кій говорилъ мнѣ, что какъ-то, исполняя должность тюремнаго врача, онъ вздумалъ осмотрѣть партію вновь прибывшихъ женщинъ, и всѣ онѣ оказались съ женскими болѣзнями.

*) По той же причинѣ, напримѣръ, въ Корсаковскомъ посту поселенцы въ возрастѣ отъ 20 до 45 лѣтъ составляютъ 70% всего числа жителей. Прежде былъ скорѣе обычай, чѣмъ правило, при распредѣленіи вновь прибывающихъ арестантовъ по округамъ, назначать краткосрочныхъ, какъ менѣе преступныхъ и закоренѣлыхъ, на югъ, гдѣ теплѣе. Но, при опредѣленіи долго-и краткосрочныхъ по статейнымъ спискамъ, не всегда соблюдалась необходимая осторожность. Такъ, бывшій начальникъ острова ген. Гинде, какъ-то прочитывая на пароходѣ статейные списки, самъ отобралъ краткосрочныхъ и назначилъ ихъ къ отправкѣ на югъ; потомъ же среди этихъ счастливецевъ оказалось 20 бродягъ и непомнящихъ, то-есть самыхъ закоренѣлыхъ и безнадежныхъ. Въ настоящее время упомянутый обычай, повидному, уже оставленъ, такъ какъ на югъ присылаются долгосрочные и даже бесрочные, а въ страшной Воеводской тюрьмѣ и въ рудникѣ я встрѣчалъ краткосрочныхъ.

На югѣ въ обиходѣ совсѣмъ не употребляется слово владѣлецъ или половинщикъ, такъ какъ здѣсь на каждый участокъ полагается только по одному хозяину, но такъ же, какъ и на сѣверѣ, есть хозяева, которые лишь причислены къ селенію, но домовъ не имѣютъ. Какъ въ посту, такъ и въ селеніяхъ совсѣмъ нѣтъ евреевъ. Въ избахъ на стѣнахъ встрѣчаются японскія картинки; приходилось также видѣть японскую серебряную монету.

Первое селеніе по Сусуѣ—*Голый Мысъ*; существуетъ оно лишь съ прошлаго года и избы еще не достроены. Здѣсь 24 мужчины и ни одной женщины. Стоитъ селеніе на бугрѣ, который и раньше назывался голымъ мысомъ. Рѣчка здѣсь не близко отъ жилья,—надо къ ней спускаться; колодца нѣтъ.

Второе селеніе — *Мицулка*, названная такъ въ честь М. С. Мицуля *). Когда дороги еще не было, то на мѣстѣ

*) Въ экспедиціи 1870 г., посланной изъ Петербурга подъ начальствомъ Власова, принималъ участіе также агрономъ Михаилъ Семеновичъ Мицуль, человекъ рѣдкаго нравственнаго закала, труженникъ, оптимистъ и идеалистъ, увлекавшійся и, притомъ, обладавшій способностью сообщать свое увлеченіе и другимъ. Ему въ ту пору было около 35 лѣтъ. Къ возложенному на него порученію онъ отнесся съ замѣчательною добросовѣстностью. Изслѣдуя почву, флору и фауну Сахалина, онъ исходилъ пѣшкомъ нынѣшніе Александровскій и Тымовскій округа, западное побережье, всю южную часть острова; тогда на островѣ совсѣмъ не было дорогъ, лишь кое-гдѣ попадались жалкія тропинки, исчезавшія въ тайгѣ и болотахъ, и всякое передвиженіе, конное или пѣшее, было истиннымъ мученіемъ. Идея ссыльно-хозяйственной колоніи поразила и увлекла Мицуля. Онъ отдался ей всею душой, полюбилъ Сахалинъ и, подобно тому, какъ мать не видитъ въ своемъ любимомъ дѣтищѣ недостатковъ, такъ онъ на островѣ, который сдѣлался его второю родиной, не замѣчалъ промерзлой почвы и тумановъ. Онъ находилъ его цвѣтущимъ уголкомъ земли, и этому не могли мѣшать ни метеорологическія данныя, которыхъ впрочемъ тогда почти не было, ни горькій опытъ прошлыхъ лѣтъ, къ которому онъ относился, повидному, недоувѣрчиво. А тутъ еще дикій виноградъ, бамбукъ, гигантскій ростъ травъ, японцы... Дальнѣйшая исторія острова застаеъ его уже завѣдующимъ, статскимъ совѣтни-

теперешней Мицульки стояла станція, на которой держали лошадей для чиновниковъ, ѣдущихъ по казенной надобности; конохамъ и работникамъ позволено было строиться до срока, и они поселились около станціи и завели собственныя хозяйства. Дворовъ тутъ только 10, а жителей 25: 16 м. и 9 ж. Послѣ 1886 г. окружной начальникъ не позволялъ уже никому селиться въ Мицулкѣ, и хорошо дѣлалъ, такъ какъ земля здѣсь неважная и луговъ хватаетъ только на десять дворовъ. Теперь въ селеніи 17 коровъ и 13 лошадей, не считая мелкаго скота, и въ казенной вѣдомости показаны 64 курицы, но всего этого не станеть вдвое больше, если удвоить число дворовъ.

Говоря объ особенностяхъ селеній южнаго округа, я забылъ упомянуть еще объ одной: здѣсь часто отравляются борцомъ (*Asconitum Napellus*). Въ Мицулкѣ у пос. Такого свинья отравилась борцомъ; онъ сжадничалъ и поѣлъ ея печенки, и едва не умеръ. Когда я былъ у него въ избѣ, то онъ стоялъ черезъ силу и говорилъ слабымъ голосомъ, но о печенкѣ рассказывалъ со смѣхомъ, и по его все еще опухшему, сине-багровому лицу можно было судить, какъ дорого обошлась ему эта печенка. Немного раньше его отравился борцомъ старикъ Коньковъ и умеръ, и домъ его теперь пустуетъ. Этотъ домъ составляетъ одну изъ достопримѣчательностей Мицульки. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ бывший смѣтатель тюрьмы, Л., принявши какое-то вьющееся растеніе за виноградъ, доложилъ генералу Гинце, что въ Южномъ Сахалинѣ есть виноградъ, который съ успѣхомъ можно культивировать. Генералъ Гинце немедленно приказалъ узнать, нѣтъ ли среди арестантовъ человѣка, работав-

комъ, все еще увлекающимся и неумоимо работающимъ. Умеръ онъ на Сахалинѣ отъ тяжелаго нервнаго расстройства, 41 года. И я видѣлъ его могилу. Послѣ него осталась книга *Очеркъ острова Сахалина въ сельско-хозяйственномъ отношеніи*, 1873 г. Это длинная ода въ честь сахалинскаго плодородія.

шаго когда-либо на виноградникахъ. Такой скоро нашелся. Это былъ поселенецъ Раевскій, мужчина, по преданію, очень высокаго роста. Онъ объявилъ себя специалистомъ, ему повѣрили и на первомъ же отходящемъ пароходѣ отправили при бумагѣ изъ Александровскаго поста въ Корсаковскій. Тутъ его спросили: «Зачѣмъ пріѣхаль?» Онъ отвѣтилъ: «Разводить виноградъ». Посмотрѣли на него, прочли бумагу и только плечами пожали. Виноградарь пошелъ бродить по округу, заломивъ шапку; такъ какъ онъ былъ командированъ начальникомъ острова, то не счелъ нужнымъ явиться къ смотрителю поселеній. Произошло недоразумѣніе. Въ Мицулькѣ его высокій ростъ и достоинство, съ какимъ онъ держалъ себя, показались подозрительными, его приняли за бродягу, связали и отправили въ постъ. Тутъ долго держали его въ тюрьмѣ и наводили справки, потомъ выпустили. Въ концѣ-концовъ, онъ поселился въ Мицулькѣ, здѣсь и умеръ, а Сахалинъ такъ и остался безъ виноградниковъ. Домъ Раевского пошелъ въ казну за долгъ и былъ проданъ Конькову за 15 рублей. Старикъ Коньковъ, когда платилъ деньги за домъ, лукаво подмигнулъ глазомъ и сказалъ окружному начальнику: «А вотъ, погодите, умру, и вы опять съ этимъ домомъ хлопотать будете». И въ самомъ дѣлѣ, въ скоромъ времени отравился борцомъ и теперь казнѣ опять приходится возиться съ домомъ *).

Въ Мицулькѣ живетъ сахалинская Гретхенъ, дочь поселенца Николаева, Таня, уроженка Псковской губ., 16 лѣтъ.

*) Одинъ ссыльно-каторжный подалъ мнѣ что-то въ родѣ прошенія съ такимъ заглавіемъ: «Конфиденціально. Кое-что изъ нашего захолустья, Великодушному и благосклонному литератору господину Ч., осчастливившему посѣщеніемъ недостойный о-въ Сахалинъ. Постъ Корсаковскій». Въ этомъ прошеніи я нашелъ стихотвореніе подъ заглавіемъ *Борецъ*:

Горделиво растетъ надъ рѣкой,
На болотистомъ мѣстѣ, въ дощипѣ.

Она бѣлокура, тонка и черты у нея тонкія, мягкія, нѣжныя. Ее уже просватали за надзирателя. Бывало, ѣдешь черезъ Мицулку, а она все сидитъ у окна и думаетъ. А о чемъ можетъ думать молодая, красивая дѣвушка, попавшая на Сахалинъ, и о чемъ она мечтаетъ, — извѣстно, должно быть, одному только Богу.

Въ пяти верстахъ отъ Мицулки находится новое селеніе *Лиственничное*, и дорога здѣсь идетъ просѣкой черезъ лиственничный лѣсъ. Называется оно также Христофоровкой, потому что когда-то гилякъ Христофоръ ставилъ здѣсь на рѣкѣ петли для соболей. Выборъ этого мѣста подъ селеніе нельзя назвать удачнымъ, такъ какъ почва здѣсь дурная, негодная для культуры *). Жителей 15. Женщинъ нѣтъ.

Немного дальше, на рѣкѣ Христофоровкѣ, нѣсколько гаторжныхъ занимались когда-то разными подѣлками изъ дерева; имъ разрѣшено было построиться до срока. Но мѣсто, гдѣ они поселились было признано неудобнымъ, и въ 1886 г. ихъ четыре избы были перенесены на другое мѣсто, къ сѣверу отъ Лиственничнаго версты на четыре, что и послужило основаніемъ для селенія *Хомутовки*. Называется оно такъ потому, что поселенецъ изъ вольныхъ

Листикъ тотъ синій—красивый такой,
Аконитомъ слыветъ въ медицинѣ.

Этотъ корень борца,
Посаженный рукою Творца,
Часто народъ соблазняетъ,
Въ могилу кладезь,
Къ Аврааму на лоно ссылаеть.

*) Для тѣхъ, кто выбираетъ мѣста подъ новыя селенія, лиственница служитъ признакомъ дурной, болотистой почвы. Такъ какъ подпочва-глина не пропускаетъ воду, то образуется торфъ, появляются богульникъ, клоква, мохъ, сама лиственница портится, дѣлается корявой, покрывается ягелемъ. Поэтому-то здѣсь лиственницы некрисивы, медкоствольны и высыхаютъ, не доживъ до старости.

крестьянинъ Хомутовъ, занимался здѣсь когда-то охотой. Жителей 38: 25 м. и 13 ж. Хозяевъ 25. Это одно изъ самыхъ неинтересныхъ селеній, хотя, впрочемъ, и оно можетъ похвалиться достопримѣчательностью: въ немъ живетъ поселенецъ Броновскій, извѣстный всему югу, какъ страстный и неутомимый воръ.

Далѣе, черезъ три версты, находится селеніе *Большая Елань*, основанное года два тому назадъ. Еланями здѣсь называются прирѣчныя долины, въ которыхъ растутъ ильма, дубъ, боярка, бузина, ясень, береза. Обыкновенно онѣ бывають защищены отъ холодныхъ вѣтровъ, и въ то время, какъ на сосѣднихъ горахъ и трясиныхъ растительность поражаетъ своею скудостью и мало отличается отъ полярной, здѣсь, въ еланихъ, мы встрѣчаемъ роскошныя рощи и траву раза въ два выше человѣческаго роста; въ лѣтніе, не пасмурные дни земля здѣсь, какъ говорится, паритъ, во влажномъ воздухѣ становится душно, какъ въ банѣ, и согрѣтая почва гонитъ всѣ злаки въ солому, такъ что въ одинъ мѣсяць, напримѣръ, рожь достигаетъ почти сажени вышины. Эти елани, напоминающія малороссу родныя левады, гдѣ луга чередуются съ садами и рощами, наиболѣе пригодны для поселеній *).

Жителей въ Большой Елани 40: 32 м. и 8 ж. Хозяевъ 30. Когда поселенцы раскорчевывали землю подъ свои усадьбы, то имъ было приказано щадить старыя деревья, гдѣ это возможно. И селеніе, благодаря этому, не кажется новымъ, потому что на улицахъ и во дворахъ стоять старыя, широколиственныя ильмы, — точно ихъ дѣды посадили.

Изъ здѣшнихъ поселенцевъ обращаютъ на себя вниманіе братья Бабичи, изъ Кіевской губ.; сначала они жили

*) Тутъ растутъ: пробковое дерево и виноградъ, но они выродилились и такъ же мало похожи на своихъ предковъ, какъ сахалинскій бамбуковый тростникъ на цейлонскій бамбукъ.

въ одной избѣ, потомъ стали ссориться и просить начальство, чтобы ихъ раздѣлили. Одинъ изъ Бабичей, жалуюсь на своего родного брата, выразился такъ: «Я боюсь его, какъ змія».

Еще черезъ пять верстъ—селеніе *Владиміровка*, основанное въ 1881 году и названное такъ въ честь одного майора, по имени Владимира, завѣдывавшаго каторжными работами. Поселенцы зовутъ ее также Черною Рѣчкой. Жителей 91: 55 м. и 36 ж. Хозяевъ 46, изъ нихъ 19 живутъ бобылями и сами доятъ коровъ. Изъ 27 семей только 6 законныя. Какъ сельско-хозяйственная колонія, это селеніе стоить обоихъ сѣверныхъ округовъ, взятыхъ вмѣстѣ, а, между тѣмъ, изъ массы женщинъ, приходящихъ на Сахалинъ за мужьями, свободныхъ и неиспорченныхъ тюрьмой, то-есть наиболѣе цѣнныхъ для колоніи, здѣсь поселена только одна, да и та недавно заключена въ тюрьму по подозрѣнію въ убійствѣ мужа. Несчастныя женщины свободнаго состоянія, которыхъ сѣверные чиновники томятъ въ Дуэ въ «казармахъ для семейныхъ», пригодились бы здѣсь какъ нельзя кстати; во Владиміровкѣ одного рогатаго скота больше 100 головъ, 40 лошадей, хорошіе покосы, но нѣтъ хозяекъ и, значить, нѣтъ настоящихъ хозяйствъ *).

Во Владиміровкѣ, при казенномъ домѣ, гдѣ живетъ смотритель поселеній г. Я. со своей женой акушеркой, находится сельско-хозяйственная ферма, которую поселенцы и

*) Въ одномъ изъ своихъ приказовъ ген. Кононовичъ удостовѣряетъ, «что отчасти по причинѣ своего изолированнаго положенія и затруднительности сообщеній съ нимъ, отчасти вслѣдствіе различныхъ частныхъ соображеній и расчетовъ, которые на глазахъ моихъ предмѣстниковъ развѣдали дѣло и портили его вездѣ, куда только достигало ихъ тлетворное дыханіе, Корсаковскій округъ постоянно былъ обходимъ и обдѣляемъ, и что ни одна изъ самыхъ вопіющихъ нуждъ его не была разобрана, удовлетворена или представлена на разрѣшеніе» (приказъ № 318-й, 1889 г.).

солдаты называют фирмой. Г. Я. интересуется естественными науками и особенно ботаникой, растения называет не иначе, какъ по-латыни, и когда у него подають за обѣдомъ, наприкладъ, фасоль, то онъ говоритъ: «Это—*faseolus*». Своей черной собачонкѣ онъ далъ кличку *Favus*. Изъ всѣхъ сахалинскихъ чиновниковъ онъ наиболѣе свѣдушъ въ агрономіи и относится къ дѣлу добросовѣстно и любовно, но на его образцовой фермѣ урожаи часто бывають хуже, чѣмъ у поселенцевъ, и это вызываетъ всеобщее недоумѣніе и даже насмѣшки. По-моему, эта случайная разница въ урожаяхъ имѣеть такое же отношеніе къ Г. Я., какъ и ко всякому другому чиновнику. Ферма, на которой нѣтъ ни метеорологической станціи, ни скота, хотя бы для навоза, ни порядочныхъ построекъ, ни знающаго человѣка, который отъ утра до вѣчера занимался бы только хозяйствомъ,— это не ферма, а въ самомъ дѣлѣ одна лишь фирма, то-есть пустая забава подъ фирмой образцоваго сельскаго хозяйства. Даже опытнымъ полемъ нельзя назвать эту фирму, такъ какъ въ ней только нятъ десятины и по качествамъ своимъ, какъ сказано въ одной казенной бумагѣ, земля нарочно выбрана ниже средняго достоинства, «съ цѣлью показать населенію примѣромъ, что при извѣстномъ уходѣ и лучшей обработкѣ можно и на ней добиться удовлетворительнаго результата»

Здѣсь, во Владиміровкѣ, произошла любовная исторія. Нѣкій Вуколь Поповъ, крестьянинъ, засталъ свою жену съ отцомъ, размахнулся и убилъ старика. Его приговорили къ каторжнымъ работамъ, прислали въ Корсаковскій округъ и тутъ опредѣлили на фирму, къ Г. Я., въ кучера. Это былъ богатырскаго сложенія человѣкъ, еще молодой и красивый, характера кроткаго и сосредоточеннаго,—все, бывало, молчитъ и о чѣмъ-то думаетъ,—и съ перваго же времени хозяева стали довѣрять ему и, когда уѣзжали изъ дому, то знали, что Вуколь и денегъ не вытащитъ изъ ко-

мода, и спирта въ кладовой не выпьеть. Жениться на Сахалинѣ ему было нельзя, такъ какъ на родинѣ оставалась у него жена и развода ему не давала. Таковъ приблизительно герой. Героиня—ссылно-каторжная Елена Тертышная, сожительница поселенца Кошелева, баба вздорная, глупая и некрасивая. Она стала ссориться со своимъ сожителемъ; тотъ пожаловался и окружной начальникъ въ наказаніе назначилъ ее работницей на фирму. Тутъ увидѣлъ ее Вуколь и влюбился. Она его тоже полюбила. Сожитель Кошелевъ, вѣроятно, замѣтилъ это, потому что сталъ усердно просить ее, чтобъ она вернулась къ нему.

— Ну, да, ладно, знаю васъ! — говорила она. — Женись на мнѣ, тогда пойду.

Кошелевъ подалъ докладную записку о вступленіи въ бракъ съ дѣвицей Тертышной, и начальство разрѣшило ему этотъ бракъ. Между тѣмъ, Вуколь объяснялся Еленѣ въ любви, умоляя ее жить съ нимъ; она тоже искренно клалась въ любви и при этомъ говорила ему:

— Приходи такъ—я могу, а жить постоянно—нѣтъ; ты женатый, а мое дѣло женское, должна я о себѣ подумать, пристроиться за хорошаго человѣка.

Когда Вуколь узналъ, что она просватана, то пришелъ въ отчаяніе и отравился борцомъ. Елену потомъ допрашивали, и она созналась: «Я съ нимъ четыре ночи ночевала». Рассказывали, что недѣли за двѣ до смерти онъ, глядя на Елену, мывшую полъ, говорилъ:

— Эхъ, бабы, бабы! На каторгу изъ-за бабы пошелъ и тутъ, должно, изъ-за бабы придется кончить!

Во Владиміровкѣ я познакомился съ ссылкой Василіемъ Смирновымъ, присланнымъ за поддѣлку кредитныхъ бумажекъ. Онъ отбылъ каторгу и поселенчество и занимается теперь охотой на соболей, что, повидимому, доставляетъ ему большое удовольствіе. Онъ рассказывалъ мнѣ, что когда-то фальшивыя бумажки давали ему по 300 руб-

лей въ день, но попался онъ послѣ того ужь, какъ бросилъ этотъ промыселъ и занялся честнымъ трудомъ. О фальшивыхъ бумажкахъ разсуждаетъ тономъ специалиста; по его мнѣнію, поддѣлывать теперешнія кредитки можетъ даже баба. О прошломъ говоритъ онъ спокойно, не безъ ироніи, и очень гордится тѣмъ, что его когда-то на судѣ защищаль г. Плевако.

Тотчасъ за Владиміровкой начинается громаднѣйшій лугъ въ нѣсколько сотъ десятинъ; онъ имѣетъ видъ полукруга, версты четыре въ діаметрѣ. У дороги, гдѣ онъ кончается, стоитъ селеніе *Луговое* или Лужки, основанное въ 1888 г. Здѣсь 69 мужчинъ и только 5 женщинъ.

Далѣе слѣдуетъ опять короткій промежутокъ въ 4 версты, и мы въѣзжаемъ въ *Поповскія Юрты*, селеніе, основанное въ 1884 г. Его хотѣли назвать Ново-Александровкой, но это названіе не привилось. Поѣхалъ о. Симеонъ Казанскій, или, по-просту, попъ Семень, на собакахъ въ Найбучи «постить» солдатъ, на обратномъ пути его захватила сумасшедшая вьюга и онъ сильно захворалъ (другіе же говорятъ, что онъ возвращался изъ Александровска). Къ счастью, попались айнскія рыбачьи юрты, онъ пріютился въ одной изъ нихъ, а своего возницу послалъ во Владиміровку, гдѣ тогда жили вольные поселенцы; эти пріѣхали за нимъ и доставили его еле-живого въ Корсаковскій постъ. Послѣ этого айнскія юрты стали называться поповскими; это названіе удержала за собою и мѣстность.

Сами поселенцы зовутъ свое селеніе также Варшавой, такъ какъ въ немъ много католиковъ. Жителей 111: 95 м. и 16 жен. Изъ 42 хозяевъ семейно живутъ только 10.

Поповскія Юрты стоятъ какъ разъ на срединѣ пути между Корсаковскимъ постомъ и Найбучи. Тутъ кончается бассейнъ рѣки Сусун и, послѣ некрутого, едва замѣтнаго перевала черезъ водораздѣльный хребетъ, мы спускаемся въ долину, орошаемую Найбой. Первое селеніе этого бас-

сейна находится въ 8 верстахъ отъ Юртъ и называется *Березники*, потому что около когда-то было много березы. Изъ всѣхъ южныхъ селеній это самое большое. Тутъ жителей 159: 142 м. и 17 ж. Хозяевъ 140. Уже есть четыре улицы и площадь, на которой, какъ предполагають, со временемъ будутъ выстроены церковь, телеграфная станція и домъ смотрителя поселеній. Предполагають также, что если колонизація удастся, то въ Березникахъ будетъ волость. Но это селеніе очень скучно на видъ, и люди въ немъ скучные, и думаютъ они не о волости, а только о томъ, какъ бы скорѣе отбыть срокъ и уѣхать на материкъ. Одинъ поселенецъ на вопросъ, женатъ ли онъ, отвѣтилъ мнѣ со скукой: «Былъ женатъ и убилъ жену». Другой, страдающій кровохарканіемъ, узнавъ, что я врачъ, все ходилъ за мной и спрашивалъ, не чахотка ли у него, и пылливо засматривалъ мнѣ въ глаза. Ему было страшно отъ мысли, что онъ не дождется крестьянскихъ правъ и умретъ на Сахалинѣ.

Далѣе черезъ 5 верстъ слѣдуетъ селеніе *Кресты*, основанное въ 1885 г. Тутъ когда-то были убиты двое бродягъ и на мѣстѣ ихъ могилъ стояли кресты, которыхъ теперь уже нѣтъ; или иначе: хвойный лѣсъ, который давно уже вырубленъ, пересѣкалъ здѣсь когда-то елань въ видѣ креста. Оба объясненія поэтичны; очевидно, названіе Кресты дано самимъ населеніемъ.

Находятся Кресты на рѣкѣ Такоэ, какъ разъ при впадении въ нее притока; почва—суглинокъ съ хорошимъ налетомъ ила, урожаи бывають почти каждый годъ, луговъ много и люди, по счастью, оказались порядочными хозяевами; но въ первые годы селеніе мало отличалось отъ Верхняго Армудана и едва не погибло. Дѣло въ томъ, что посажено было здѣсь на участки сразу 30 человѣкъ; это было какъ разъ то время, когда изъ Александровска долго не присылали инструментовъ, и поселенцы отправились къ

мѣсту буквально съ голыми руками. Изъ жалости имъ были даны изъ тюрьмы старые топоры, чтобы они могли нарубить себѣ тѣсу. Потомъ цѣлыхъ три года подрядъ имъ не давали скота,—по той же причинѣ, по какой изъ Александровска не присылали инструментовъ.

Жителей 90: 63 м. и 27 ж. Хозяевъ 52.

Здѣсь есть лавочка, въ которой торгуетъ отставной фельдфебель, бывшій ранѣ надзирателемъ въ Тымовскомъ округѣ; торгуетъ онъ бакалейнымъ товаромъ. Есть и мѣдные браслеты, и сардинки. Когда я пришелъ въ лавочку, то фельдфебель принялъ меня, вѣроятно, за очень важнаго чиновника, потому что вдругъ безъ всякой надобности доложилъ мнѣ, что онъ былъ когда-то замѣшанъ въ чемъ-то, но оправданъ, и сталъ торопливо показывать мнѣ разныя одобрительныя аттестаціи, показалъ, между прочимъ, и письмо какого-то г. Шнейдера, въ концѣ котораго, помнится, есть такая фраза: «а когда потеплѣетъ, жарьте тальи». Потомъ фельдфебель, желая доказать мнѣ, что онъ уже никому не долженъ, принялся рыться въ бумагахъ и искать какія-то расписки, и не нашелъ ихъ, и я вышелъ изъ лавочки, унося съ собою увѣренность въ его полной невинности и фунтъ простыхъ мужицкихъ конфетъ, за которыя онъ, однако, содралъ съ меня полтинникъ.

Слѣдующее послѣ Крестовъ селеніе находится у рѣки съ японскимъ названіемъ Такоэ, впадающей въ Найбу. Долина этой рѣки называется Тахойской и знаменита она тѣмъ, что на ней когда-то жили вольные поселенцы. Селеніе *Большое Такоэ* существуетъ официально съ 1884 г., но основано было гораздо раньше. Хотѣли назвать его Власовскимъ въ честь г. Власова, но названіе это не удержалось. Жителей 71: 56 м. и 15 ж. Хозяевъ 47. Здѣсь живетъ постоянно классный фельдшеръ, котораго поселенцы называютъ перво-класснымъ. За недѣлю до моего пріѣзда отравилась бордомъ его жена, молодая женщина.

Вблизи селенія, а особенно по дорогѣ къ Крестамъ, встрѣчаются превосходныя строевыя ели. Вообще много зелени, и, притомъ, сочной, яркой, точно умытой. Флора Такойской долины несравненно богаче, чѣмъ на сѣверѣ, но сѣверный пейзажъ живѣе и чаще напоминалъ мнѣ Россію. Правда, природа тамъ печальна и сурова, но сурова она по-русски, здѣсь же она улыбается и груститъ, должно быть, по-аински и вызываетъ въ русской душѣ неопредѣленное настроеніе *).

Въ Такойской же долинѣ, въ 4½ верст. отъ Большого, находится *Малое Такоэ* на небольшой рѣчущкѣ, впадающей въ Такоэ **). Основано селеніе въ 1885 г. Жителей 52: 37 м. и 15 ж. Хозяевъ 35. Изъ нихъ живутъ семейно только 9, и нѣтъ ни одной вѣнчанной пары.

Дальше, въ 8 верстахъ, на мѣстѣ, которое у японцевъ и айцевъ называлось Сіянча и гдѣ когда-то стоялъ японскій рыбный сарай, находится селеніе *Галкино-Враское* или Сіянцы, основанное въ 1884 г. Мѣстоположеніе красивое—при впаденіи Такоэ въ Найбу, но очень неудобное. Весною и осенью, да и лѣтомъ въ дождливую погоду, Найба, капризная, какъ все вообще горныя рѣки, разливается и затопляетъ Сіянчу; сильное теченіе запираетъ входъ для Такоэ и эта тоже выходитъ изъ береговъ; то же происходитъ и съ мелкими рѣчками, впадающими въ Такоэ. Галкино-Враское

*) Въ верстѣ отъ Большого Такоэ на рѣкѣ стоитъ мельница, построенная по приказанію ген. Кононовича чѣмцемъ Лаксомъ, котораго онъ же построилъ мельницу и на Тыми близъ Дербинскаго. На такойской мельницѣ берутъ за помолъ по 1 ф. муки и 1 коп. съ пуда. Поселенцы довольны, потому что раньше платили по 15 коп. съ пуда или же мололи дома на ручныхъ мельницахъ собственного издѣлія, съ ильмовыми жерновами. Для мельницы пришлось рыть каналъ и строить плотину.

**) Я не называю мелкихъ притоковъ, на которыхъ стоятъ селенія Сусуйскаго и Найбинскаго бассейновъ, потому что все они имѣютъ трудно усвояемые айнскія или японскія названія, въ родѣ Экуреки или Фуфкасаманай.

представляетъ изъ себя тогда Венецію и ѣздятъ по немъ на аинскихъ лодкахъ; въ избахъ, построенныхъ на низинѣ, полъ бываетъ залитъ водой. Мѣсто для селенія выбиралъ нѣкій г. Ивановъ, понимающій въ этомъ дѣлѣ такъ же мало, какъ въ гиляцкомъ и аинскомъ языкахъ, переводчикомъ которыхъ онъ офиціально считается; впрочемъ, въ ту пору онъ былъ помощникомъ смотрителя тюрьмы и исправлялъ должность нынѣшняго смотрителя поселеній. Аинцы и поселенцы предупреждали его, что мѣсто тутъ тонкое, но онъ не слушалъ ихъ. Кѣмъ жаловался, тѣхъ сѣкли. Въ одно изъ наводненій погибъ быкъ, въ другое—лошадь.

Впаденіе Такоэ въ Найбу образуетъ полуостровъ, на который ведетъ высокій мостъ. Тутъ очень красиво; мѣсто какъ разъ соловьиное. Въ надзирательской свѣтло и очень чисто; есть даже каминъ. Съ террасы видъ на рѣку, во дворѣ садикъ. Сторожемъ здѣсь старикъ Савельевъ, каторжный, который, когда здѣсь ночуютъ чиновники, служить за лакея и повара. Какъ-то, прислуживая за обѣдомъ мнѣ и одному чиновнику, онъ подалъ что-то не такъ, какъ нужно, и чиновникъ крикнулъ на него строго: «Дуракъ!» Я посмотрѣлъ тогда на этого безотвѣтнаго старика и, помнится, подумалъ, что русскій интеллигентъ до сихъ поръ только и сумѣлъ сдѣлать изъ каторги, что самымъ пошлымъ образомъ свелъ ее къ крѣпостному праву.

Жителей въ Галкинѣ-Враскомъ 74: 50 м. и 24 ж. Хозяевъ 45 и изъ нихъ 29 имѣютъ крестьянское званіе.

Послѣднее селеніе по тракту — *Дубки*, основанное въ 1886 г. на мѣстѣ бывшаго здѣсь дубоваго лѣса. На пространствѣ 8 верствъ, между Сіянцами и Дубками, встрѣчаются горѣлые лѣса и между ними луговины, на которыхъ, говорятъ, растетъ капорскій чай. Когда ѣдешь, показываютъ, между прочимъ рѣчку, гдѣ поселенецъ Маловѣчкинъ ловилъ рыбу; теперь эта рѣчка носитъ его имя. Жителей въ Дубкахъ 44: 31 м. и 13 ж. Хозяевъ 30. Мѣстоположеніе счи-

тается хорошимъ по теоріи, что тамъ, гдѣ растетъ дубъ, почва должна быть хороша для пшеницы. Большая часть площади, которая занята теперь подъ пашней и покосомъ, недавно еще была болотомъ, но поселенцы, по совѣту г. Я., выкопали канаву до Найбы, въ сажень глубины, и теперь стало хорошо.

Быть можетъ, оттого, что это маленькое селеніе стоитъ съ краю, какъ бы особнякомъ, здѣсь значительно развиты картежная игра и пристанодержательство. Въ іюнь здѣшній поселенецъ Лифановъ проигрался и отравился борцомъ.

Отъ Дубковъ до устья Найбы остается только 4 версты, на пространствѣ которыхъ селиться уже нельзя, такъ какъ у устья заболочина, а по берегу моря песокъ и растительность песчано-морская: шиповникъ съ очень крупными ягодами, волосянецъ и проч. Дорога продолжается до моря, но можно проѣхать и по рѣкѣ, на аинской лодкѣ.

У устья стоялъ когда-то постъ *Найбучи*. Онъ былъ основанъ въ 1866 г. Мицудъ засталъ здѣсь 18 построекъ, жилыхъ и не жилыхъ, часовню и магазинъ для провіанта. Одинъ корреспондентъ, бывший въ Найбучи въ 1871 г., пишетъ, что здѣсь было 20 солдатъ подъ командой юнкера; въ одной изъ избъ красивая высокая солдатка угостила его свѣжими яйцами и чернымъ хлѣбомъ, хвалила здѣшнее житье и жаловалась только, что сахаръ очень дорогъ *). Теперь и слѣда нѣтъ тѣхъ избъ, и красивая высокая солдатка, когда оглянешься кругомъ на пустыню, представляется какимъ-то мифомъ. Тутъ строятъ новый домъ, надзирательскую или станцію, и только. Море на видъ холодное, мутное, реветъ и высокія сѣдыя волны бьются о песокъ, какъ бы желая сказать въ отчаяніи: «Боже, зачѣмъ ты насъ создалъ?» Это уже великій или Тихій океанъ. На этомъ

*) Мичманъ В. Виттефтъ: «Два слова объ о-вѣ Сахалинѣ». *Кронштадтскій Вѣстникъ* 1872 г., № 7, 17 и 34.

берегу Найбучи слышно, какъ на постройкѣ стучать топорами каторжные, а на томъ берегу, далекомъ, воображаемомъ, Америка. Налѣво видны въ туманѣ сахалинскіе мысы, направо тоже мысы... а кругомъ ни одной живой души, ни птицы, ни мухи, и кажется непонятнымъ, для кого здѣсь ревуть волны, кто ихъ слушаетъ здѣсь по ночамъ, что имъ нужно и, наконецъ, для кого онѣ будутъ ревѣть, когда я уйду. Тутъ, на берегу, овладѣваютъ не мысли, а именно думы; жутко и, въ то же время, хочется безъ конца стоять, смотрѣть на однообразное движеніе волнъ и слушать ихъ грозный ревъ.

XIV.

Тарайка. — Вольные поселенцы. — Ихъ неудачи. — Айно, границы ихъ распространенія, численный составъ, наружность, пища, одежда, жилища, ихъ нравы. — Японцы. — Кусунъ - Котанъ. — Японское консульство.

Въ мѣстности, которая называется Тарайкою, на одномъ изъ самыхъ южныхъ притоковъ Поронная, впадающаго въ заливъ Терпѣнія, находится селеніе *Сиска*. Вся Тарайка причисляется къ южному округу, разумѣется, съ большою натяжкой, такъ какъ отъ нея до Корсаковска будетъ верстъ 400 и климатъ здѣсь отвратительный, хуже, чѣмъ въ Дуэ. Тотъ проектированный округъ, о которомъ я говорилъ въ X главѣ, будетъ называться Тарайкинскимъ и въ него войдутъ всѣ селенія по Поронною, въ томъ числѣ и Сиска; пока же здѣсь селятъ южанъ. Въ казенной вѣдомости показано жителей только 7: 6 м. 1 ж. Въ Сискѣ я не былъ; но вотъ выдержка изъ чужого дневника: «Какъ селеніе, такъ и мѣстность самая безотрадная; прежде всего, отсутствіе хорошей воды, дровъ; жители пользуются изъ колодцевъ, въ которыхъ во время дождей вода красная, тундровая. Берегъ, гдѣ расположено селеніе, песчаный, вокругъ вездѣ тундра...

Въ общемъ вся мѣстность производить тяжелое, удручающее впечатлѣніе *)).

Теперь, чтобы покончить съ Южнымъ Сахалиномъ, остается мнѣ сказать нѣсколько словъ еще о тѣхъ людяхъ, которые жили когда-либо здѣсь и теперь живутъ независимо отъ ссыльной колоніи. Начну съ попытокъ къ вольной колонизаціи. Въ 1868 г. одною изъ канцелярій Восточной Сибири было рѣшено поселить на югѣ Сахалина до 25 семействъ; при этомъ имѣлись въ виду крестьяне свободнаго состоянія, переселенцы, уже селившіеся по Амуру, но такъ неудачно, что устройство ихъ поселеній одинъ изъ авторовъ называетъ плачевнымъ, а ихъ самихъ горемыками. Это были хохлы, уроженцы Черниговской губ., которые раньше, до прихода на Амуръ, уже селились въ Тобольской губ., но тоже неудачно. Администрація, предлагавшая имъ переселиться на Сахалинъ, давала обѣщанія въ высшей степени заманчивыя. Обѣщали безвозмездно въ теченіе двухъ лѣтъ довольствовать ихъ мукой и крупой, снабдить каждую семью заимообразно земледѣльческими орудіями, скотомъ, сѣменами и деньгами, съ уплатою долга черезъ пять лѣтъ, и освободить ихъ на 20 лѣтъ отъ податей и рекрутской повинности. Переселиться изъявили желаніе 10 амурскихъ семействъ и, кромѣ того, 11 семействъ изъ Балаганскаго уѣзда, Иркутской губ., всего 101 душа. Въ 1869 г., въ августѣ, ихъ отправили на транспортѣ *Манджуръ* въ Му-

*) Селеніе стоитъ на перепутьи; вѣдуще зимою изъ Александровска въ Корсаковскъ или наоборотъ, непременно останавливаются здѣсь. Въ 1869 г. около теперешняго, тогда японскаго, селенія былъ построенъ станокъ. Жили здѣсь солдаты съ женами, а позднѣе и ссыльные. Въ теченіе зимы, весны и конца лѣта тутъ кипѣла бойкая ярмарочная жизнь. Зимою навѣзжали сюда тунгусы, якуты, амурскіе гиліані, которые веди торговлю съ южанами-инородцами, а весной и въ концѣ лѣта на джонгахъ приходили японцы для рыбныхъ промысловъ. Названіе станка—*Тихменевскій постъ*—сохранилось и до настоящаго времени.

равьевскій постъ, чтобы отсюда перевезти вокругъ Анивскаго мыса Охотскимъ моремъ въ постъ Найбучи, отъ котораго до Такоиской долины, гдѣ предполагалось положить начало вольной колоніи, было только 30 верстъ. Но наступила уже осень, свободнаго судна не было, и тотъ же *Манджуръ* доставилъ ихъ вмѣстѣ съ ихъ скарбомъ въ Корсаковскій постъ, откуда они рассчитывали пробраться въ Такоискую долину сухимъ путемъ. Дороги тогда не было вовсе. Прапорщикъ Дьяконовъ, по выраженію Мицуля, «двинулся» съ 15 рядовыми дѣлать неширокую просѣку. Но двигался онъ, вѣроятно, очень медленно, потому что 16 семействъ не стали дожидаться окончанія просѣки и отправились въ Такоискую долину прямо черезъ тайгу на вычнхъ волахъ и телѣгахъ; на пути выпалъ глубокій снѣгъ, и они должны были часть телѣгъ бросить, а часть положить на полозья. Прибывши въ долину 20 ноября, они немедленно стали строить себѣ бараки и землянки, чтобы укрыться отъ холода. За недѣлю до Рождества пришли остальные 6 семействъ, но помѣститься имъ было негдѣ, строиться поздно, и они отправились искать пристанища въ Найбучи, оттуда въ Кусуннайскій постъ, гдѣ и перезимовали въ солдатскихъ казармахъ; весною же вернулись въ Такоискую долину.

«Но тутъ-то и начала сказываться вся неряшливость и неумѣлость чиновничества», — пишетъ одинъ изъ авторовъ. Общали разныхъ хозяйственныхъ предметовъ на 1,000 рублей и по 4 головы разнаго скота на каждую семью, но когда отправляли переселенцевъ на *Манджуръ* изъ Николаевска, то не было ни жернововъ, ни рабочихъ воловъ, лошадямъ не нашлось мѣста на суднѣ, и сохи оказались безъ сошниковъ. Зимой сошники были привезены на собакахъ, но только 9 штукъ, и когда впослѣдствіи переселенцы обратились къ начальству за сошниками, то просьба ихъ «не обратила на себя должнаго вниманія». Быковъ прислали

осенью 1869 г. въ Кусуннай, но изнуренныхъ, полуживыхъ, и въ Кусуннаѣ вовсе не было заготовлено сѣна, и изъ 41 околѣло за зиму 25 быковъ. Лошади остались зимовать въ Николаевскѣ, но такъ какъ кормы были дороги, то ихъ продали съ аукціона, и на вырученныя деньги купили новыхъ въ Забайкальи, но эти лошади оказались хуже прежнихъ и крестьяне забраковали нѣсколькихъ. Сѣмена отличались дурною всхожестью, яровая рожь была перемѣшана въ мѣшкахъ съ озимюю, такъ что хозяева потеряли скоро къ сѣменамъ всякое довѣріе и, хотя и брали ихъ изъ казны, но скармливали скоту или сѣдали сами. Такъ какъ жернововъ не было, то зеренъ не мололи, а только запаривали ихъ и ѣли, какъ кашу.

Послѣ ряда неурожаевъ, въ 1875 г. случилось наводненіе, которое окончательно отняло у переселенцевъ охоту заниматься на Сахалинѣ сельскимъ хозяйствомъ. Стали опять переселяться. На берегу Анивы, почти на поль-дорогѣ отъ Корсаковского поста къ Муравьевскому, въ такъ-называемой Чибисани, образовался выселокъ въ 20 дворовъ. Потомъ стали просить позволенія переселиться въ Южно-Уссурійскій край; ожидали они разрѣшенія, какъ особой милости, съ нетерпѣніемъ, десять лѣтъ, а пока кормились охотой на соболя и рыбною ловлей. Только лишь въ 1886 г. они отбыли въ Уссурійскій край. «Дома свои бросаютъ,— пишетъ корреспондентъ,—ѣдутъ съ весьма тощими карманами; берутъ кое-какой скарбъ, да по одной лошади» (*Владивостокъ* 1886 г., № 22). Въ настоящее время между селеніями Большое и Малое Такоэ, нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги, находится пожарище; тутъ стояло когда-то вольное селеніе Воскресенское; избы, оставленныя хозяевами, были сожжены бродягами. Въ Чибисани же, говорятъ, до сихъ поръ еще сохранились въ цѣлости избы, часовня и даже домъ, въ которомъ помѣщалась школа. Я тамъ не былъ.

Изъ вольныхъ поселенцевъ осталось на островѣ только

трое: Хомутовъ, о которомъ я уже упоминалъ, и двѣ женщины, родившіяся въ Чибисани. Про Хомутова говорятъ, что онъ «шатается гдѣ-то» и живетъ, кажется, въ Муравьевскомъ посту. Его рѣдко видятъ. Онъ охотится на соболей и ловить въ бухтѣ Буссе осетровъ. Что касается женщинъ, то одна изъ нихъ, Софья, замужемъ за крестьяниномъ изъ ссыльныхъ Барановскимъ и живетъ въ Мицулькѣ, другая, Анисья, за поселенцемъ Леоновымъ, живетъ въ Третьей Пади. Хомутовъ скоро умретъ, Софья и Анисья уѣдутъ съ мужьями на материкъ, и такимъ образомъ о вольныхъ поселенцахъ скоро останется одно только воспоминаніе.

Итакъ, вольную колонизацію на югѣ Сахалина слѣдуетъ признать неудавшеюся. Виноваты ли въ этомъ естественныя условія, которыя на первыхъ же порахъ встрѣтили крестьянъ такъ сурово и недружелюбно, или же все дѣло испортили неумѣлость и неряшливость чиновниковъ, рѣшить трудно, такъ какъ опытъ былъ непродолжителенъ, и, къ тому же, еще приходилось производить экспериментъ надъ людьми, повидимому, неусидчивыми, пріобрѣтшими въ своихъ долгихъ скитаніяхъ по Сибири вкусъ къ кочевой жизни. Трудно сказать, къ чему бы привелъ опытъ, если-бъ онъ былъ повторенъ *). Собственно для ссыльной колоніи неудавшейся

*) Этотъ опытъ касается одного только Сахалина, между тѣмъ, Д. Г. Тальбергъ, въ своемъ очеркѣ *Ссылка на Сахалинъ (Вѣстникъ Европы 1879 г., V)*, придаетъ ему общее значеніе и, говоря по поводу его вообще о нашей неспособности къ колонизаціи, приходитъ даже къ такому выводу: «не пора ли намъ отказаться отъ всякихъ колонизаціонныхъ попытокъ на Востокъ?» Въ своемъ примѣчаніи къ статьѣ проф. Тальберга редакция *Вѣстника Европы* говоритъ, что «мы едва ли найдемъ другой примѣръ колонизаторскихъ способностей, какія представилъ русскій народъ въ своемъ прошедшемъ, когда онъ овладевалъ всѣмъ европейскимъ Востокомъ и Сибирью», и при этомъ почтенная редакция ссылается на трудъ покойнаго проф. Ешевскаго, который представилъ «изумительную картину русской колонизаціи».

опытъ пока можетъ быть поучителенъ въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, вольные поселенцы сельскимъ хозяйствомъ занимались не долго и въ послѣднія десять лѣтъ до переѣзда на материкъ промышляли только рыбною ловлей и охотой; и въ настоящее время Хомутовъ, несмотря на свой преклонный возрастъ, находятъ для себя болѣе подходящимъ и выгоднымъ ловить осетровъ и стрѣлять соболей, чѣмъ сѣять пшеницу и сажать капусту; во-вторыхъ, удержать на югѣ Сахалина свободного человѣка, когда ему изо дня въ день толкуютъ, что только въ двухъ дняхъ пути отъ Корсаковска находится теплый и богатый Южно-Уссурийскій край,—удержать свободного человѣка, если, къ тому же, онъ здоровъ и полонъ жизни, невозможно.

Коренное населеніе Южнаго Сахалина, здѣшніе инородцы, на вопросъ, кто они, не называютъ ни племени, ни націи, а отвѣчаютъ просто: айно. Это значить — человѣкъ. Въ этнографической картѣ Шренка площадь распространенія айно, или айну, обозначена желтою краскою, и эта краска сплошь покрываетъ японскій островъ Матсмай и южную

Въ 1869 г. нѣкій промышленникъ привезъ на югъ Сахалина съ острова Кадьяка 20 алеутовъ обоюго пола для охоты на звѣря. Ихъ поселили около Муравьевскаго поста и выдавали имъ провизію. Но они ровно ничего не дѣлали, а только ѣли и пили, и черезъ годъ промышленникъ увезъ ихъ на одинъ изъ Курильскихъ острововъ. Приблизительно въ то же самое время въ Корсаковскомъ посту поселили двухъ китайцевъ, политическихъ изгнанниковъ. Такъ какъ они выразили желаніе заниматься сельскимъ хозяйствомъ, то генералъ-губернаторъ Восточной Сибири приказалъ выдать каждому изъ нихъ шесть быковъ, лошадь, корову, сѣмена для посѣва и продовольствіе на два года. Но ничего этого они не получили, по немѣнню будто бы свободныхъ запасовъ, и, въ концѣ-концовъ, ихъ отправили на материкъ. Къ вольнымъ колонизаторамъ, тоже неудачнымъ, пожалуй, можно отнести также и николаевскаго мѣщанина Семенова, маленькаго, тощенькаго человѣка, лѣтъ 40, который бродитъ въ настоящее время по всему югу и старается отыскать золото.

часть Сахалина до залива Терпѣнія. Живутъ они также еще на Курильскихъ островахъ и называются поэтому у русскихъ курилами. Численный составъ айно, живущихъ на Сахалинѣ, не опредѣленъ точно, но не подлежитъ сомнѣнію все-таки, что племя это исчезаетъ и, притомъ, съ необыкновенною быстротой. Врачъ Добротворскій, 25 лѣтъ назадъ служившій на Южномъ Сахалинѣ *), говоритъ, что было время, когда около одной лишь бухты Буссе было 8 большихъ айскихъ селеній и число жителей въ одномъ изъ нихъ доходило до 200; около Найбы онъ видѣлъ слѣды многихъ селеній. Для своего времени онъ гадательно приводитъ три цифры, взятая изъ разныхъ источниковъ: 2885, 2418, 2050, и послѣднюю считаетъ наиболѣе достовѣрной. По свидѣтельству одного автора, его современника, отъ Корсаковского поста въ обѣ стороны по берегу шли айскія селенія. Я же около поста не засталъ уже ни одного селенія и видѣлъ нѣсколько айскихъ юртъ только около Большого Такоэ и Сянцы. Въ *Вѣдомости о числѣ проживающихъ иностранцевъ за 1889 г. по Корсаковскому округу* численный составъ айно опредѣляется такъ: 581 мужчинъ и 569 женщинъ.

Причинами исчезанія айно Добротворскій считаетъ опустошительныя войны, будто бы происходившія когда-то на Сахалинѣ, незначительную рождаемость вслѣдствіе неплодovitости айнокъ, а главное болѣзни. У нихъ всегда наблюдались сифилисъ, цынга; бывала, вѣроятно, и оспа **).

Но всѣ эти причины, обуславливающія обыкновенно хро-

*) Послѣ него остались двѣ серьезныя работы: *Южная часть острова Сахалина* (извлеченіе изъ военно-медицинскаго отчета). Изд. сиб. отд. Имп. рус. геогр. общества 1870 г., т. I, №№ 2 и 3, и *Айнско-русскій словарь*.

**) Трудно предположить, чтобы эта болѣзнь, производившая опустошенія на Сѣв. Сахалинѣ и Курильскихъ островахъ, щадила бы Южн. Сахалинъ. А. Полонскій пишетъ, что юрту, въ которой слу-

ническое вымирание инородцевъ, не даютъ объясненія, почему айно исчезаютъ такъ быстро, почти на нашихъ глазахъ; вѣдь, въ послѣднія 25—30 лѣтъ не было ни войнъ, ни значительныхъ эпидемій, а, между тѣмъ, въ этотъ промежутокъ времени племя уменьшилось больше, чѣмъ на половину. Мнѣ кажется, вѣрнѣе будетъ предположить, что это быстрое исчезаніе, похожее на таяніе, происходитъ не отъ одного вымирания, но также и отъ переселенія айно на сосѣдніе острова.

До занятія Южнаго Сахалина русскими, айно находились у японцевъ почти въ крѣпостной зависимости, и поработить ихъ было тѣмъ легче, что они кротки, безотвѣтны, а главное, были голодны и не могли обходиться безъ рису *).

Занявши Южный Сахалинъ, русскіе освободили ихъ и до послѣдняго времени охраняли ихъ свободу, защищая отъ обидъ и избѣгая вмѣшиваться въ ихъ внутреннюю жизнь. Бѣглые каторжники въ 1884 году перерѣзали нѣсколько аинскихъ семействъ; рассказываютъ также, будто былъ высѣченъ розгами какой-то аинець-каюръ, который отказывался везти почту, и бывали покушенія на цѣломудріе айнокъ, но о подобнаго рода притѣсненіяхъ и обидахъ говорятъ какъ объ отдѣльныхъ и въ высшей степени рѣдкихъ случаяхъ. Къ сожалѣнію, русскіе вмѣстѣ со свободой не принесли рису; съ уходомъ японцевъ никто уже не ловилъ рыбы, заработки прекратились и айно стали испытывать голодъ. Кормиться, подобно гилякамъ, одною рыбой и мясомъ они уже не могли,—нуженъ былъ рисъ, и вотъ,

чися покойникъ, айно оставляютъ и, вмѣсто нея, строятъ другую на новомъ мѣстѣ. Такой обычай, очевидно, произошелъ въ тѣ времена, когда айно въ страхъ передъ эпидеміями покидали свои зараженные жилища и селились на новыхъ мѣстахъ.

*) Римскому-Корсакову айно говорили: «Сизамъ спать, а айно работаетъ для него: рубить лѣсъ, ловить рыбу; айно не хочетъ работать—сизамъ его колотить».

несмотря на свое нерасположеніе къ японцамъ, побуждаемые голодомъ, начали они, какъ говорятъ, выселяться на Матсмай. Въ одной корреспонденці (*Голосъ* 1876 г., № 16) я прочелъ, будто бы депутація отъ айно приходила въ Корсаковскій постъ и просила дать работы, или, по крайней мѣрѣ, сѣмянъ для разводки картофеля и научить ихъ воздѣлывать подъ картофель землю; въ работѣ будто бы было отказано и сѣмена картофеля обѣщали прислать, но обѣщанія не исполнили, и айно, бѣдствуя, продолжали переселяться на Матсмай. Въ другой корреспонденці, относящейся къ 1885 г. (*Владивостокъ*, № 28), говорится тоже, что айно дѣлали какія-то заявленія, которыя, повидимому, не были уважены, и что они сильно желаютъ выбраться съ Сахалина на Матсмай.

Айно смуглы, какъ цыгане; у нихъ большія окладистыя бороды, усы и черные волосы, густые и жесткіе; глаза у нихъ темные, выразительные, кроткіе. Роста они средняго и сложенія крѣпкаго, коренастаго, черты лица крупны, грубоваты, но въ нихъ, по выраженію моряка В. Римскаго-Корсакова, нѣтъ ни монгольской приплюснутости, ни китайскаго узкоглазія. Находятъ, что бородатые айно очень похожи на русскихъ мужиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда айно надѣваетъ свой халатъ, въ родѣ нашей чуйки, и подпоясывается, то становится похожимъ на купческаго кучера *).

Тѣло айно покрыто темными волосами, которые на груди иногда растутъ густо, пучками, но до мохнатости еще далеко, между тѣмъ борода и волосатость, составляющая такую рѣдкость у дикарей, поражали путешественниковъ, которые по возвращеніи домой описывали айно, какъ мох-

*) Въ книгѣ Шренка, о которой я уже говорилъ, есть таблица съ изображеніемъ айно. См. также книгу *Фр. Гельвальда*: «Естественная исторія племенъ и народовъ», т. II, гдѣ айно изображенъ во весь ростъ, въ халатѣ.

натыхъ. И наши казаки, въ прошломъ столѣтїи бравшіе съ нихъ ясакъ на Курильскихъ островахъ, тоже называли ихъ мохнатыми.

Айно живутъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ народами, у которыхъ растительность на лицѣ отличается скудостью, и немудрено поэтому, что ихъ широкія бороды ставятъ этнографовъ въ немалое затрудненіе; наука до сихъ поръ еще не отыскала для айно настоящаго мѣста въ расовой системѣ. Айно относятъ то къ монгольскому, то къ кавказскому племени; одинъ англичанинъ нашель даже, что это потомки евреевъ, заброшенныхъ во времена оны на японскіе острова. Въ настоящее время наиболѣе вѣроятными представляются два мнѣнія: одно, что айно принадлежать къ особой расѣ, населявшей нѣкогда всѣ восточно-азиатскіе острова, другое же, принадлежащее нашему Шренку, что это народъ палео-азиатскій, издавна вытѣсненный монгольскими племенами съ материка Азіи на его островную окраину, и что путь этого народа изъ Азіи на острова лежалъ черезъ Корею. Во всякомъ случаѣ, айно двигались съ юга на сѣверъ, изъ тепла въ холодъ, мнѣнія постоянно лучшія условія на худшія. Они не воинственны, не терпятъ насилія; покорять, поработать или вытѣснить ихъ было нетрудно. Изъ Азіи ихъ вытѣснили монголы, изъ Ниппона и Матсмая—японцы, на Сахалинѣ гиляки не пустили ихъ выше Тарайки, на Курильскихъ островахъ они встрѣтились съ казаками и, такимъ образомъ, въ концѣ-концовъ, очутились въ положеніи безвыходномъ. Въ настоящее время айно, обыкновенно безъ шапки, босой и въ портахъ, подсученныхъ выше колѣнъ, встрѣчаясь съ вами по дорогѣ, дѣлаетъ вамъ реверансъ и при этомъ взглядываетъ ласково, но грустно и болѣзненно, какъ неудачникъ, и какъ будто хочетъ извиниться, что борода у него выросла большая, а онъ все еще не сдѣлалъ себѣ карьеры.

Подробности объ айно см. у Шренка, Добротворскаго и

А. Полонскаго *). То, что было сказано о пищѣ и одеждѣ у гиляковъ, относится и къ айно, съ тою лишь прибавкой, что недостатокъ риса, любовь къ которому айно унаслѣдовали отъ прадѣдовъ, жившихъ когда-то на южныхъ островахъ, составляетъ для нихъ серьезное лишеніе; русскаго хлѣба они не любятъ. Пицца у нихъ отличается большимъ разнообразіемъ, чѣмъ у гиляковъ; кромѣ мяса и рыбы, они ѣдятъ разныя растенія, моллюсковъ и то, что итальянскіе нищіе называютъ вообще *frutti di mare*. Ъдятъ они понемногу, но часто, почти каждый часъ; прожорливости, свойственной всѣмъ сѣвернымъ дикарямъ, у нихъ не замѣчается. Такъ какъ груднымъ дѣтямъ приходится съ молока переходить прямо на рыбу и китовый жиръ, то ихъ отнимаютъ отъ груди поздно. Римскій-Корсаковъ видѣлъ, какъ аинку сосалъ ребенокъ лѣтъ трехъ, который отлично уже двигался самъ и даже имѣлъ на ременномъ поясѣ ножикъ, какъ большой. На одеждѣ и жилищахъ чувствуется сильное вліяніе юга, — не сахалинскаго, а настоящаго юга. Лѣтомъ айно ходятъ въ рубахахъ, сотканныхъ изъ травы или луба, а раньше, когда были не такъ бѣдны, носили шелковые халаты. Шапокъ они не носятъ, лѣто и всю осень до снѣга ходятъ босикомъ. Въ юртахъ у нихъ дымно и смрадно, но все-таки гораздо свѣтлѣе, опрятнѣе и, такъ сказать, культурнѣе, чѣмъ у гиляковъ. Около юртъ обыкновенно стоятъ сушильни съ рыбой, распространяющей далеко вокругъ промозглый, удушливый запахъ; воютъ и грызутся собаки; тутъ же иногда можно увидѣть небольшой срубъ-клетку, въ которомъ сидитъ молодой медвѣдь: его убьютъ и съѣдятъ зимой на такъ-называемомъ медвѣжьемъ праздникѣ. Я видѣлъ однажды утромъ, какъ аинская дѣвочка-подростокъ кормила медвѣдя, просовывая ему на лопаточкѣ сушеную рыбу, смо-

*) Изслѣдованіе А. Полонскаго *Курил* напечатано въ *Запискахъ Имп. Русск. Геогр. Общества* 1871 г., томъ IV.

ченную въ водѣ. Сами юрты сложены изъ накатника и тесу; крыша, изъ тонкихъ жердей, покрыта сухою травой. Внутри у стѣнъ тянутся нары, выше ихъ полки съ разной утварью; тутъ, кромѣ шкуръ, пузырей съ жиромъ, сътей, посуды и проч., вы найдете корзины, циновки и даже музыкальный инструментъ. На нарѣ обыкновенно сидитъ хозяинъ и, не переставая, курить трубочку, и если вы задаете ему вопросы, то отвѣчаетъ неохотно и коротко, хотя и вѣжливо. Посреди юрты стоитъ очагъ, на которомъ горятъ дрова; дымъ уходитъ черезъ отверстіе въ крышѣ. Надъ огнемъ виситъ на крюкѣ большой черный котелъ; въ немъ кипитъ уха, сѣрая, пѣнистая, которую, я думаю, европеецъ не сталъ бы ѣсть ни за какія деньги. Около котла сидятъ чудовища. Насколько солидны и благообразны айномужчины, настолько непривлекательны ихъ жены и матери. Наружность айнскихъ женщинъ авторы называютъ безобразной и даже отвратительной. Цвѣтъ смугло-желтый, пергаментный, глаза узкіе, черты крупныя; невьющіеся, жесткіе волосы висятъ черезъ лицо пѣтлами, точно солома на старомъ сараѣ, платье неопрятное, безобразное, и при всемъ томъ—необыкновенная худощавость и старческое выраженіе. Замужнія красятъ себѣ губы во что-то синее и отъ этого лица ихъ совершенно утрачиваютъ образъ и подобіе человѣческіе, и когда мнѣ приходилось видѣть ихъ и наблюдать ту серьезность, почти суровость, съ какою онѣ мѣшаютъ ложками въ котлахъ и снимаютъ грязную пѣну, то мнѣ казалось, что я вижу настоящихъ вѣдьмъ. Но дѣвочки и дѣвушки не производятъ такого отталкивающаго впечатлѣнія*).

*) Н. В. Буссе, рѣдко отзывавшійся о комъ-нибудь милостиво, между прочимъ, такъ аттестуетъ айнокъ: «Вечеромъ пришелъ ко мнѣ пьяный айнь, извѣстный мнѣ, какъ большой пьяница. Онъ привелъ съ собою свою жену, и, сколько я могъ понять, съ цѣлью пожертвовать вѣрностью ея супружескому ложу и тѣмъ выманить у меня хорошіе подарки. Айнка, довольно красивая собою, казалось, готова

Аино никогда не умываются, ложатся спать не раздеваясь.

Почти все, писавшие об аино, отзывались об их нравах с самой хорошей стороны. Общій голос таковъ, что это народъ кроткій, скромный, добродушный, довѣрчивый, сообщительный, вѣжливый, уважающій собственность, на охотѣ смѣлый и, по выраженію д-ра Rollen'a, спутника Лаперуза, даже интеллигентный. Безкорыстіе, откровенность, вѣра въ дружбу и щедрость составляютъ ихъ обычныя качества. Они правдивы и не терпятъ обмановъ. Крузенштернъ пришелъ отъ нихъ въ совершенный восторгъ; перечисливъ ихъ прекрасныя душевныя качества, онъ заключаетъ: «Такія подлинно рѣдкія качества, коими обязаны они не возвышенному образованію, но одной только природѣ, возбудили во мнѣ то чувство, что я народъ сей почитаю лучшимъ изъ всехъ прочихъ, которые донныя мнѣ извѣстны*». А Руда-

была помочь своему мужу, но я подавалъ видъ, что не понимаю ихъ объясненій... Выйдя изъ дому моего, мужъ и жена безъ церемоніи передъ моимъ окошкомъ и въ виду часового отдали долгъ природѣ. Вообще аинка эта не показывала большого женскаго стыда. Груды ея почти не были закрыты ничѣмъ. Аинки носятъ такое же платье, какъ и мужчины, т.-е. нѣсколько распашныхъ короткихъ халатовъ, низко перепоясанныхъ кушакомъ. Рубашекъ и нижняго платья онѣ не имѣютъ и потому малѣйшій беспорядокъ въ ихъ платьѣ выказываетъ все скрытыя прелести». Но даже и этотъ суровый авторъ признается, что «между молодыми дѣвушками были нѣкоторыя довольно хорошенкія, съ пріятными и мягкими чертами лица и съ пылкими черными глазами». Какъ бы то ни было, аинка сильно отстала въ физическомъ развитіи; она старится и блекнетъ раньше мужчины. Быть можетъ, это слѣдуетъ приписать тому, что во время вѣковыхъ скитаній народа львиная доля лишений, тяжкаго труда и слезъ вышала женщинѣ.

*) Вотъ эти качества: «При посѣщеніи нашемъ одного аинскаго жилища на берегу зал. Румянцева, примѣтилъ я въ семействѣ онаго, состоявшемъ изъ 10 человѣкъ, счастливейшее согласіе, или, почти можно сказать, совершенное между сочленами его равенство. Нахо-

новскій пишетъ: «Болѣ мирнаго и скромнаго населенія, какое мы встрѣтили въ южной части Сахалина, быть не можетъ». Всякое насиліе возбуждаетъ въ нихъ отвращеніе и ужасъ. А. Полонскій рассказываетъ слѣдующій печальный эпизодъ, почерпнутый имъ изъ архивовъ. Дѣло происходило давно, въ прошломъ столѣтіи. Казацкому сотнику Черному, приводившему курильскихъ айно въ русское подданство, вздумалось наказать нѣкоторыхъ розгами: «При одномъ видѣ приготовленій къ наказанію айно пришли въ ужасъ, а когда двумъ женщинамъ стали вязать руки назадъ, чтобы удобнѣе расправиться съ ними, нѣкоторые изъ айно убѣжали на неприступный утесъ, а одинъ айно съ 20 женщинами и дѣтьми ушелъ на байдарѣ въ море... Не успѣвшихъ убѣжать женщинъ высѣкли, а мужчинъ шесть человѣкъ взяли съ собою на байдары, а чтобы воспрепятствовать побѣгу, имъ связали руки назадъ, но такъ немилостиво, что одинъ изъ нихъ умеръ. Когда его, распухшаго и какъ будто съ обваренными руками, бросили съ камнемъ въ море, Черный въ назиданіе прочимъ его товарищамъ проговорилъ: «У насъ по-русски такъ водится».

Въ заключеніе нѣсколько словъ объ японцахъ, играющихъ такую видную роль въ исторіи Южнаго Сахалина. Извѣстно, что южная треть Сахалина принадлежитъ безусловно Россіи лишь съ 1875 года, раньше же ее относили къ японскимъ владѣніямъ. Въ *Руководствѣ къ практической навигаціи и мореходной астрономіи* кн. Е. Голицына 1854 г.,—въ книгѣ, которою моряки пользуются до сегодня, — къ Японіи отнесень даже Сѣверный Сахалинъ съ мысами Маріи и Елиза-

дившихся нѣсколько часовъ въ ономъ, не могли мы никакъ узнать главы семейства. Старѣйшіе не изъявляли противъ молодыхъ никакихъ знаковъ повелительства. При отдѣленіи ихъ подарками не показало никто ни малѣйшаго вида неудовольствія, что ему досталось меньше, нежели другому. Наперерывъ оказывали намъ всякаго рода услуги».

веты. Многие, въ томъ числѣ Невельской, сомнѣвались, что Южный Сахалинъ принадлежитъ Японіи, да и сами японцы, повидимому, не были увѣрены въ этомъ до тѣхъ поръ, пока русскіе страннымъ поведеніемъ не внушили имъ, что Южный Сахалинъ въ самомъ дѣлѣ японская земля. Впервые японцы появились на югѣ Сахалина лишь въ началѣ этого столѣтія, но не раньше. Въ 1853 г. Н. В. Буссе записалъ свой разговоръ со стариками айно, которые помнили время независимости своей и говорили: «Сахалинъ—земля айновъ, японской земли на Сахалинѣ нѣтъ». Въ 1806 г., въ годъ подвиговъ Хвостова, на берегу Анивы было только одно японское селеніе и постройки въ немъ всѣ были изъ новыхъ досокъ, такъ что было очевидно, что японцы поселились тутъ очень недавно. Крузенштернъ былъ въ Анивѣ въ апрѣлѣ, когда шла сельдь, и отъ необычайнаго множества рыбы, китовъ и тюленей вода, казалось, кипѣла, между тѣмъ сѣтей и неводовъ у японцевъ не было и они черпали рыбу ведрами, и, значитъ, о богатыхъ рыбныхъ ловляхъ, которыя были поставлены на такую широкую ногу впоследствии, тогда и помину не было. По всей вѣроятности, эти первые японскіе колонисты были бѣглые преступники, или же побывавшіе на чужой землѣ и за это изгнанные изъ отечества.

Въ началѣ же этого столѣтія впервые обратила вниманіе на Сахалинъ и наша дипломатія. Посоль Резановъ, уполномоченный заключить торговый союзъ съ Японіей, долженъ былъ также еще «пріобрѣсти островъ Сахалинъ, независимый ни отъ китайцевъ, ни отъ японцевъ». Велъ онъ себя крайне безтактно. «Въ разсужденіи нетерпимости японцами христіанской вѣры», онъ запретилъ экипажу креститься и приказалъ отобрать у всѣхъ безъ изъятія кресты, образа, молитвенники и «все, что только изображаетъ христіанство и имѣетъ на себѣ крестное знаменіе». Если вѣрить Крузенштерну, то Резанову на аудіенціи было отказано даже въ стулѣ, не позволили ему имѣть при себѣ шпагу и «въ раз-

сужденіи нетерпимости» онъ былъ даже безъ обуви. И это— посоль, русскій вельможа! Кажется, трудно меньше проявить достоинства. Потерпѣвши полное фіаско, Резановъ захотѣлъ мстить японцамъ. Онъ приказалъ морскому офицеру Хвостову поугагать сахалинскихъ японцевъ, и приказъ этотъ былъ отданъ не совсѣмъ въ обычномъ порядкѣ, какъ-то криво: въ запечатанномъ конвертѣ, съ неперемѣннымъ условіемъ вскрыть и прочесть лишь по прибытіи на мѣсто *).

Итакъ, Резановъ и Хвостовъ первые признали, что Южный Сахалинъ принадлежитъ японцамъ. Но японцы не заняли своихъ новыхъ владѣній, а лишь послали землемѣра Маміа-Ринзо изслѣдовать, что это за островъ. Вообще, во всей этой сахалинской исторіи японцы, люди ловкіе, подвижные и хитрые, вели себя какъ-то нерѣшительно и вяло, что можно объяснить только тѣмъ, что у нихъ было такъ же мало увѣренности въ своемъ правѣ, какъ и у русскихъ.

Повидимому, у японцевъ послѣ того, какъ они познакомились съ островомъ, возникла мысль о колоніи, быть можетъ, даже сельско-хозяйственной, но попытки въ этомъ направленіи, если онѣ были, могли повести только къ разочарованію, такъ какъ работники изъ японцевъ, по словамъ инж. Лопатина, переносили съ трудомъ или вовсе не могли выносить зимы. На Сахалинъ пріѣзжали только японскіе промышленники, рѣдко съ женами, жили здѣсь, какъ на

*) Хвостовъ разгромилъ на берегу Анивы японскіе дома и сараи и наградилъ одного айвскаго старшину серебряною медалью на владимірской лентѣ. Этотъ разбой сильно встревожилъ японское правительство и заставилъ его быть на-сторожѣ. Нѣсколько позднѣе на Курильскихъ островахъ былъ взятъ въ плѣнъ капитанъ Головинъ и его спутники, точно въ военное время. Когда потомъ матсмайскій губернаторъ отпускалъ плѣнныхъ, то торжественно объявилъ имъ: «Всѣ вы по причинѣ грабительства Хвостова были взяты, а теперь отъ охотскаго начальства прислано объясненіе, что грабительства Хвостова были только разбойничьи поступки. Это ясно и потому о возвращеніи вашему объявляю».

бивуакахъ, и зимовать оставалась только небольшая часть, нѣсколько десятковъ, остальные же возвращались на джонкахъ домой; они ничего не сѣяли, не держали огородовъ и рогатаго скота, а все необходимое для жизни привозили съ собой изъ Японіи. Единственное, что привлекало ихъ на Южн. Сахалинъ, была рыба; она приносила имъ большой доходъ, такъ какъ ловилась въ изобиліи, и айно, на которыхъ лежала вся тяжесть труда, обходились имъ почти даромъ. Доходъ съ промысловъ простирался сначала до 50, а потомъ до 300 тыс. рублей ежегодно, и немудрено поэтому, что хозяева-японцы носили по семи шелковыхъ халатовъ. Въ первое время японцы имѣли свои факторіи только на берегу Анивы и въ Маукѣ, и главный ихъ пунктъ находился въ пади Кусунъ-Котанъ, гдѣ теперь живетъ японскій консулъ *). Позднѣе они прорубили просѣку отъ Анивы до Такойской долины; тутъ, около нынѣшняго Галкина-Враского, находились у нихъ магазины; просѣка не заросла до настоящаго времени и называется японской. Доходили японцы и до Тарайки, гдѣ ловили періодическую рыбу въ Пораннаѣ и основали селеніе Сиску. Суда ихъ доходили даже до Ныйскаго залива; то судно съ красивою оснасткой, которое Поляковъ засталъ въ 1881 году въ Тро, было японское.

Сахалинъ интересовалъ японцевъ исключительно только съ экономической стороны, какъ американцевъ Тюлений островъ. Послѣ же того, какъ въ 1853 году русскіе основали Муравьевскій постъ, японцы стали проявлять и политическую дѣятельность. Соображеніе, что они могутъ потерять хорошіе доходы и даровыхъ рабочихъ, заставило ихъ внимательно слѣдить за русскими, и они уже старались усилить свое вліяніе на островъ въ противовѣсъ русскому влія-

*) Подробности у Венюкова: *Общій обзоръ постепеннаго расширенія русскихъ предѣловъ Азіи и способовъ обороны ихъ. Первый участокъ: островъ Сахалинъ. Военный Сборникъ 1872 г., № 3.*

нію. Но опять-таки, вѣроятно, за отсутствіемъ увѣренности въ своемъ правѣ, эта борьба съ русскими была нерѣшительна до смѣшного и японцы держали себя, какъ дѣти. Они ограничивались только тѣмъ, что распускали среди айно сплетни про русскихъ и хвастали, что они перерѣжутъ всѣхъ русскихъ, и стоило русскимъ въ какой-нибудь мѣстности основать постъ, какъ въ скорости въ той же мѣстности, но только на другомъ берегу рѣчки, появлялся японскій пикетъ, и, при всемъ своемъ желаніи казаться страшными, японцы все-таки оставались мирными и милыми людьми: посылали русскимъ солдатамъ осетровъ и, когда тѣ обращались къ нимъ за неведомъ, то они охотно исполняли просьбу.

Въ 1867 г. заключенъ былъ договоръ, по которому Сахалинъ сталъ принадлежать обоимъ государствамъ, на правѣ общаго владѣнія; русскіе и японцы признали другъ за другомъ одинаковое право распоряжаться на островѣ, — значить, ни тѣ, ни другіе не считали островъ своимъ *). По трактату же 1875 г. Сахалинъ окончательно вошелъ въ составъ Россійской имперіи, а Японія получила въ вознагражденіе всѣ наши Курильскіе острова **).

Рядомъ съ падыю, въ которой находится Корсаковскій постъ, есть еще падь, сохранившая свое названіе съ того времени, когда здѣсь было японское селеніе Кусунъ-Ко-

*) Вѣроятно, по желанію японцевъ, чтобы порабощеніе айно происходило на законномъ основаніи, въ договоръ былъ включенъ, между прочимъ, рискованный пунктъ, по которому инородцы, буде они войдутъ въ долги, могутъ производить уплату ихъ работою или какою другою услугою. А, между тѣмъ, на Сахалинѣ не было ни одного айно, котораго японцы не считали бы своимъ должникомъ.

***) Невельской настойчиво признавала Сахалинъ русскимъ владѣніемъ по праву занятія его нашими тунгусами въ XVII столѣтіи, первоначальнаго его описанія въ 1742 г. и занятія южной части его въ 1806 г. русскими. Русскими тунгусами считалъ онъ орочей, съ чѣмъ этнографы не согласны, первоначальное описаніе Сахалина

тань. Отъ японскихъ построекъ не уцѣлѣло здѣсь ни одной; есть, впрочемъ, лавочка, въ которой торгуетъ японская семья бакалейными и мелочными товарами,—я покупалъ тутъ жесткія японскія груши,—но эта лавочка уже позднѣйшаго происхожденія. Въ пади на самомъ видномъ мѣстѣ стоитъ бѣлый домъ, на которомъ иногда развѣвается флагъ—красный кругъ на бѣломъ фонѣ. Это японское консульство.

Какъ-то утромъ, когда дулъ нордъ-остъ, а въ квартирѣ моей было такъ холодно, что я кутался въ одѣяло, ко мнѣ пришли съ визитомъ японскій консулъ г. Кузе и его секретарь г. Сугіама. Первымъ долгомъ я сталъ извиняться, что у меня очень холодно.

— О, нѣтъ,—отвѣчали мои гости:—у васъ чрезвычайно тепло!

И они на лицахъ и въ тонѣ голоса старались показать, что у меня не только очень тепло, но даже жарко, и что моя квартира—во всѣхъ отношеніяхъ рай земной. Оба они кровные японцы съ монгольскимъ типомъ лица, средняго роста. Консулу около сорока лѣтъ, бороды у него нѣтъ, усы едва замѣтны, сложенія онъ плотнаго; секретарь же лѣтъ на десять моложе, носить синія очки, по всѣмъ видимостямъ, фтизикъ—жертва сахалинскаго климата. Есть еще другой секретарь, г. Сузуки; онъ ниже средняго роста, у него большіе усы, концы которыхъ опущены книзу, на ки-

сдѣлано не русскими, а голландцами, что же касается занятія его въ 1806 г., то первоначальность тутъ опровергается фактами. Несомнѣнно, что право перваго изслѣдованія принадлежитъ японцамъ, и японцы первые заняли Южный Сахалинъ. Но все-таки въ своей щедрости мы, кажется, хватили черезъ край; можно было бы «изъ уваженія», какъ говорятъ мужики, отдать японцамъ пять-шесть Курильскихъ острововъ, ближайшихъ къ Японіи, а мы отдали 22 острова, которые, если вѣрять японцамъ, приносятъ имъ теперь миллионъ ежегоднаго дохода.

тайскій манерь, глаза узкіе, косые,—съ японской точки зрѣнія неотразимый красавецъ. Какъ-то, рассказывая про одного японскаго министра, г. Кузе выразился такъ: «Онъ красивый и мужественный, какъ Сузуки». Въѣ дома они ходятъ въ европейскомъ платьѣ, говорятъ по-русски очень хорошо; бывая въ консульствѣ, я нерѣдко заставлялъ ихъ за русскими или французскими книжками; книгъ у нихъ полонъ шкапъ. Люди они европейски-образованные, изысканно вѣжливые, деликатные и радушные. Для здѣшнихъ чиновниковъ японское консульство — хороший, теплый уголь, гдѣ можно забыться отъ тюрьмы, каторги и служебныхъ дразгъ и, стало быть, отдохнуть.

Консулъ служитъ посредникомъ между японцами, пріѣзжающими на промыслы, и мѣстной администраціей. Въ высокаторжественные дни онъ и его секретари, въ полной парадной формѣ, изъ пади Кусунъ-Котанъ идутъ въ постъ къ начальнику округа и поздравляютъ его съ праздникомъ; г. Бѣлый платитъ имъ тѣмъ же: ежегодно перваго декабря онъ со своими сослуживцами отправляется въ Кусунъ-Котанъ и поздравляетъ тамъ консула съ днемъ рожденія японскаго императора. При этомъ пьютъ шампанское. Когда консулъ бываетъ на военныхъ судахъ, то ему салютуютъ семь разъ. Случилось, что при мнѣ были получены ордена, Анна и Станиславъ третьей степени, пожалованные гг. Кузе и Сузуки. Г. Бѣлый, майоръ Ш. и секретарь полицейскаго управленія г. Ф., въ мундирахъ, торжественные, отправились въ Кусунъ-Котанъ вручать ордена; и я поѣхалъ съ ними. Японцы были очень тронуты и орденами, и торжественностью, до которой они такіе охотники; подали шампанское. Г. Сузуки не скрывалъ своего восторга и оглядывалъ орденъ со всѣхъ сторонъ блестящими глазами, какъ ребенокъ игрушку; на его «красивомъ и мужественномъ» лицѣ я читалъ борьбу: ему хотѣлось поскорѣе побѣждать къ себѣ и показать орденъ своей молоденькой женѣ (онъ недавно

женился) и, въ то же время, вѣжливость требовала, чтобы онъ оставался съ гостями *).

Кончивши обзоръ населенныхъ мѣстъ Сахалина, переходу теперь къ частностямъ, важнымъ и неважнымъ, изъ которыхъ въ настоящее время слагается жизнь колоніи.

XV.

Хозяева - каторжные. — Перечисленіе въ поселенцы. — Выборъ мѣстъ подь новыя селенія. — Домообзаводство. — Половинщики. — Перечисленіе въ крестьяне. — Переселеніе крестьянъ изъ ссыльных на материкъ. — Жизнь въ селеніяхъ. — Близость тюрьмы. — Составъ населенія по мѣсту рожденія и по сословіямъ. — Сельскія власти.

Когда наказаніе, помимо своихъ прямыхъ цѣлей — мщенія, устрашенія или исправленія, задается еще другими, напримеръ, колонизаціонными цѣлями, то оно по необходимости должно постоянно приспособляться къ потребностямъ колоніи и идти на уступки. Тюрьма — антагонистъ колоніи, и интересы обѣихъ находятся въ обратномъ отношеніи. Жизнь въ общихъ камерахъ порабощаетъ и съ теченіемъ времени перерождаетъ арестанта; инстинкты сѣдлаго человѣка, домовитаго хозяина, семьянина заглушаются въ немъ привычками стадной жизни, онъ теряетъ здоровье, старится, сла-

*) Отношенія у мѣстной администраціи и японцевъ великодушныя, какія и быть должны. Помимо взаимнаго угощенія шампанскимъ въ торжественныхъ случаяхъ, обѣ стороны находятъ и другія средства для поддержанія этихъ отношеній. Привожу дословно одну изъ бумажекъ, полученныхъ отъ консула: «Господину Начальнику Корсаковского округа. На отношеніе отъ 16 августа сего года за № 741 мною сдѣлано распоряженіе о раздачѣ присланныхъ вами для довольствія потерѣвшихъ крушеніе на бригѣ и джонкѣ четырехъ бочекъ соленой рыбы и пять кульковъ соли. При томъ я, по имени оныхъ бѣдненьхъ, имѣю честь выразить вамъ, милостивый государь, весьма искреннюю признательность о вашихъ сочувствіи и пожертвованіи дружественной вашей сосѣдней націи вещами, которыя здѣсь для нихъ столь важны, объ этомъ я вполне увѣренъ, что всегда остаются

бѣтъ морально, и чѣмъ позже онъ покидаетъ тюрьму, тѣмъ больше причинъ опасаться, что изъ него выйдетъ не дѣятельный, полезный членъ колоніи, а лишь бремя для нея. И потому-то колонизаціонная практика потребовала, прежде всего, сокращенія сроковъ тюремнаго заключенія и принудительныхъ работъ, и въ этомъ смыслѣ нашъ *Уставъ о ссыльныхъ* дѣлаетъ значительныя уступки. Такъ, для каторжныхъ отряда исправляющихся десять мѣсяцевъ считаются за годъ, и если каторжные второго и третьяго разряда, т.-е. осужденные на сроки отъ 4 до 12 лѣтъ, назначаются на рудничныя работы, то каждый годъ, проведенный ими на этихъ работахъ, засчитывается за полтора года *). Каторжнымъ по переходѣ въ разрядъ исправляющихся законъ разрѣшаетъ жить внѣ тюрьмы, строить себѣ дома, вступать въ

въ нихъ доброй памяти. Консулъ Японской имперіи Кузе». Кстати, это письмо можетъ дать понятіе о тѣхъ успѣхахъ, какіе дѣлаютъ въ короткое время молодые японскіе секретари при изученіи русскаго языка. Германскіе офицеры, изучающіе русскій языкъ, и иностранцы, занимающіеся переводомъ русскіхъ литературныхъ произведеній, пишутъ несравненно хуже.

Японская вѣжливость не приторна и потому симпатична, и какъ бы много ея ни было перепущено, она не вредитъ, по пословицѣ—масло каши не портить. Одинъ токарь японецъ въ Нагасаки, у котораго наши моряки офицеры покупали разныя бездѣлушки, изъ вѣжливости всегда хвалилъ все русское. Увидеть у офицера брелокъ или кошелекъ и ну восхищаться: «Какая замѣчательная вещь! какая изящная вещь!» Одинъ изъ офицеровъ какъ-то привезъ изъ Сахалина деревянный портсигаръ грубой топорной работы. «Ну, теперь,—думаетъ,—подведу я токаря. Увидимъ, что онъ теперь скажетъ». Но когда японцу показали портсигаръ, то онъ не потерялся. Онъ потрясъ имъ въ воздухъ и сказалъ съ восторгомъ: «Какая прочная вещь!»

*) На Сахалинѣ въ каждой канцеляріи имѣется *Таблица исчисления сроковъ*. Изъ нея видно, что осужденный, положимъ на 17½ лѣтъ, проводитъ на каторгѣ въ дѣйствительности 15 лѣтъ и 3 мѣсяца, если же онъ попалъ подъ манифестъ, то только 10 лѣтъ 4 мѣсяца; осужденный на 6 лѣтъ освобождается черезъ 5 лѣтъ и 2 мѣс., а въ случаѣ манифеста, черезъ 3 года и 6 мѣс.

бракъ и имѣть деньги. Но дѣйствительная жизнь въ этомъ направленіи пошла еще дальше *Устава*. Чтобы облегчить переходъ изъ каторжнаго состоянія въ болѣе самостоятельное, пріамурскій генераль-губернаторъ въ 1888 г. разрѣшилъ освобождать трудолюбивыхъ и добраго поведенія каторжныхъ до срока; объявляя объ этомъ приказѣ (№ 302), ген. Кононовичъ общаетъ увольнять отъ работъ за два и даже за три года до окончанія полнаго срока работъ. И безъ всякихъ статей и приказовъ, а по необходимости, потому что это полезно для колоніи, внѣ тюрьмы, въ собственныхъ домахъ и на вольныхъ квартирахъ, живутъ всѣ безъ исключенія ссыльно-каторжныя женщины, многіе испытуемые и даже безсрочные, если у нихъ есть семьи, или если они хорошіе мастера, землемѣры, каюры и т. п. Многимъ позволяется жить внѣ тюрьмы просто «по-человѣчности» или изъ разсужденія, что если такой-то будетъ жить не въ тюрьмѣ, а въ избѣ, то отъ этого не произойдетъ ничего худого, или если безсрочному Z. разрѣшается жить на вольной квартирѣ только потому, что онъ пріѣхалъ съ женой и дѣтьми, то не разрѣшить этого краткосрочному N. было бы уже несправедливо.

Къ 1 января 1890 г. во всѣхъ трехъ сахалинскихъ округахъ состояло каторжныхъ обоого пола 5,905. Изъ нихъ осужденныхъ на сроки до 8 лѣтъ было 2,124 (36%), отъ 8 до 12—1,567 (26,5%), отъ 12 до 15—747 (12,7%), отъ 15 до 20—731 (12,3%), безсрочныхъ 386 (6,5%) и рецидивистовъ, осужденныхъ на сроки отъ 20 до 50 лѣтъ—175 (3%). Краткосрочные, осужденные на сроки до 12 лѣтъ, составляютъ 62,5%, т.-е. немного больше половины всего числа. Средній возрастъ только-что осужденнаго каторжнаго мнѣ не извѣстенъ, но, судя по возрастному составу ссыльнаго населенія въ настоящее время, онъ долженъ быть не меньше 35 лѣтъ; если къ этому прибавить среднюю продолжительность каторги 8—10 лѣтъ и если принять еще во

вниманіе, что на каторгѣ человекъ старится гораздо раньше, чѣмъ при обыкновенныхъ условіяхъ, то станетъ очевиднымъ, что при буквальномъ исполненіи судебного приговора и при соблюденіи *Устава*, со строгимъ заключеніемъ въ тюрьмѣ, съ работами подѣ военнымъ конвоемъ и проч., не только долгосрочные, но и добрая половина краткосрочныхъ поступала бы въ колонию съ уже утраченными колонизаторскими способностями.

При мнѣ каторжныхъ-хозяевъ обоого пола, сидѣвшихъ на участкахъ, было 424; каторжныхъ обоого пола, проживавшихъ въ колониі въ качествѣ женъ, сожителей, сожительницъ, работниковъ, жильцовъ и проч., записано мною 908. Всего жило внѣ тюрьмы въ собственныхъ избахъ и на вольныхъ квартирахъ 1,332, что составляло 23% всего числа каторжныхъ *). Какъ хозяева, каторжные въ колониі почти ничѣмъ не отличаются отъ хозяевъ-поселенцевъ. Каторжные, состоящіе при хозяйствахъ въ качествѣ работниковъ, дѣлаютъ то же, что наши деревенскіе работники. Отдача арестанта въ работники къ хорошему хозяину мужику, тоже ссыльному, составляетъ пока единственный видъ каторги, выработанный русскою практикой и, несомнѣнно, болѣе симпатичный, чѣмъ австралийское батрачество. Жильцы-каторжные лишь ночуютъ на квартирахъ, но на раскомандировки и работы должны являться такъ же аккуратно, какъ и ихъ товарищи, живущіе въ тюрьмѣ. Мастеровые, напримѣръ сапожники и

*) Я не считаю здѣсь каторжныхъ, живущихъ у чиновниковъ въ качествѣ прислуги. Въ общемъ, я думаю, живущіе внѣ тюрьмы составляютъ 25%, т.е. изъ каждаго четырехъ каторжныхъ одного тюрьма уступаетъ колониі. Процентъ этотъ значительно повысится, когда 305 статья *Устава*, разрѣшающая исправляющимся жить внѣ тюрьмы, распространится также и на Кореаковскій округъ, въ которомъ, по желанію г. Бѣлаго, всѣ безъ исключенія каторжные живутъ въ тюрьмѣ.

столяры, часто отбывают свой каторжный урокъ у себя на квартирѣ *).

Оттого, что четверть всего состава ссыльно-каторжныхъ живетъ внѣ тюрьмы, особенныхъ беспорядковъ не замѣчается, и я охотно призналъ бы, что упорядочить нашу каторгу нелегко именно потому, что остальные три четверти живутъ въ тюрьмахъ. Говорить о преимуществѣ избъ передъ общими камерами мы можемъ, конечно, только съ вѣроятностью, такъ какъ точныхъ наблюдений по этой части у насъ пока нѣтъ вовсе. Никто еще не доказалъ, что среди каторжниковъ, живущихъ въ избахъ, случаи преступленій и побѣговъ наблюдаются рѣже, чѣмъ у живущихъ въ тюрьмѣ, и что трудъ первыхъ производительнѣе, чѣмъ вторыхъ, но весьма вѣроятно, что тюремная статистика, которая рано или поздно должна будетъ заняться этимъ вопросомъ, сдѣлаетъ свой окончательный выводъ въ пользу избъ. Пока несомнѣнно одно, что колонія была бы въ выигрышѣ, если бы каждый каторожный, безъ различія сроковъ, по прибытіи на Сахалинъ тотчасъ же приступалъ бы къ строительству избы для себя и для своей семьи, и начиналъ бы свою колонизаторскую дѣятельность возможно раньше, пока онъ еще относительно молодъ и здоровъ; да и справедливость ничего бы не проиграла отъ этого, такъ какъ, поступая съ перваго же дня въ колонію, преступникъ самое тяжелое переживалъ бы до перехода въ поселенческое состояніе, а не послѣ.

Когда кончается срокъ, каторжного освобождаютъ отъ работъ и переводятъ въ поселенцы. Задержекъ при этомъ не бываетъ. Новый поселенецъ, если у него есть деньги и протекція у начальства, остается въ Александровскѣ или

*) Въ Александровскѣ почти всѣ хозяева держатъ жильцовъ и это придаетъ ему городскую физиономію. Въ одной избѣ я записалъ 17 человекъ. Но такія многолюдныя квартиры мало чѣмъ отличаются отъ общихъ камеръ.

въ томъ селеніи, которое ему нравится, и покупаетъ или строить тутъ домъ, если еще не обзавелся имъ, когда былъ на каторгѣ; для такого сельское хозяйство и трудъ не обязательны. Если же онъ принадлежитъ къ сѣрой массѣ, составляющей большинство, то обыкновенно садится на участокъ въ томъ селеніи, гдѣ прикажетъ начальство, и если въ этомъ селеніи тѣсно и нѣтъ уже земли, годной подъ участки, то его сажаютъ уже на готовое хозяйство, въ совладѣльцы или половинщики, или же его посылаютъ селиться на новое мѣсто *). Выборъ мѣсть подъ новыя селенія, требующій опыта и нѣкоторыхъ специальныхъ знаній, возложенъ на мѣстную администрацію, т.-е. на окружныхъ начальниковъ, смотрителей тюремъ и смотрителей поселеній. Какихъ-нибудь опредѣленныхъ законовъ и инструкцій на этотъ счетъ нѣтъ и все дѣло поставлено въ зависимость отъ такого случайнаго обстоятельства, какъ тотъ или другой составъ служащихъ: находятся ли они на службѣ уже давно и знакомы съ ссыльнымъ населеніемъ и съ мѣстностью, какъ, напримѣръ, г. Бутаковъ на сѣверѣ и гг. Бѣлый и Ярцевъ на югѣ, или же это недавно поступившіе, въ лучшемъ случаѣ филологи, юристы и пѣхотные поручики и въ худшемъ—совершенно необразованные люди, раньше нигдѣ не служившіе, въ большинствѣ молодые, не знающіе жизни горожане. Я уже писалъ о чиновникѣ, который не повѣрилъ

*) Сахалинъ относится къ отдаленнѣйшимъ мѣстамъ Сибири. Вѣроятно, въ виду исключительно суроваго климата, въ началѣ водворяли здѣсь только тѣхъ поселенцевъ, которые отбывали каторгу на Сахалинѣ же и успѣвали, такимъ образомъ, предварительно если не привыкнуть, то хоть приглядѣться къ мѣсту. Теперь же, повидимому, хотятъ измѣнить этотъ порядокъ. При мнѣ, по приказанію барона А. Н. Корфа, былъ присланъ на Сахалинъ и водворенъ въ Дербинскомъ нѣкій Іуда Гамбергъ, приговоренный къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе; въ Дубкахъ проживаетъ поселенецъ Симонъ Саулатъ, отбывавшій каторгу не на Сахалинѣ, а въ Сибири. Есть уже здѣсь и административные ссыльные.

инородцамъ и поселенцамъ, когда тѣ предупреждали его, что весною и во время сильныхъ дождей мѣсто, которое онъ выбралъ для селенія, заливается водой. При мнѣ одинъ чиновникъ со свитой поѣхалъ за 15—20 верстъ осматривать новое мѣсто и вернулся домой въ тотъ же день, успѣвши въ два-три часа подробно осмотрѣть мѣсто и одобрить его; онъ говорилъ, что прогулка вышла очень милая.

Старшіе и болѣе опытные чиновники уходятъ на поиски новыхъ мѣстъ рѣдко и неохотно, такъ какъ всегда бываютъ заняты другими дѣлами, а младшіе неопытны и равнодушны; администрація проявляетъ медленность, дѣло затягивается, и въ результатѣ получается переполненіе уже существующихъ селеній. И поневолѣ, въ концѣ-концовъ, приходится обращаться за помощью къ каторжнымъ и солдатамъ-надзирателямъ, которые, по слухамъ, иногда удачно выбираютъ мѣста. Въ 1888 г. въ одномъ изъ своихъ приказовъ (№ 280) генералъ Кононовичъ, въ виду того, что ни въ Тымовскомъ, ни въ Александровскомъ округахъ нѣтъ уже мѣста для отвода участковъ, между тѣмъ какъ число нуждающихся въ нихъ быстро возрастаетъ, предложилъ «немедленно организовать партіи изъ благонадежныхъ ссыльно-каторжныхъ подъ надзоромъ вполне расторопныхъ, болѣе опытныхъ въ этомъ дѣлѣ и грамотныхъ надзирателей, или даже чиновниковъ, и таковыя отправлять къ отысканію мѣстъ, годныхъ подъ поселенія». Эти партіи бродятъ по совершенно неизслѣдованной мѣстности, на которую никогда еще не ступала нога топографа; мѣста отыскиваютъ, но неизвѣстно, какъ высоко лежатъ они надъ уровнемъ моря, какая тутъ почва, какая вода и проч.; о пригодности ихъ къ заселенію и сельско-хозяйственной культурѣ администрація можетъ судить только гадательно, и потому обыкновенно ставится окончательное рѣшеніе въ пользу того или другого мѣста прямо на удачу, на авось, и при этомъ не спрашиваютъ мнѣнія ни у врача, ни у топографа, котораго на Сахалинѣ нѣтъ, а

землемѣръ является на новое мѣсто, когда уже земля раскорчована и на ней живутъ *).

Генераль-губернаторъ послѣ объѣзда селеній, передавалъ мнѣ свои впечатлѣнія, выразился такъ: «Каторга начинается не на каторгѣ, а на поселеніи». Если тяжесть наказанія измѣряеть количествомъ труда и физическихъ лишений, то на Сахалинѣ часто поселенцы несутъ болѣе суровое наказаніе, чѣмъ каторжные. На новое мѣсто, обыкновенно болотистое и покрытое лѣсомъ, поселенецъ является, имѣя съ собой только плотничій топоръ, пилу и лопату. Онъ рубить лѣсъ, корчуетъ, роетъ канавы, чтобы

*) Со временемъ выборъ новыхъ мѣстъ будетъ возложенъ въ каждомъ округѣ на комиссію изъ чиновъ тюремнаго вѣдомства, топографа, агронома и врача, и тогда по протоколамъ этой комиссіи можно будетъ судить, почему выбрана та или другая мѣстность. Въ настоящее время нѣкоторая правильность замѣчается въ томъ, что людей охотнѣе всего селятъ по долинамъ рѣкъ и около дорогъ, существующихъ или проектированныхъ. Но и тутъ видна скорѣе рутина, чѣмъ какаля-нибудь опредѣленная система. Если выбираютъ какую-нибудь прѣрѣчную долину, то не потому, что она лучше другихъ изслѣдована и наиболѣе пригодна для культуры, а потому только, что она находится недалеко отъ центра. Юго-западное побережье отличается сравнительно мягкимъ климатомъ, но оно отстоитъ отъ Дузъ или Александровска дальше, чѣмъ Арковская долина и долина рѣки Армудана, и потому послѣднія предпочитаютъ. Когда же селятъ на линіи проектированной дороги, то при этомъ имѣются въ виду не жители новаго селенія, а тѣ чиновники и каюры, которые со временемъ будутъ ѣздить по этой дорогѣ. Если бы не эта скромная перспектива—оживлять и охранять трактъ и давать пріютъ проѣзжающимъ, то было бы трудно понять, для чего нужны, наприкладъ, селенія, проектируемыя по тракту вдоль Тыми, отъ верховьевъ этой рѣки до Ныйскаго залива. За охраненіе и оживленіе тракта жители, вѣроятно, будутъ получать отъ казны денежное и пищевое довольствіе. Если же эти селенія будутъ продолженіемъ теперешней сельско-хозяйственной колоніи, и администрація рассчитываетъ на рожь и пшеницу, то Сахалинъ пріобрѣтетъ еще нѣсколько тысячъ голодныхъ, потерянныхъ бѣдняковъ, питающихся неизвѣстно чѣмъ.

осушить мѣсто, и всё время, пока идутъ эти подготовительныя работы, живетъ подъ открытымъ небомъ, на сырой землѣ. Прелести сахалинскаго климата съ его пасмурностью, почти ежедневными дождями и низкою температурой нигдѣ не чувствуются такъ рѣзко, какъ на этихъ работахъ, когда человѣкъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль ни на одну минуту не можегъ отдѣлаться отъ чувства пронизывающей сырости и озноба. Это настоящая febris sachaliensis, съ головою болью и ломотою во всемъ тѣлѣ, зависящая не отъ инфекціи, а отъ климатическихъ вліяній. Сначала строить селеніе и потомъ уже дорогу къ нему, а не наоборотъ, и, благодаря этому, совершенно непроизводительно расходуется масса силъ и здоровья на переноску тяжестей изъ поста, отъ котораго къ новому мѣсту не бываетъ даже тропинокъ; поселенецъ, навьюченный инструментомъ, продовольствіемъ и проч., идетъ дремучею тайгой, то по колѣна въ водѣ, то карабкаясь на горы валежника, то путаясь въ жесткихъ кустахъ богульника. 307 статья *Устава о ссыльныхъ* говоритъ, что поселяющимся внѣ острога отпускается лѣсъ для постройки домовъ; здѣсь эта статья понимается такъ, что поселенецъ самъ долженъ нарубить себѣ лѣсу и заготовить его. Въ прежнее время на помощь поселенцамъ отпускались каторжные и выдавались деньги на наемъ плотниковъ и покупку матеріаловъ, но этотъ порядокъ былъ оставленъ на томъ основаніи, что «въ результатѣ, какъ рассказывалъ мнѣ одинъ чиновникъ, получались лодари; каторжные работаютъ, а поселенцы въ это время въ орлянку играютъ». Теперь поселенцы устраиваются общими силами, помогая другъ другу. Плотникъ ставитъ срубъ, печникъ мажетъ печь, пильщики готовятъ доски. У кого нѣтъ силъ и умѣнья работать, но есть деньжонки, тотъ нанимаетъ своихъ же товарищей. Крѣпкіе и выносливые люди несутъ самую тяжелую работу, слабосильные же или отвыкшіе въ тюрьмѣ отъ крестьянства, если не играютъ въ

орлянку или въ карты, или если не прячутся отъ холода, то занимаются какою-нибудь сравнительно легкою работой. Многіе изнемогаютъ, падаютъ духомъ и покидаютъ свои недостроенные дома. Манзы и кавказцы, не умѣющіе строить русскихъ избъ, обыкновенно бѣгутъ въ первый же годъ. Почти половина хозяевъ на Сахалинѣ не имѣетъ домовъ и это слѣдуетъ объяснить, какъ мнѣ кажется, прежде всего трудностями, съ которыми поселенецъ встрѣчается при первоначальномъ обзаведеніи. Бездомовные хозяева, по даннымъ, которыя я беру изъ отчета инспектора сельскаго хозяйства, въ 1889 г. въ Тымовскомъ округѣ составляли 50% всего числа, въ Корсаковскомъ—42%, въ Александровскомъ же округѣ, гдѣ устройство хозяйствъ обставлено меньшими трудностями и поселенцы чаще покупаютъ дома, чѣмъ строятъ, только 20%. Когда конченъ срубъ, хозяину выдаются въ ссуду стекла и желѣзо. Объ этой ссудѣ начальникъ острова говоритъ въ одномъ изъ своихъ приказовъ: «Къ величайшему сожалѣнію, эта ссуда, какъ и многое другое, долго заставляетъ себя ждать, парализуя охоту къ домообзаводству... Въ прошедшемъ году осенью, во время объѣзда поселеній Корсаковского округа, мнѣ приходилось видѣть дома, ожидающіе стеколь, гвоздей и желѣза къ задвижкамъ въ печахъ, нынѣ я тоже засталъ эти дома въ подобномъ ожиданіи» (приказъ № 318, 1889 г.) *).

*) Вотъ тутъ-то поселенцу какъ нельзя кстати могли бы пригодиться тѣ деньги, которыя онъ долженъ былъ бы получать въ теченіе каторжнаго срока въ вознагражденіе за трудъ. По закону, арестанту, осужденному къ ссылкѣ въ каторжныя работы, за всякій трудъ назначается изъ вырученнаго дохода одна десятая часть. Если, положимъ, на дорожныхъ работахъ поденщина оцѣнивается въ 50 к., то каторжный долженъ получать ежедневно по 5 к. Во время содержанія подъ стражей, арестанту позволяется расходовать на свои надобности не болѣе половины заработанныхъ денегъ, а остающіяся затѣмъ суммы выдаются ему при освобожденіи. На заработанныя деньги не могутъ быть обращаемы никакія гражданскія взысканія

Не находятъ нужнымъ изслѣдовать новое мѣсто, даже когда уже заселяютъ его. Посылаютъ на новое мѣсто 50—100 хозяевъ, затѣмъ ежегодно прибавляютъ десятки новыхъ, а, между тѣмъ, никому не извѣстно, на какое количество людей хватить тамъ удобной земли, и вотъ причина, почему обыкновенно въ скорости послѣ заселенія начинаютъ уже обнаруживаться тѣснота, излишекъ людей. Этого не замѣчается только въ Корсаковскомъ округѣ, посты же и селенія обоихъ сѣверныхъ округовъ всѣ до одного переполнены людьми. Даже такой, несомнѣнно, заботливый человѣкъ, какъ А. М. Бутаковъ, начальникъ Ты-

или судебныя издержки, и, въ случаѣ смерти арестанта, онъ выдаютъ его наслѣдникамъ. Въ *Дѣлѣ объ устройствѣ о. Сахалина* за 1878 г. кн. Шаховской, завѣдывавшей въ семидесятыхъ годахъ дуйскою каторгой, высказываетъ мнѣнiе, которое слѣдовало бы теперешнимъ администраторамъ принять и къ свѣдѣнiю, и къ руководству: «Вознагражденiе каторжныхъ за работы даетъ хотя какую-нибудь собственность арестанту, а всякая собственность прикрѣпляетъ его къ мѣсту; вознагражденiе позволяетъ арестантамъ по взаимномъ соглашенiи улучшать свою пищу, держать въ большей чистотѣ одежду и помѣщенiе, а всякая привычка къ удобствамъ производитъ тѣмъ большее страданiе въ лишенiи ихъ, чѣмъ удобства этихъ болѣе; совершенное же отсутствiе послѣднихъ и всегда угрюмая, непривѣтливая обстановка выработываетъ въ арестантахъ такое равнодушие къ жизни, а тѣмъ болѣе къ наказанiямъ, что часто, когда число наказываемыхъ доходило до 80% наличнаго состава, приходилось отчаиваться въ побѣдѣ розогъ надъ тѣми пустыми природными потребностями человѣка, ради выполненiя которыхъ онъ ложится подъ розги; вознагражденiе каторжныхъ, образуя между ними нѣкоторую самостоятельность, устраняетъ растрату одежды, помогаетъ домообзаводству и значительно уменьшаетъ затраты казны въ отношенiи прикрѣпленiя ихъ къ землѣ по выходѣ на поселенiе».

Инструментъ выдается въ ссуду на пять лѣтъ съ условiемъ, что поселенецъ ежегодно будетъ уплачивать пятую часть. Въ Корсаковскомъ округѣ плотничiй топоръ стоитъ 4 руб., продольная пила 13 руб., лопата 1 р. 80 к., подпилочъ 44 коп., гвозди 10 коп. за фунтъ. Дрворубный топоръ даютъ за 3 руб. 50 коп. въ ссуду лишь въ томъ случаѣ, если поселенецъ не беретъ плотничьяго.

мовскаго округа, сажаетъ людей на участки какъ-нибудь, не соображаясь насчетъ будущаго, и ни въ одномъ округѣ нѣтъ такого множества совладѣльцевъ или сверхкомплектныхъ хозяевъ, какъ именно у него. Похоже, какъ будто сама администрація не вѣрится въ сельско-хозяйственную колонію и мало-по-малу успокоилась на мысли, что земля нужна поселенцу ненадолго, всего на шесть лѣтъ, такъ какъ, получивъ крестьянскія права, онъ непременно покинетъ островъ, и что при такихъ условіяхъ вопросъ объ участкахъ можетъ имѣть одно лишь формальное значеніе.

Изъ записанныхъ мною 3,522 хозяевъ 638 или 18% составляютъ совладѣльцы, а если исключить Корсаковскій округъ, гдѣ на участки сажаютъ только по одному хозяину, то процентъ этотъ будетъ значительно выше. Въ Тымовскомъ округѣ чѣмъ моложе селеніе, тѣмъ выше въ немъ процентъ половинщиковъ; въ Воскресенскомъ, напримѣръ, хозяевъ 97, а половинщиковъ 77; это значитъ, что находить новыя мѣста и отводить участки поселенцамъ съ каждымъ годомъ становится все труднѣе *).

Устройство хозяйства и правильное веденіе его ставится поселенцу въ непремѣнную обязанность. За лѣность, нерадѣніе и нежеланіе устраиваться хозяйствомъ его обращаютъ въ общественныя, т. е. каторжныя работы на одинъ годъ и переводятъ изъ избы въ тюрьму. Статья 402 *Устава* разрѣшаетъ пріамурскому генераль-губернатору «содержать на казенномъ довольствіи тѣхъ изъ сахалинскихъ поселенцевъ, кои, по признанію мѣстныхъ властей, не имѣютъ къ тому собственныхъ средствъ». Въ настоящее время большинство сахалинскихъ поселенцевъ въ продолженіе пер-

*) Хозяинъ и совладѣлецъ живутъ въ одной избѣ и спятъ на одной печи. Владѣть совместно участкомъ не мѣшаетъ различіе вѣроисповѣданій и даже родовъ. Помнится, въ Рыковскомъ у поселенца Голубева половинщикъ еврей Любарскій. Тамъ же у поселенца Ивана Хавріевича совладѣлица Марья Бродяга.

выхъ двухъ и рѣдко трехъ лѣтъ по освобожденіи изъ каторжныхъ работъ получаютъ отъ казны одежное и пищевое довольствіе въ размѣрѣ обычнаго арестантскаго пайка. Оказывать такую помощь поселенцамъ побуждаютъ администрацію соображенія гуманнаго и практическаго свойства. Въ самомъ дѣлѣ, трудно вѣдь допустить, чтобы поселенецъ могъ, въ одно и то же время, строить себѣ избу, готовить землю подъ пашню и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ежедневно добывать себѣ кусокъ хлѣба. Но не рѣдкость встрѣтить въ приказахъ, что такой-то поселенецъ смѣщается съ довольствія за нерадѣніе, за лѣность, за то, что «онъ не приступилъ къ постройкѣ дома», и т. п. *).

По истеченіи десяти лѣтъ пребыванія въ поселенческомъ состояніи, поселенцамъ предоставляется перечисляться въ крестьяне. Это новое званіе сопряжено съ большими правами. Крестьянинъ изъ ссыльных можетъ оставить Сахалинъ и водвориться, гдѣ пожелаетъ, по всей Сибири, кромѣ областей Семирѣченской, Акмолинской и Семипалатинской, приписываться къ крестьянскимъ обществамъ, съ

*) Въ какой бѣдности, несмотря на пособія и постоянныя ссуды изъ казны, здѣшніе сельскіе жители отбываютъ свои сроки, мнѣ уже приходилось говорить. Вотъ картинное изображеніе этой почти нищенской жизни, принадлежащее перу официального лица: «Въ деревнѣ Лютогѣ я вошелъ въ самую бѣдную лачугу, принадлежащую поселенцу Зерину, по ремеслу плохому портному, уже четыре года устрадающемуся. Бѣдность и недостатокъ во всемъ поразительны: кромѣ ветхаго стола и обрубка дерева вмѣсто стула, никакихъ слѣдовъ мебели; кромѣ жестианого чайника изъ керосиновой банки, никакихъ признаковъ посуды и домашней утвари; вмѣсто постели, кучка соломы, на которой лежитъ полушубокъ и вторая рубаха; по мастерству тоже ничего, кромѣ нѣсколькихъ иголъ, нѣсколькихъ стѣрыхъ нитокъ, нѣсколькихъ пуговицъ и мѣднаго наперстка, служащаго вмѣстѣ съ тѣмъ и трубкой, такъ какъ портной, просверливъ въ немъ отверстіе, по мѣрѣ надобности вставляетъ туда тоненькій мундштучокъ изъ мѣстнаго камыша; табакъ оказался не больше, какъ на полнаперстка» (Приказъ № 318, 1889 г.).

ихъ согласія, и жить въ городахъ для занятія ремеслами и промышленностью; онъ судится и подвергается наказаніямъ уже на основаніи законовъ общихъ, а не *Устава о ссыльныхъ*; онъ получаетъ и отправляетъ корреспонденцію тоже на общихъ основаніяхъ, безъ предварительной цензуры, установленной для каторжныхъ и поселенцевъ. Но въ этомъ его новомъ состояніи все-таки еще остается главный элементъ ссылки: онъ не имѣетъ права вернуться на родину *).

✓ Полученіе крестьянскихъ правъ черезъ десять лѣтъ въ *Уставѣ* не обставлено никакими особенными условіями. Кромѣ случаевъ, предусмотрѣнныхъ въ примѣчаніи къ 375 ст., единственное условіе тутъ—десятилѣтній срокъ, независимо отъ того, былъ ли поселенецъ хозяиномъ-хлѣбопашцемъ, или подмастерьемъ. Инспекторъ тюремъ Примурскаго края г. Каморскій, когда у насъ зашла рѣчь объ этомъ, подтвердилъ мнѣ, что держать ссыльнаго въ поселенческомъ состояніи дольше десяти лѣтъ или обставлять какими-либо условіями полученіе крестьянскихъ правъ по истеченіи этого срока администрація не имѣетъ права. Между тѣмъ, на

*) До 1888 г. лицамъ, получившимъ крестьянскія права, былъ запрещенъ выѣздъ изъ Сахалина. Это запрещеніе, отнимавшее у сахалинца всякую надежду на лучшую жизнь, внушало людямъ ненависть къ Сахалину и, какъ репрессивная мѣра, могло только увеличить число побѣговъ, преступленій и самоубійствъ; ея призрачной практичности приносилась въ жертву сама справедливость, такъ какъ сахалинскимъ ссыльнымъ было запрещается то, что позволялось сибирскимъ. Эта мѣра вызвана была соображеніемъ, что если крестьяне будутъ покидать островъ, то, въ концѣ-концовъ, Сахалинъ будетъ лишь мѣстомъ для срочной ссылки, а не колоніей. Но развѣ пожизненность сдѣлала бы изъ Сахалина вторую Австралію? Жизненность и процваніе колоніи зависятъ не отъ запрещеній или приказовъ, а отъ наличности условій, которыя гарантируютъ покойную и обезпеченную жизнь если не самимъ ссыльнымъ, то хотя ихъ дѣтямъ и внукамъ.

Сахалинѣ мнѣ приходилось встрѣчать стариковъ, которые пробыли въ поселенцахъ дольше десяти лѣтъ, но крестьянскаго званія еще не получили. Показаній ихъ, впрочемъ, я не успѣлъ провѣрить по статейнымъ спискамъ и потому не могу судить, насколько они справедливы. Старики могутъ ошибаться въ счетѣ или просто лгать, хотя, при распушенности и безтолковости писарей и неумѣлости младшихъ чиновниковъ, отъ сахалинскихъ канцелярій можно ожидать всякихъ капризовъ. Для тѣхъ поселенцевъ, которые «вели себя совершенно одобительно, занимались полезнымъ трудомъ и приобрѣли осѣдность», дѣсятилѣтній срокъ можетъ быть сокращенъ до шести лѣтъ. 377 статьей, разрѣшающей эту льготу, начальникъ острова и окружные начальники пользуются въ широкихъ размѣрахъ; по крайней мѣрѣ, почти всѣ крестьяне, которыхъ я знаю, получили это званіе черезъ шесть лѣтъ. Но, къ сожалѣнію, «полезный трудъ» и «осѣдность», которыми въ *Уставѣ* обусловлено полученіе льготы, во всѣхъ трехъ округахъ понимаются различно. Въ Тымовскомъ округѣ, напримѣръ, поселенецъ не произведутъ въ крестьяне, пока онъ долженъ въ казну и пока у него изба не покрыта тесомъ. Въ Александровскѣ поселенецъ сельскимъ хозяйствомъ не занимается, инструменты и сѣмена ему не нужны и поэтому долговъ онъ дѣлаетъ меньше; ему и права получить легче. Ставятъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы поселенецъ былъ хозяиномъ, между ссыльными же чаще, чѣмъ въ какой-либо другой средѣ, встрѣчаются люди, которые по натурѣ неспособны быть хозяевами и чувствуютъ себя на своемъ мѣстѣ, когда служатъ въ работникахъ. На вопросъ, можетъ ли воспользоваться льготой и вообще получить крестьянскія права поселенецъ, который не имѣетъ своего хозяйства, потому что служитъ поваромъ у чиновника или подмастерьемъ у сапожника, въ Корсаковскомъ округѣ отвѣтили мнѣ утвердительно, а въ обоихъ сѣверныхъ—неопредѣленно. При такихъ условіяхъ, конечно,

о каких-либо нормах не может быть и рѣчи, и если новый окружной начальник потребуетъ отъ поселенцевъ желѣзныхъ крышъ и умѣнья пѣть на клиросѣ, то доказать ему, что это произволь, будетъ трудно.

Когда я былъ въ Сіянцахъ, смотритель поселеній приказалъ 25 поселенцамъ собраться около надзирательской и объявилъ имъ, что постановленіемъ начальника острова они перечислены въ крестьянское сословіе. Постановленіе было подписано генераломъ 27 января, а объявлено поселенцамъ 26 сентября. Радостное извѣстіе было принято всѣми 25 поселенцами молча; ни одинъ не перекрестился, не поблагодарилъ, а всѣ стояли съ серьезными лицами и молчали, какъ будто всѣмъ имъ взгрустнулось отъ мысли, что на этомъ свѣтѣ все, даже страданія, имѣетъ конецъ. Когда я и г. Ярцевъ заговорили съ ними о томъ, кто изъ нихъ останется на Сахалинѣ, а кто уѣдетъ, то ни одинъ изъ 25 не выразилъ желанія остаться. Всѣ говорили, что ихъ тянетъ на материкъ и уѣхали бы съ удовольствіемъ тотчасъ же, но средствъ нѣтъ, надо обдумать. И пошли разговоры о томъ, что мало однихъ денегъ на дорогу, — небось, материкъ тоже деньги любитъ: придется хлопотать о принятіи въ общество и угощать, покупать землишку и строиться, то да се — гляди, рублей полтора ста понадобится. А гдѣ ихъ взять? Въ Рыковскомъ, несмотря на его сравнительно большіе размѣры, я засталъ только 39 крестьянъ, и всѣ они были далеки отъ намѣренія пускать здѣсь корни; всѣ собирались на материкъ. Одинъ изъ нихъ, по фамилии Безпаловъ, строить на своемъ участкѣ большой двухъ-этажный домъ съ балкономъ, похожій на дачу, и всѣ смотрятъ на постройку съ недоумѣніемъ и не понимаютъ, зачѣмъ это; то, что богатый человекъ, имѣющій взрослыхъ сыновей, быть можетъ, останется навсегда въ Рыковскомъ въ то время, какъ отлично могъ бы устроиться гдѣ-нибудь на Зеѣ, производить впечатлѣніе страннаго каприза, чудачества. Въ Дубкахъ одинъ

крестьянинъ-картежникъ на вопросъ, поѣдетъ ли онъ на материкъ, отвѣтилъ мнѣ, глядя надменно въ потолокъ: «Постараюсь уѣхать» *).

Гонять крестьянъ изъ Сахалина сознание необезпеченности, скука, постоянный страхъ за дѣтей... Главная же причина, это—страстное желаніе хотя передъ смертью подышать на свободѣ и пожить настоящею, не арестантскою жизнью. А Уссурійскій край и Амуръ, о которомъ говорятъ всѣ, какъ о землѣ обѣтованной, такъ близки: проплыть на пароходѣ три-четыре дня, а тамъ—свобода, тепло, урожай... Тѣ, которые уже переселились на материкъ и устроились тамъ, пишутъ своимъ сахалинскимъ знакомымъ, что на материкѣ подаютъ имъ руку и водка за бутылку стоитъ только 50 коп. Какъ-то, гуляя въ Александровскѣ на пристани, я зашелъ въ катерный сарай и увидѣлъ тамъ старика 60—70 лѣтъ и старуху съ узлами и съ мѣшками, очевидно собравшихся въ дорогу. Разговорились. Старикъ недавно получилъ крестьянскія права и теперь уѣзжалъ съ женою на материкъ, сначала во Владивостокъ, а потомъ «куда Богъ дастъ». Денегъ, по ихъ словамъ, у нихъ не было. Пароходъ долженъ былъ отойти черезъ сутки, но они уже прибрели на пристань и теперь со своимъ скарбомъ прятались въ катерномъ сараѣ въ ожиданіи парохода, будто боялись, чтобы ихъ не вернули назадъ. О материкѣ они говорили съ любовью, съ благоговѣніемъ и съ увѣренностью, что тамъ-то и есть настоящая счастливая жизнь. На Александровскомъ кладбищѣ я видѣлъ черный крестъ съ

*) Только одного я встрѣтилъ, который выразилъ желаніе остаться на Сахалинѣ навсегда: это — несчастный человекъ, черниговскій хуторянинъ, пришедшій за изнасилованіе родной дочери; онъ не любитъ родины, потому что оставилъ тамъ дурную память о себѣ, и не пишетъ писемъ своимъ, теперь уже взрослымъ, дѣтямъ, чтобы не напоминать имъ о себѣ; не ѣдетъ же на материкъ потому, что лѣта не позволяютъ.

изображеніемъ Божіей Матери и съ такою надписью: «Здѣсь покойтся прахъ Дѣвицы Афимьи Курниковой, скончалась въ 1888 Году: мая 21 дня. Лѣтъ ей Отроду 18-тъ. Кресть сей поставленъ въ Знакъ памяти и Отгѣзда родителей на материкъ 1889 года іюня дня».

Крестьянина не отпускаютъ на материкъ, если онъ неблагонадежнаго поведенія и долженъ въ казну. Если онъ состоитъ въ сожителствѣ съ ссыльною женщиной и имѣетъ отъ нея дѣтей, то билетъ на отлучку выдается ему только въ томъ случаѣ, если онъ обезпечитъ своимъ имуществомъ дальнѣйшее существованіе своей сожительницы и незаконно прижитыхъ съ нею дѣтей (приказъ № 92, 1889 г.). На материкъ крестьянинъ приписывается къ облюбованной имъ волости; губернаторъ, въ вѣдѣніи котораго находится волость, даетъ знать начальнику острова, и послѣдній въ приказѣ предлагаетъ полицейскому управленію исключить крестьянина такого-то и членовъ его семьи изъ списковъ—и формально однимъ «несчастливымъ» становится меньше. Баронъ А. Н. Корфъ говорилъ мнѣ, что если крестьянинъ дурно ведетъ себя на материкѣ, то онъ административнымъ порядкомъ высылается на Сахалинъ уже навсегда.

По слухамъ, сахалинцы живутъ на материкѣ хорошо. Письма ихъ я читалъ, но видѣть, какъ они живутъ на новыхъ мѣстахъ, мнѣ не приходилось. Впрочемъ, я видѣлъ одного, но не въ деревнѣ, а въ городѣ. Какъ-то во Владивостокѣ я и іеромонахъ Ираклій, сахалинскій миссіонеръ и священникъ, выходили вмѣстѣ изъ магазина и какой-то человекъ въ бѣломъ фартукѣ и высокихъ блестящихъ сапогахъ, должно быть, дворникъ или артельщикъ, увѣдѣвъ о. Ираклія, очень обрадовался и подошелъ подь благословеніе; оказалось, что это духовное чадо о. Ираклія, крестьянинъ изъ ссыльныхъ. О. Ираклій узналъ его, вспомнилъ имя его и фамилію. «Ну, какъ живешь тутъ?»—спросилъ онъ.—«Слава Богу, хорошо!»—отвѣтилъ тотъ съ оживленіемъ.

Крестьяне, пока еще не отбыли на материкъ, живутъ въ постахъ или селеніяхъ и ведутъ хозяйства при тѣхъ же неблагоприятныхъ условіяхъ, какъ поселенцы и каторжные. Они все еще продолжаютъ зависть отъ тюремнаго начальства и снимать шапки за 50 шаговъ, если живутъ на югѣ; съ ними обходятся лучше и не сбьютъ ихъ, но все же это не крестьяне въ настоящемъ смыслѣ, а арестанты. Они живутъ возлѣ тюрьмы и видятъ ее каждый день, а ссыльно-каторжная тюрьма и мирное земледѣльческое существованіе немыслимы рядомъ. Нѣкоторые авторы видѣли въ Рыковскомъ хороводы и слышали здѣсь гармонику и разудалыя пѣсни; я же ничего подобнаго не видѣлъ и не слышалъ и не могу себѣ представить дѣвушекъ, ведущихъ хороводы около тюрьмы. Даже если бы мнѣ случилось услышать, кромѣ звона цѣпей и крика надзирателей, еще разудалую пѣсню, то я почелъ бы это за дурной знакъ, такъ какъ добрый и милосердный человѣкъ около тюрьмы не запоетъ. Крестьянъ и поселенцевъ и ихъ свободныхъ женъ и дѣтей гнететъ тюремный режимъ; тюремное положеніе, подобно военному, съ его исключительными строгостями и неизбѣжною начальственною опекой, держитъ ихъ въ постоянномъ напряженіи и страхѣ; тюремная администрація отбираетъ у нихъ для тюрьмы луга, лучшія мѣста для рыбныхъ ловель, лучшія лѣсы; бѣглые, тюремные ростовщики и воры обижаютъ ихъ; тюремный палачъ, гуляющій по улицѣ, пугаетъ ихъ; надзиратели развращаютъ ихъ женъ и дочерей, а, главное, тюрьма каждую минуту напоминаетъ имъ объ ихъ прошломъ и о томъ, кто они и гдѣ они.

Здѣшніе сельскіе жители еще не составляютъ общество. Взрослыхъ уроженцевъ Сахалина, для которыхъ островъ былъ бы родиной, еще нѣтъ, старожиловъ очень мало, большинство составляютъ новички; населеніе мѣняется каждый годъ; одни прибываютъ, другіе выбываютъ; и во многихъ селеніяхъ, какъ я говорилъ уже, жители производятъ впечат-

лѣніе не сельскаго общества, а случайнаго сброда. Они называютъ себя братьями, потому что страдали вмѣстѣ, но общаго у нихъ все-таки мало и они чужды другъ другу. Они вѣрують не одинаково и говорятъ на разныхъ языкахъ. Старики презирають эту пестроту и со смѣхомъ говорятъ, что какое можетъ быть общество, если въ одномъ и томъ же селеніи живутъ русскіе, хохлы, татары, поляки, евреи, чухонцы, киргизы, грузины, цыгане?.. О томъ, какъ неравно-мѣрно распредѣленъ по селеніямъ нерусскій элементъ, мнѣ уже приходилось упоминать *).

Неблагопріятно отзывается на ростъ каждаго селенія также еще пестрота иного рѣда: въ колонію поступаетъ много старѣхъ, слабыхъ, больныхъ физически и психически, преступныхъ, неспособныхъ къ труду, практически не подготовленныхъ, которые на родинѣ жили въ городѣ и не занимались сельскимъ хозяйствомъ. 1 января 1890 г., по даннымъ, взятымъ мною изъ казенныхъ вѣдомостей, на всемъ Сахалинѣ, въ тюрьмахъ и колоніи, дворянъ было 91 и город-

*) На вопросъ: «какой губерніи?»—мнѣ отвѣтили 5,791 человекъ: Тамбовская дала—260, Самарская—230, Черниговская—201, Кіевская—201, Полтавская—199, Воронежская—198, Донская область—168, Саратовская—153, Курская—151, Пермская—148, Нижегородская—146, Пензенская—142, Московская—133, Тверская—133, Херсонская—131, Екатеринославская—125, Новгородская—122, Харьковская—117, Орловская—115; на каждую изъ остальныхъ губерній приходится меньше ста. Кавказскія губерніи всѣ вмѣстѣ дали 213 или 3,6%. Въ тюрьмахъ кавказцы даютъ больший процентъ, чѣмъ въ колоніи, а это значитъ, что они неблагополучно отбываютъ каторгу и далеко не всѣ выходятъ на поселеніе; причины тутъ—частые побѣги и, вѣроятно, высокая смертность. Губерніи Царства Польскаго всѣ вмѣстѣ дали 455 или 8%, Финляндія и остзейскія губерніи—167 или 2,8%. Эти цифры могутъ дать лишь приблизительное понятіе о составѣ населенія по мѣсту рожденія, но едва ли кто рѣшится вывести изъ нихъ заключеніе, что Тамбовская губернія самая преступная и малороссы, которыхъ, кстати сказать, очень много на Сахалинѣ, преступнѣе русскихъ.

скихъ сословій, т.-е. почетныхъ гражданъ, купцовъ, мѣщанъ и иностранныхъ подданныхъ, 924, что вмѣстѣ составляло 10⁰/₆ всего числа ссыльныхъ *).

*) Дворяне и вообще привилегированные не умѣютъ пахать и рубить избѣ; надо работать, надо нести наказаніе, какое все несутъ, но слѣзъ нѣтъ. Поневоля они ищутъ легкаго труда и даже часто ничего не дѣлаютъ. Но зато они находятся въ постоянномъ страхѣ, что судьба измѣнится и ихъ пошлютъ въ рудникъ, тѣсно накажутъ, закуютъ въ кандалы и проч. Въ большинствѣ, это люди уже утомленные жизнью, скромные, грустные, и когда глядишь на нихъ, то никакъ не можешь представить себѣ ихъ въ роли уголовныхъ преступниковъ. Но попадаются также пройдохи и нахалы, въ конецъ испорченные, одержимые moral insanity, производящіе впечатлѣніе какихъ-то острожныхъ выскочекъ; ихъ манера говорить, улыбки, походка, лакейская услужливость,—все это нехорошаго, пошловаго тона. Какъ бы то ни было, страшно быть на ихъ мѣстѣ. Одинъ каторжный, бывший офицеръ, когда его везли въ арестантскомъ вагонѣ въ Одессу, видѣлъ въ окно «живописную и поэтическую рыбную ловлю съ помощью зажженныхъ смоляныхъ вѣтокъ и фанеловъ... поля Малороссіи уже зеленѣли. Въ дубовыхъ и липовыхъ ея лѣсахъ близъ полотна дороги можно замѣтить фіалки и ландыши; такъ и слышится ароматъ цвѣтовъ и потерянной воли вмѣстѣ» (*Владивостокъ* 1888 г., № 14). Бывшій дворянинъ, убійца, рассказывая мнѣ о томъ, какъ пріатели провожали его изъ Россіи, говорилъ: «У меня проснулось сознаніе, я хотѣлъ только одного—стусеваться, провалиться, но знакомые не понимали этого и наперерывъ старались утѣшать меня и оказывать мнѣ всякое вниманіе». На привилегированныхъ арестантовъ, когда ихъ ведутъ по улицѣ или везутъ, ничто такъ непріятно не дѣйствуетъ, какъ любопытство свободныхъ, особенно знакомыхъ. Если въ толпѣ арестантовъ хотятъ узнать извѣстнаго преступника и спрашиваютъ про него громко, называя по фамиліи, то это причиняетъ ему сильную боль. Къ сожалѣнію, нерѣдко глумятся надъ уже осужденными привилегированными преступниками и въ тюрьмѣ, и на улицѣ, и даже въ печати. Въ одной ежедневной газетѣ я читалъ про бывшаго коммерціи-совѣтника, что будто бы гдѣ-то въ Сибири, идучи этапомъ, онъ былъ приглашенъ завтракать, и когда послѣ завтрака его повели дальше, то хозяева не досчитались одной ложки: укралъ коммерціи-совѣтникъ! Про бывшаго камеръ-

Въ каждомъ селеніи есть староста, который избирается изъ домохозяевъ, непременно изъ поселенцевъ и крестьянъ, и утверждается смотрителемъ поселеній. Въ старосты попадаютъ обыкновенно люди степенные, смышленные и грамотные; должность ихъ еще не опредѣлилась вполне, но они стараются походить на русскихъ старостъ: рѣшаютъ разные мелкія дѣла, назначаютъ подводы по наряду, вступаются за своихъ, когда нужно, и проч., а у рыковского старосты есть даже своя печать. Нѣкоторые получаютъ жалованье.

Въ каждомъ селеніи живетъ также надзиратель, чаще всего нижній чинъ мѣстной команды, безграмотный, который докладываетъ проѣзжимъ чиновникамъ, что все обстоитъ благополучно, и наблюдаетъ за поведеніемъ поселенцевъ и за тѣмъ, чтобъ они безъ спросу не отлучались и занимались сельскимъ хозяйствомъ. Онъ ближайшій начальникъ селенія, часто единственный судья, и его донесенія по начальству — это документы, имѣющіе немаловажное значеніе при оцѣнкѣ, насколько поселенецъ преуспѣлъ въ одобрительномъ поведеніи, домообзаводствѣ и осѣдлости. Вотъ образчикъ надзирательскаго донесенія:

СПИСОКЪ

жителей селенія Верхняго Армудана, кои дурнова поведенія:

	Фамиліи и имена.	Отмѣтка почему именно.
1	Издугинъ Анапій.	Воръ.
2	Киселевъ Петръ Васильевъ.	Тоже.
3	Глыбинъ Иванъ.	Тоже.
1	Галынский Семенъ.	Домонерачитель и самовольный.
2	Казанкинъ Иванъ.	Тоже.

юнкера писали, будто въ ссылкѣ ему не скучно, такъ какъ шампанскаго-де у него разливанное море и цыганокъ сколько хочешь. Это жестоко.

XVI.

Составь ссыльнаго населенія по поламъ.—Женскій вопросъ.—Каторжныя женщины и поселки.—Сожители и сожительницы.—Женщины свободнаго состоянія.

Въ ссыльной колоніи на 100 мужчинъ приходится 53 женщины *). Это отношеніе правильно только для населенія, живущаго въ избахъ. Есть же еще мужчины, ночующіе въ тюрьмахъ, и холостые солдаты, для которыхъ «необходимымъ предметомъ для удовлетворенія естественныхъ потребностей», какъ выразился когда-то одинъ изъ здѣшнихъ начальниковъ, служатъ все тѣ же ссыльные или прикосновенныя къ ссылкѣ женщины. Но если при опредѣленіи состава населенія колоніи по поламъ и по семейному положенію слѣдуетъ брать въ расчетъ и этотъ разрядъ людей, то не иначе, какъ съ оговоркой. Они, пока живутъ въ тюрьмахъ или казармахъ, смотрятъ на колонію лишь съ точки зрѣнія потребностей; ихъ визиты въ колонію играютъ роль вреднаго внѣшняго вліянія, понижающаго рождаемость и повышающаго болѣзненность, и, притомъ, случайнаго, которое можетъ быть больше или меньше, смотря по тому, на какомъ разстояніи отъ селенія находится тюрьма или казарма; это то же, что въ жизни русской деревни золоторотцы, работающіе по сосѣдству на желѣзной дорогѣ. Если взять огуломъ всѣхъ мужчинъ, включая тюрьму и казармы, то 53 сократится приблизительно на половину и мы получимъ отношеніе 100 : 25.

Какъ ни малы цифры 53 и 25, но для молодой ссыльной колоніи, развивающейся, къ тому же, при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, ихъ нельзя признать слишкомъ низкими. Въ Сибири женщины среди каторжныхъ и посе-

*) По 10-й ревизіи въ русскихъ губерніяхъ (1857—60 гг.) въ среднемъ на 100 мужчинъ было 104,8 женщины.

ленцевъ составляютъ менѣе 10⁰/₀, а если обратиться къ нерусской депортаціонной практикѣ, то встрѣтимъ тамъ колонистовъ, уже почтенныхъ фермеровъ, которые до такой степени не были избалованы въ этомъ отношеніи, что съ восторгомъ встрѣчали проституттокъ, привозимыхъ изъ метрополи, и платили судовщикамъ 100 фунтовъ табаку за каждую. Такъ-называемый женскій вопросъ на Сахалинѣ поставленъ безобразно, но менѣе гадко, чѣмъ въ западно-европейскихъ ссыльныхъ колоніяхъ въ первое время ихъ развитія. На островъ поступаютъ не однѣ только преступницы и проститутки. Благодаря главному тюремному управленію и Добровольному флоту, которымъ вполне удалось установить скорое и удобное сообщеніе между Европейскою Россіей и Сахалиномъ, задача женъ и дочерей, желающихъ слѣдовать за мужьями и родителями въ ссылку, значительно упростилась. Не такъ еще давно одна добровольно слѣдовавшая жена приходилась на 30 преступниковъ, въ настоящее же время присутствіе женщинъ свободнаго состоянія стало типическимъ для колоніи, и уже трудно вообразить, напримѣръ, Рыковское или Ново-Михайловку безъ этихъ трагическихъ фигуръ, которыя «ѣхали жизнь мужей поправить и свою потеряли». Это, быть можетъ, единственный пунктъ, по которому нашъ Сахалинъ въ исторіи ссылки займетъ не послѣднее мѣсто.

Начну съ каторжныхъ женщинъ. Къ 1 января 1890 г. во всѣхъ трехъ округахъ преступницы составляли 11,5⁰/₀ всего числа каторжныхъ *). Съ колонизаціонной точки зрѣ-

*) Эта цифра можетъ служить лишь для опредѣленія состава каторжныхъ по поламъ, для сравнительной же оцѣнки нравственности обоихъ половъ она не даетъ надежнаго матеріала. Женщины рѣже попадаютъ на каторгу не потому, что онѣ нравственнѣе мужчинъ, а потому, что, по самому строю жизни и отчасти по свойствамъ своей организаціи, въ меньшей степени, чѣмъ мужчины, подвержены вѣншимъ вліяніямъ и риску совершать тяжкія уголовныя преступленія. Онѣ не служатъ въ канцеляріяхъ и на военной службѣ,

нія эти женщины имѣютъ одно важное преимущество: онѣ поступаютъ въ колонію въ сравнительно молодомъ возрастѣ; это, въ большинствѣ, женщины съ темпераментомъ, осужденныя за преступленія романическаго и семейнаго характера: «за мужа пришла», «за свекровь пришла»... Это все больше убійцы, жертвы любви и семейнаго деспотизма. Даже тѣ изъ нихъ, которыя пришли за поджогъ или поддѣлку денежныхъ знаковъ, несутъ, въ сущности, кару за любовь, такъ какъ были увлекаемы въ преступленіе своими любовниками. Любовный элементъ играетъ въ ихъ печальномъ сущест-

не уходить въ отхожіе промыслы, не работаютъ въ лѣсахъ, рудникахъ, на морѣ, а потому не знаютъ преступленій по должности и противъ военной дисциплины и преступленій, прямое участіе въ которыхъ требуетъ мужской физической силы, напримѣръ: ограбленіе почты, разбой на большой дорогѣ и т. п.; статьи о преступленіяхъ противъ цѣломудрія, объ изнасилованіи, разгвѣніи и сверхъестественныхъ порокахъ касаются однихъ лишь мужчинъ. Но зато онѣ убиваютъ, истязуютъ, наносятъ тяжкія увѣчья и укрываютъ убійства относительно чаще, чѣмъ мужчины; среди послѣднихъ убійцы составляютъ 47%, а среди преступницъ 57%. Что же касается осужденныхъ за отравленіе, то среди женщинъ ихъ больше не только относительно, но даже абсолютно. Въ 1889 г. по всѣмъ тремъ округамъ отравительницъ было показано абсолютно почти въ три раза больше, чѣмъ отравителей, а относительно въ 23 раза. Какъ бы то ни было, женщинъ поступаетъ въ колонію меньше мужчинъ и, даже несмотря на ежегодно прибывающія партіи женщинъ свободнаго состоянія, мужчины все-таки даютъ подавляющій перевѣсъ. Такое неравномерное распредѣленіе половъ неизбежно въ ссыльной колоніи и уравновѣженіе можетъ произойти только съ прекращеніемъ ссылки или, когда на островъ начнетъ приливать иммиграционный элементъ, который сольется со ссыльнымъ, или появится у насъ своя мистрисъ Фрей, которая будетъ энергически пропагандировать мысль объ отправленіи на Сахалинъ для развитія семейственности транспорта честныхъ дѣвушекъ изъ бѣдныхъ семействъ.

О ссылкѣ западно-европейской и русской, и въ частности о женскомъ вопросѣ см. у проф. И. Л. Фойницкаго въ его извѣстной книгѣ *Ученіе о наказаніи въ связи съ тюремновѣдѣніемъ*.

ствованіи роковую роль и до суда, и послѣ суда. Когда ихъ везутъ на пароходѣ въ ссылку, то между ними начинается бродить слухъ, что на Сахалинѣ ихъ противъ воли выдадутъ замужъ. И это волнуетъ ихъ. Былъ случай, когда онѣ обратились къ судовому начальству съ просьбой походатайствовать, чтобы ихъ не выдавали насильно.

Лѣтъ 15—20 назадъ каторжныя женщины по прибытіи на Сахалинѣ тотчасъ же поступали въ домъ терпимости. «На югѣ Сахалина, — писалъ Власовъ въ своемъ отчетѣ, — женщины за неимѣніемъ особаго помѣщенія помѣщаются въ зданіи пекарни... Начальникъ острова Депперадовичъ распорядился обратитъ женское отдѣленіе тюрьмы въ домъ терпимости». О какихъ-либо работахъ не могло быть и рѣчи, такъ какъ «только провинившіяся или не заслужившія мужской благосклонности» попадали на работу въ кухню, остальные же служили «потребностямъ» и пили мертвую, и, въ концѣ-концовъ, женщины, по словамъ Власова, были развращаемы до такой степени, что въ состояніи какого-то ошеломленія «продавали своихъ дѣтей за штофъ спирта».

Теперь, когда прибываетъ партія женщинъ въ Александровскъ, то ее, прежде всего, торжественно ведутъ съ пристани въ тюрьму. Женщины, согнувшись подъ тяжестью узловъ и котомокъ, плетутся по шоссе, вялая, еще не пришедшія въ себя отъ морской болѣзни, а за ними, какъ на ярмаркѣ за комедіантами, идутъ цѣлыя толпы бабъ, мужиковъ, ребятишекъ и лицъ, причастныхъ къ канцеляріямъ. Картина, похожая на ходъ сельдей въ Анивѣ, когда вслѣдъ за рыбой идутъ цѣлыя полчища китовъ, тюленей и дельфиновъ, желающихъ полакомиться икряною селедкой. Мужики-поселенцы идутъ за толпой съ честными, простыми мыслями: имъ нужна хозяйка. Бабы смотрятъ, нѣтъ ли въ новой партіи землячекъ. Писарямъ же и надзирателямъ нужны «дѣвочки». Это обыкновенно происходитъ передъ вечеромъ. Женщинъ запираютъ на ночь въ камерѣ, заранѣе для того

приготовленной, и потомъ всю ночь въ тюрьмѣ и въ посту идутъ разговоры о новой партіи, о прелестяхъ семейной жизни, о невозможности вести хозяйство безъ бабы и т. п. Въ первыя же сутки, пока еще пароходъ не ушелъ въ Корсаковскъ, происходитъ распределеніе вновь прибывшихъ женщинъ по округамъ. Распредѣляютъ александровскіе чиновники и потому округъ ихъ получаетъ львиную долю въ смыслѣ и количества, и качества; немного поменьше и похуже получаетъ ближайшій округъ—Тымовскій. На сѣверѣ происходитъ тщательный выборъ; тутъ, какъ на фильтрѣ, остаются самыя молодыя и красивыя, такъ что счастье жить въ южномъ округѣ выпадаетъ на долю только почти старухъ и такихъ, которыя «не заслуживаютъ мужской благосклонности». При распределеніи вовсе не думаютъ о сельско-хозяйственной колоніи, и потому на Сахалинѣ, какъ я уже говорилъ, женщины распределены по округамъ крайне неравномѣрно, и, притомъ, чѣмъ хуже округъ, чѣмъ меньше надежды на успѣхи колонизаціи, тѣмъ больше въ немъ женщинъ: въ худшемъ, Александровскомъ, на 100 мужчинъ приходится 69 женщинъ, въ среднемъ, Тымовскомъ—47, и въ лучшемъ, Корсаковскомъ—только 36 *).

Изъ женщинъ, выбранныхъ для Александровскаго округа, часть назначается въ прислуги къ чиновникамъ. Послѣ тюремъ, арестантскаго вагона и пароходнаго трюма въ первое время чистыя и свѣтлыя чиновницкія комнаты кажутся женщинамъ волшебнымъ замкомъ, а самъ баринъ—добрымъ или злымъ гениемъ, имѣющимъ надъ нею неограниченную

*) Д-ръ А. В. Щербаковъ въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ пишетъ: «Выгрузка окончена была только утромъ другого дня. Осталось еще принять ссыльно-каторжныхъ, назначенныхъ въ Корсаковскій постъ, и получить различныя сдаточныя квитанціи. Первыхъ, въ числѣ 50 мужчинъ и 20 женщинъ, прислали безъ замедленія. Въ статейныхъ спискахъ мужчинъ не значилось ремесль, а женщины были очень стары. Спускали попошле». *Съ ссыльно-каторжными. Новое Время*, № 5381.

власть; скоро, впрочемъ, она свыкается со своимъ новымъ положеніемъ, но долго еще потомъ слышатся въ ея рѣчи тюрьма и пароходный трюмъ: «не могу знать», «кушайте, ваше высокоблагородіе», «точно такъ». Другая часть женщинъ поступаетъ въ гаремы писарей и надзирателей, третья же, большая, въ избы поселенцевъ, причемъ женщины получаютъ только тѣ, кто побогаче и имѣтъ протекцію. Женщину можетъ получить и каторжный, даже изъ разряда испытуемыхъ, если онъ человѣкъ денежный и пользуется влияніемъ въ тюремномъ мірѣ.

Въ Корсаковскомъ посту вновь прибывшихъ женщинъ тоже помѣщаютъ въ особый баракъ. Начальникъ округа и смотритель поселеній вмѣстѣ рѣшаютъ, кто изъ поселенцевъ и крестьянъ достоинъ получить бабу. Преимущество дается уже устроившимся, домовитымъ и хорошаго поведенія. Этимъ немногимъ избранникамъ посылается приказъ, чтобы они въ такой-то день и часъ приходили въ постъ, въ тюрьму, за полученіемъ женщинъ. И вотъ въ назначенный день по всему длинному тракту отъ Найбучи до поста тамъ и сямъ встрѣчаются идущіе къ югу, какъ ихъ здѣсь не безъ ироніи величаютъ, женихи или молодые. Видъ у нихъ какой-то особенный, въ самомъ дѣлѣ жениховскій; одинъ нарядился въ красную кумачовую рубаху, другой въ какой-то необыкновенной плантаторской шляпѣ, третій въ новыхъ блестящихъ сапогахъ съ высокими каблуками, купленныхъ неизвѣстно гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ. Когда всѣ они приходятъ въ постъ, ихъ впускаютъ въ женскій баракъ и оставляютъ тутъ вмѣстѣ съ женщинами. Въ первые четверть-полчаса платится необходимая дань смущенію и чувству неловкости; женихи бродятъ около наръ и молча и сурово поглядываютъ на женщинъ, тѣ сидятъ потупившись. Каждый выбираетъ; безъ кислыхъ гримасъ, безъ усмѣшекъ, а совершенно серьезно, относясь «по-человѣчеству» и къ некрасотѣ, и къ старости, и къ арестантскому виду; онѣ

присматривается и хочет угадать по лицам: какая из них хорошая хозяйка? Вот какая-нибудь молодая или пожилая «показалась» ему; онъ садится рядомъ и заводитъ съ нею душевный разговоръ. Она спрашиваетъ, есть ли у него самоваръ, чѣмъ крыта у него изба, тесомъ или соломою. Онъ отвѣчаетъ на это, что у него есть самоваръ, лошадь, телка по второму году и изба крыта тесомъ. Только ужъ послѣ хозяйственного экзамена, когда оба чувствуютъ, что дѣло кончено, она рѣшается задать вопросъ:

— А обижать вы меня не будете?

Разговоръ кончается. Женщина приписывается къ поселенцу такому-то, въ селеніе такое-то—и гражданскій бракъ совершенъ. Поселенецъ отправляется со своею сожительницей къ себѣ домой и для финала, чтобы не ударить лицомъ въ грязь, нанимаетъ подводу, часто на послѣднія деньги. Дома сожительница первымъ дѣломъ ставитъ самоваръ, и сосѣди, глядя на дымъ, съ завистью толкуютъ, что у такого-то есть уже баба.

Каторжныхъ работъ для женщинъ на островѣ нѣтъ. Правда, женщины иногда моютъ полы въ канцеляріяхъ, работаютъ на огородахъ, шьютъ мѣшки, но постоянного и опредѣленнаго, въ смыслѣ тяжкихъ принудительныхъ работъ, ничего нѣтъ и, вѣроятно, никогда не будетъ. Каторжныхъ женщинъ тюрьма совершенно уступила колоніи. Когда ихъ везутъ на островъ, то думаютъ не о наказаніи или исправленіи, а только объ ихъ способности рожать дѣтей и вести сельское хозяйство. Каторжныхъ женщинъ раздаютъ поселенцамъ подъ видомъ работницъ, на основаніи ст. 345 *Устава о ссыльныхъ*, которая разрѣшаетъ незамужнимъ ссыльнымъ женщинамъ «пропитываться услугою въ ближайшихъ селеніяхъ старожилъ, пока не выйдутъ замужъ». Но эта статья существуетъ только какъ прикрытие отъ закона, запрещающаго блудъ и прелюбодѣяніе, такъ какъ каторжная или поселка, живущая у поселенца, не батрачка,

прежде всего, а сожительница его; незаконная жена съ вѣдома и согласія администраціи; въ казенныхъ вѣдомостяхъ и приказахъ жизнь ея подь одною крышею съ поселенцемъ отмѣчается какъ «совмѣстное устройство хозяйства» или «совмѣстное домообзаводство» *), онъ и она вмѣстѣ называются «свободною семьей». Можно сказать, что, за исключеніемъ небольшого числа привилегированныхъ и тѣхъ, которыя прибываютъ на островъ съ мужьями, всѣ каторжныя женщины поступаютъ въ сожительницы. Это слѣдуетъ считать за правило. Мнѣ рассказывали, что когда одна женщина во Владиміровкѣ не захотѣла идти въ сожительницы и заявила, что она пришла сюда на каторгу, чтобы работать, а не для чего-нибудь другого, то ея слова будто бы привели всѣхъ въ недоумѣніе **).

Мѣстная практика выработала особенный взглядъ на каторжную женщину, существовавшій, вѣроятно, во всѣхъ ссыльныхъ колоніяхъ: не то она человѣкъ, хозяйка, не то существо, стоящее даже ниже домашняго животнаго. Поселенцы селенія Сиска подали окружному начальнику такое прошеніе: «Просимъ покорнѣйше ваше высокоблагородіе отпустить намъ рогатаго скота для млекопитанія въ вышеупомянутую мѣстность и женскаго пола для устройства внутренняго хозяйства». Начальникъ острова, бесѣдуя въ

*) Напримѣръ, приказъ: «Согласно ходатайства г. начальника Александровскаго округа, изложеннаго въ рапортѣ отъ 5 января, за № 75, ссыльно-каторжная Александровской тюрьмы Акулина Кузнецова переводится въ Тымовскій округъ для совмѣстнаго домообзаводства съ поселенцемъ Алексѣемъ Шараповымъ» (1889 г., № 25).

***) Да и трудно понять, гдѣ жили бы женщины, если-бъ отказывались отъ сожительства. Особаго помѣщенія для нихъ на каторгѣ не существуетъ. Завѣдующій медицинскою частью въ своемъ отчетѣ за 1889 г. пишетъ: «По прибытіи на Сахалинъ, имъ предоставляется самимъ заботиться о помѣщеніи.. для оплаты котораго приходится нѣкоторымъ изъ нихъ не пренебрегать способами для добыванія средствъ».

моемъ присутствіи съ поселенцами селенія Ускова и давая имъ разныя обѣщанія, сказали, между прочимъ:

— И насчетъ женщинъ васъ не оставлю.

— Нехорошо, что женщинъ присылаютъ сюда изъ Россіи не весной, а осенью, — говорилъ мнѣ одинъ чиновникъ. — Зимой бабѣ нечего дѣлать, она не помощница мужику, а только лишній ротъ. Потому-то хорошіе хозяева берутъ ихъ осенью неохотно.

Такъ разсуждаютъ осенью о рабочихъ лошадяхъ, когда предвидятся зимою дорогіе кормы. Человѣческое достоинство, а также женственность и стыдливость каторжной женщины не принимаются въ расчетъ ни въ какомъ случаѣ; какъ бы подразумѣвается, что все это выжжено въ ней ея позоромъ или утеряно ею, пока она таскалась по тюрьмамъ и этапамъ. По крайней мѣрѣ, когда ее наказываютъ тѣлесно, то не стѣняются соображеніемъ, что ей можетъ быть стыдно. Но униженіе ея личности все-таки никогда не доходило до того, чтобы ее насильно выдавали замужъ или принуждали къ сожителству. Слухи о насиліяхъ въ этомъ отношеніи такія же пустыя сказки, какъ висѣлица на берегу моря или работа въ подземельи *).

*) Лично я всегда относился съ сомнѣніемъ къ этимъ слухамъ, но все-таки провѣрилъ ихъ на мѣстѣ и собралъ всѣ случаи, которые могли послужить поводомъ къ нимъ. Разсказываютъ, что года 3—4 назадъ, когда начальникомъ острова былъ генералъ Гинпе, въ Александровскѣ одна каторжная, иностранка, была выдана противъ воли за бывшаго околоточнаго надзирателя. Каторжная Ягельская, въ Корсаковскомъ округѣ, получила 30 розогъ за то, что захотѣла уйти отъ своего сожителя поселенца Котлярова. Тамъ же поселенецъ Яроватый пожаловался, что его баба отказывается жить съ нимъ. Послѣдовало распоряженіе: «N. N., всыпьте ей». — «Сколько?» — «Семьдесятъ». Бабу высѣкли, но она все-таки настояла на своемъ и перешла къ поселенцу Маловѣчкину, который теперь не нахвалится ею. Поселенецъ Ръзвцовъ, старикъ, засталъ свою сожительницу съ поселенцемъ Родинымъ и пошелъ жаловаться. Послѣдовало

Къ сожителству не служатъ помѣхой ни старость женщины, ни различіе вѣроисповѣданій, ни бродяжеское состояніе. Сожительницъ, имѣющихъ 50 и болѣе лѣтъ, я встрѣчалъ не только у молодыхъ поселенцевъ, но даже у надзирателей, которымъ едва минуло 25. Бываетъ, что приходятъ на каторгу старуха-мать и взрослая дочь; обѣ поступаютъ въ сожительницы къ поселенцамъ и обѣ начинаютъ рожать какъ бы въ перегонку. Католики, лютеране и даже татары и евреи нерѣдко живутъ съ русскими. Въ Александровскѣ въ одной изъ обѣ я встрѣтилъ русскую бабу въ большой компаніи киргизъ и кавказцевъ, которымъ она прислуживала за столомъ, и записалъ ее сожительницей татарина или, какъ она называла его, чеченца. Въ Александровскѣ всѣмъ извѣстный здѣсь татаринъ Кербалай живетъ съ русскою Лоцушиной и имѣетъ отъ нея троихъ дѣтей *).

Бродяги тоже устраиваются на семейную ногу и одинъ изъ нихъ, бродяга Иванъ 35 лѣтъ, въ Дербинскомъ, даже заявилъ мнѣ съ улыбкой, что у него двѣ сожительницы: «одна здѣсь, другая по билету въ Николаевскѣ». Иной поселенецъ живетъ съ женщиной, не помнящей родства, уже лѣтъ де-

распоряженіе: «Позвать ее сюда!» Баба явилась. «Такъ ты, такая-сякая, не хочешь жить съ Ръзведовымъ? Розог!» И Ръзведову приказано было собственноручно наказать сожительницу, что тотъ и исполнилъ. Въ концѣ-концовъ, она все-таки взяла верхъ и я уже записалъ ее сожительницей не Ръзведова, а Родина. Вотъ и всѣ случаи, о которыхъ помнить населеніе. Если каторжная женщина изъ сварливаго характера или изъ распутства слишкомъ часто мѣняетъ сожителей, то ее наказываютъ, но и такіе случаи бываютъ рѣдко и возникаютъ только вслѣдствіе жалобъ поселенцевъ.

*) Въ Верхнемъ Армуданѣ у татарина Тухватулы я записалъ сожительницей Екатерину Петрову; она имѣетъ отъ него дѣтей; работникъ въ этой семьѣ магометанинъ, гости тоже. Въ Рыковскомъ поселенецъ Магометъ Усте-Норъ живетъ съ Авдотьей Мѣдвѣдовой. Въ Нижнемъ Армуданѣ у лютеранина поселенца Перецкаго сожительница еврейка Лея Пермутъ Броха, а въ Большомъ Такоэ крестьянинъ изъ ссыльныхъ Калевскій сожительствуетъ съ аинкой.

сать, какъ съ женой, а все еще не знаетъ ея настоящаго имени и откуда она родомъ.

На вопросъ, какъ имъ живется, поселенецъ и его сожительница обыкновенно отвѣчаютъ: «Хорошо живемъ». А нѣкоторыя каторжныя женщины говорили мнѣ, что дома въ Россіи отъ мужей своихъ онѣ терпѣли только озорства, побои да попреки кускомъ хлѣба, а здѣсь, на каторгѣ, онѣ впервые увидѣли свѣтъ. «Слава Богу, живу теперь съ хорошимъ человѣкомъ, онъ меня жалѣетъ». Ссылные жалѣютъ своихъ сожительницъ и дорожатъ ими.

— Здѣсь, за недостаткомъ женщинъ, мужикъ самъ и пахнетъ, и стряпаетъ, и корову доитъ, и бѣлье починаятъ,— говорилъ мнѣ баронъ А. Н. Корфъ,—и ужъ если къ нему попадетъ женщина, то онъ крѣпко держится за нее. Посмотрите, какъ онъ наряжаетъ ее. Женщина у ссыльныхъ пользуется почетомъ.

— Что, впрочемъ, не мѣшаетъ ей ходить съ синягами,— прибавилъ отъ себя ген. Кононовичъ, присутствовавшій при разговорѣ.

Бываютъ и ссоры, и драки, и дѣло доходитъ до синяковъ, но все же поселенецъ учитъ свою сожительницу съ опаской, такъ какъ сила на ея сторонѣ: онъ знаетъ, что она у него незаконная, и во всякое время можетъ бросить его и уйти къ другому. Понятно, что ссыльные жалѣютъ своихъ женщинъ не изъ одной только этой спаски. Какъ ни просто складываются на Сахалинѣ незаконныя семьи, но и имъ бываетъ не чужда любовь въ самомъ ея чистомъ, привлекательномъ видѣ. Въ Дуэ я видѣлъ сумасшедшую, страдающую эпилепсіей каторжную, которая живетъ въ избѣ своего сожителя, тоже каторжнаго; онъ ходитъ за ней, какъ усердная сидѣлка, и когда я замѣтилъ ему, что, вѣроятно, ему тяжело жить въ одной комнатѣ съ этою женщиной, то онъ отвѣтилъ мнѣ весело: «Ничего-о, ваше высокоблагородіе, по-человѣчности!» Въ Ново-Михайловкѣ у одного посе-

ленца сожительница давно уже лишилась ногъ и день и ночь лежитъ среди комнаты на лохмотьяхъ, и онъ ходитъ за ней, и когда я сталъ увѣрять его, что для него же было бы удобнѣе, если бы она лежала въ больницѣ, то и онъ тоже заговорилъ о человѣчности.

Съ хорошими и заурядными семьями вперемежку встрѣчается и тотъ разрядъ свободныхъ семей, которому отчасти обязанъ такую дурною репутаціей ссылочный «женскій вопросъ». Въ первую же минуту эти семьи отталкиваютъ своею искусственностью и фальшью и даютъ почувствовать, что тутъ, въ атмосферѣ, испорченной тюрьмою и неволей, семья давно уже сгнила, а на мѣстѣ ея выросло что-то другое. Много мужчинъ и женщинъ живутъ вмѣстѣ, потому что такъ надо, такъ принято въ ссылкѣ; сожительства стали въ колоніи традиціоннымъ порядкомъ, и эти люди, какъ слабыя, безвольныя натуры, подчинились этому порядку, хотя никто не принуждалъ ихъ къ тому. Хохлушка лѣтъ 50 въ Ново-Михайловкѣ, пришедшая сюда съ сыномъ, тоже каторжнымъ, изъ-за невѣстки, которая была найдена мертвой въ колодецѣ, оставившая дома старика-мужа и дѣтей, живетъ здѣсь съ сожителемъ, и, повидимому, это самой ей гадко и ей стыдно говорить объ этомъ съ постороннимъ человѣкомъ. Своего сожителя она презираетъ и все-таки живетъ съ нимъ и спитъ вмѣстѣ: такъ надо въ ссылкѣ. Члены подобныхъ семей чужды другъ другу до такой степени, что какъ бы долго они ни жили подъ одною крышей, хотя бы 5—10 лѣтъ, не знаютъ, сколько другъ другу лѣтъ, какой губерніи, какъ по отчеству... На вопросъ, сколько ея сожителю лѣтъ, баба, глядя вяло и лѣниво въ сторону, отвѣчаетъ обыкновенно: «А чортъ его знаетъ!» Пока сожитель на работѣ или играетъ гдѣ-нибудь въ карты, сожительница валяется въ постели, праздная, голодная; если кто-нибудь изъ сосѣдей войдетъ въ избу, то она нехотя приподнимется и расскажетъ, зѣвая, что она «за мужа пришла»,

невинно пострадала: «Его, чорта, хлопцы убили, а меня въ каторгу». Сожитель возвращается домой: дѣлать нечего, говорить съ бабой не о чемъ; самоваръ бы поставить, да сахару и чаю нѣтъ... При видѣ валяющейся сожительницы, чувство скуки и праздности, несмотря на голодь и досаду, овладѣваетъ имъ, онъ вздыхаетъ и тоже — бултыхъ въ постель. Если женщины изъ такихъ семей промышляютъ проституціей, то сожители ихъ обыкновенно поощряютъ это занятіе. Въ проституткѣ, добывающей кусокъ хлѣба, сожитель видитъ полезное домашнее животное и уважаетъ ее, т.-е. самъ ставитъ для нея самоваръ и молчитъ, когда она бранится. Она часто мѣняетъ сожителей, выбирая тѣхъ, кто побогаче, или у кого есть водка, или мѣняетъ просто отъ скуки, для разнообразія.

Каторжная женщина получаетъ арестантскій пай, который она сѣдаетъ вмѣстѣ съ сожителемъ; иногда этотъ бабій пай служитъ единственнымъ источникомъ пропитанія семьи. Такъ какъ сожительница формально считается работницей, то поселенецъ платитъ за нее въ казну, какъ за работницу: онъ обязуется свезти пудовъ двадцать груза изъ одного округа въ другой или доставить въ постъ десятокъ бревенъ. Эта формальность, впрочемъ, обязательна только для поселенцевъ-мужиковъ и не требуется отъ ссыльныхъ, которые живутъ въ постахъ и ничего не дѣлаютъ. Отбывши срокъ, каторжная женщина перечисляется въ поселенческое состояніе и уже перестаетъ получать кормовое и одежное довольствіе; такимъ образомъ, на Сахалинѣ переводъ въ поселки совсѣмъ не служитъ облегченіемъ участи: каторжницамъ, получающимъ отъ казны пай, живется легче, чѣмъ поселкамъ, и чѣмъ дольше срокъ каторги, тѣмъ лучше для женщины, а если она безсрочная, то это значить, что она обезпечена кускомъ хлѣба безсрочно. Крестьянскія права поселка получаетъ обыкновенно на льготныхъ основаніяхъ, черезъ шесть лѣтъ.

Женщинъ свободного состоянія, добровольно пришедшихъ за мужьями, въ настоящее время въ колоніи больше, чѣмъ каторжныхъ женщинъ, а ко всему числу ссыльныхъ женщинъ онѣ относятся какъ 2 : 3. Я записалъ 697 женщинъ свободного состоянія; каторжныхъ женщинъ, поселокъ и крестьянокъ было 1,041, — значить, свободныя въ колоніи составляютъ 40% всего наличнаго состава взрослыхъ женщинъ *). Покидать родину и идти въ ссылку за преступными мужьями побуждаютъ женщинъ разнообразныя причины. Однѣ идутъ изъ любви и жалости; другія изъ крѣпкаго убѣжденія, что разлучить мужа и жену можетъ одинъ только Богъ; третьи бѣгутъ изъ дому отъ стыда; въ темной деревенской средѣ позоръ мужей все еще падаетъ на женъ: когда, напримѣръ, жена осужденнаго полощетъ на рѣкѣ бѣлье, то другія бабы обзываютъ ее каторжанкой; четвертыя увлекаются на Сахалинѣ мужьями, какъ въ ловушку, путемъ обмана. Еще въ трюмѣ парохода многіе арестанты пишутъ домой, что на Сахалинѣ и тепло, и земли много, и хлѣбъ дешевый, и начальство доброе; изъ тюрьмы они пишутъ то же самое, иногда по нѣскольку лѣтъ, придумывая все новые соблазны, и расчетъ ихъ на темноту и легковѣріе женъ, какъ показали факты, часто оправдывается **). Наконецъ, пятыя идутъ потому, что все еще продолжаютъ находиться подъ сильнымъ нравственнымъ вліяніемъ мужей; такія, быть можетъ, сами принимали участіе въ преступленіи или пользовались плодами его и не попали подъ судъ только случайно по недостатку уликъ. Наиболѣе часты двѣ пер-

*) Въ первыя десять лѣтъ съ начала морской перевозки, съ 1879 по 1889 г., на пароходахъ Добровольнаго флота было перевезено каторжныхъ мужчинъ и женщинъ 8,430 и добровольно слѣдовавшихъ за ними членовъ ихъ семействъ 1,146.

**) Одинъ арестантъ въ письмѣ хвалился даже, что у него есть иностранная серебряная монета. Тонъ подобныхъ писемъ жизнерадостный, игривый.

выя причины: состраданіе и жалость до самопожертвованія и непоколебимая сила убѣжденія. Среди женъ, добровольно пришедшихъ за мужьями, кромѣ русскихъ, есть также татарки, еврейки, цыганки, польки и нѣмки *).

Когда женщины свободнаго состоянія прибываютъ на Сахалинъ, то ихъ встрѣчаютъ здѣсь не особенно привѣтливо. Вотъ характерный эпизодъ. 19 октября 1889 г. на пароходѣ Добровольнаго флота *Владивостокъ* прибыло въ Александровскъ 300 женщинъ свободнаго состоянія, подростковъ и дѣтей. Плыли они изъ Владивостока 3—4 сутокъ на холодѣ, безъ горячей пищи и среди нихъ, какъ передавалъ мнѣ докторъ, было найдено 26 больныхъ скарлатиной, оспой и корью. Пароходъ пришелъ поздно вечеромъ. Командиръ, опасаясь, вѣроятно, дурной погоды, потребовалъ, чтобы приняли пассажировъ и грузъ непрѣмнно ночью. Выгружали съ 12 до 2 часовъ ночи. Женщинъ и дѣтей заперли на пристани въ катерномъ сараѣ и въ амбарѣ, построенномъ для склада товаровъ, а больныхъ—въ сараѣ, который приспособленъ для карантиннаго содержанія больныхъ. Вещи пассажировъ свалили въ без-

*) Случается, что за женами приходятъ въ ссылку мужья. На Сахалинѣ такихъ мужей только трое: отставные солдаты Андрей Найдушъ и Андрей Ганинъ въ Александровскѣ и крест. Жигулинъ въ Дербинскомъ. Последний, пришедшій за женой и дѣтмъ, старикъ, разыгрываетъ изъ себя чудака, похожъ на пьянаго и служить помѣшникомъ для всей улицы. Одинъ нѣмецъ старикъ пришелъ съ женой къ сыну Готлибу. Онъ ни слова не говоритъ по-русски. Я спросилъ его, между прочимъ, сколько ему лѣтъ.

— Я родился въ 1832 г.,—сказалъ онъ по-нѣмецки, потомъ написалъ на столѣ мѣломъ 1890 и вычелъ 1832.

Съ однимъ каторжнымъ, бывшимъ кушомъ, пріѣхалъ его приказчикъ, который, впрочемъ, пожилъ въ Александровскѣ только мѣсяцъ и вернулся въ Россію. По 264 ст. *Устава о смѣлнхъ*, мужья-евреи не могутъ слѣдовать въ ссылку за своими осужденными женами, и послѣднимъ предоставляется брать съ собой лишь грудныхъ дѣтей, и то не иначе, какъ съ согласія мужей.

порядкѣ въ баржу. Къ утру прошелъ слухъ, что баржу ночью сорвало волненіемъ и унесло въ море. Поднялся плачь. У одной женщины вмѣстѣ съ вещами пропало 300 руб. Составили протоколъ и обвинили во всемъ бурю, между тѣмъ, на другой же день стали находить въ тюрьмѣ у каторжныхъ пропавшія вещи.

Свободная женщина, въ первое время по прибытіи на Сахалинъ, имѣетъ ошеломленный видъ. Островъ и каторжная обстановка поражаютъ ее. Она съ отчаяніемъ говоритъ, что, будучи къ мужу, не обманывала себя и ожидала только худого, но дѣйствительность оказалась страшнѣе всякихъ ожиданій. Едва она поговорила съ тѣми женщинами, которыя прибыли раньше ея, и поглядѣла на ихъ житье-бытье, какъ у нея уже является увѣренность, что она и дѣти ея погибли. Хотя до окончанія срока осталось еще болѣе 10—15 лѣтъ, но она уже бредитъ о материкѣ и слышать не хочетъ про здѣшнее хозяйство, которое кажется ей ничтожнымъ, не стоящимъ вниманія. Она плачетъ день и ночь съ причитываніями, поминая своихъ покинутыхъ родныхъ, какъ усопшихъ, а мужъ, сознавая свою великую вину передъ ней, молчитъ угрюмо, но, наконецъ, выйдя изъ себя, начинаетъ бить ее и бранить за то, что она пріѣхала сюда.

Если свободная женщина пріѣхала безъ денегъ или привезла ихъ такъ мало, что хватило только на покупку избы, и если ей и мужу ничего не присылаютъ изъ дому, то скоро наступаетъ голодь. Заработковъ нѣтъ, милостыню просить негдѣ, и ей съ дѣтьми приходится кормиться тою же арестантскою порціей, которую получаетъ изъ тюрьмы ея мужъ каторжникъ и которой едва хватаетъ на одного взрослого *). Изъ дня въ день мысль работаетъ все въ од-

*) Тутъ рѣзко бросается въ глаза разница положеній этой свободной женщины, законной жены, и ея сосѣдки каторжной, сожительницы, получающей отъ казны ежедневно по три фунта хлѣба. Во Владиміровкѣ одна женщина свободного состоянія подозрѣвается

номъ направленіи: чего бы поѣсть и чѣмъ бы покормить дѣтей. Отъ постоянной проголоди, отъ взаимныхъ попрековъ кускомъ хлѣба и отъ увѣренности, что лучше не будетъ, съ теченіемъ времени душа черствѣетъ, женщина рѣшается, что 'на Сахалинѣ деликатными чувствами сытъ не будешь, и идетъ добывать пятаки и гривенники, какъ выразилась одна, «своимъ тѣломъ». Мужъ тоже очерствѣлъ, ему не до чистоты, и все это кажется неважнымъ. Едва дочерямъ минуло 14—15 лѣтъ, какъ и ихъ тоже пускаютъ въ оборотъ; матери торгуютъ ими дома, или же отдаютъ ихъ въ сожительницы къ богатымъ поселенцамъ и надзирателямъ. И все это совершается съ тѣмъ болѣею легкостью, что свободная женщина проводитъ здѣсь время въ полнѣйшей праздности. Въ постахъ дѣлать совсѣмъ нечего, а въ селеніяхъ, особенно въ сѣверныхъ округахъ, хозяйства, въ самомъ дѣлѣ, ничтожны.

Кромѣ нужды и праздности, у свободной женщины есть еще третій источникъ всякихъ бѣдъ — это мужъ. Онъ можетъ проиграть или проиграть въ карты свой пай, женино и даже дѣтское платье. Онъ можетъ впасть въ новое преступленіе или удариться въ бѣга. Поселенецъ Тымовскаго округа Бышевецъ при мнѣ содержался въ карцерѣ въ Дуэ,— его обвиняли въ покушеніи на убійство; жена его и дѣти жили по близости въ казармахъ для семейныхъ, а домъ и хозяйство были брошены. Въ Мало-Тымовѣ бѣжалъ поселенецъ Кучеренко, оставивъ жену и дѣтей. Если мужъ не изъ такихъ, которые убиваютъ или бѣгаютъ, то все-таки каждый день женѣ приходится бояться, какъ бы его не наказали; не взвели бы на него напраслины, какъ бы онъ не надорвался, не заболѣлъ, не умеръ.

въ убійствѣ мужа; если ее осудятъ въ каторжныя работы, то она начнетъ получать паекъ,—значить, попадетъ въ лучшее положеніе, чѣмъ была до суда.

Годы уходятъ, близится старость; мужъ отбылъ уже каторгу и поселенческій срокъ и хлопочеть о крестьянскихъ правахъ. Прошлое предается забвенію, прощается, и съ отъѣздомъ на материкъ мерещится вдали новая, разумная, счастливая жизнь. Бываетъ и иначе. Жена умираетъ отъ чахотки, а мужъ уѣзжаетъ на материкъ, старый и одинокій; или же она остается вдовой и не знаетъ, что ей дѣлать, куда ѣхать. Въ Дербинскомъ жена свободного состоянія Александра Тимоѣева ушла отъ своего мужа молокана къ пастуху Акиму, живетъ въ тѣсной, грязной лачужкѣ и уже родила пастуху дочь, а мужъ взялъ къ себѣ другую женщину, сожительницу. Женщины свободного состоянія Шуликина и Ѳедина въ Александровскѣ тоже ушли отъ мужей въ сожительницы. Ненила Карпенко овдовѣла и живетъ теперь съ поселенцемъ. Каторжный Алтуховъ ушелъ бродить, а его жена Екатерина, свободная, состоитъ въ незаконномъ бракѣ *).

*) *Уставъ о ссыльныхъ* отводитъ у себя мѣсто также и женщинамъ свободного состоянія. По ст. 85, «женщины, идущія по собственной волѣ, во все время слѣдованія не должны быть отдѣляемы отъ мужей и не подлежатъ строгости надзора». Въ Европейской Россіи или на пароходѣ Добровольнаго флота онѣ свободны отъ надзора, въ Сибири же, когда партія идетъ пѣшкомъ и на подводахъ, конвойнымъ не время разбирать въ толпѣ, гдѣ тутъ ссыльные и свободныя. Въ Забайкальи мнѣ случилось видѣть, какъ въ рѣкѣ купались вмѣстѣ мужчины, женщины и дѣти; конвойные, ставши возлѣ полукругомъ, не позволяли выходить за границы этого полукруга никому, даже ребятамъ. По ст. 173 и 253, женщины, добровольно слѣдующія за мужьями, получаютъ одежду, обувь и кормовыя деньги во все продолженіе пути до мѣста назначенія въ размѣрѣ арестантскаго пайка. Но въ *Уставѣ* не говорится, какъ должны женщины свободного состоянія слѣдовать черезъ Сибирь — пѣшкомъ или на подводахъ. По ст. 406, имъ, съ согласія мужей, дозволяются временныя отлучки съ мѣста ссылки во внутреннія губерніи имперіи. Если мужъ умретъ въ ссылкѣ или если бракъ будетъ расторгнутъ вслѣдствіе новаго преступленія, то жена, по ст. 408, можетъ возвратиться на родину на казенный счетъ.

XVII.

Составъ населенія по возрастамъ.—Семейное положеніе ссыльных.—
Браки.—Рождаемость.—Сахалинскія дѣти.

Цифры, относящіяся къ возрастному составу ссыльнаго населенія, если бы даже онѣ отличались идеальной точностью и несравненно большею полнотой, чѣмъ собранны мною, то все-таки давали бы почти ничего. Во-первыхъ, онѣ случайны, такъ какъ обусловлены не естественными или экономическими условіями, а юридическими теоріями, существующимъ уложеніемъ о наказаніяхъ, волей лицъ, составляющихъ тюремное вѣдомство. Съ измѣненіемъ взгляда на ссылку вообще и на сахалинскую въ частности, измѣнится и возрастной составъ населенія; то же случится, когда станутъ присылать въ колонію вдвое больше женщинъ или когда съ проведеніемъ Сибирской желѣзной дороги начнется свободная иммиграція. Во-вторыхъ, на ссыльномъ островѣ, при исключительномъ строѣ жизни, эти цифры имѣютъ совсѣмъ не то значеніе, что при обыкновенныхъ условіяхъ въ Череповецкомъ или Московскомъ уѣздѣ. Напримѣръ, ничтожный процентъ стариковъ на Сахалинѣ означаетъ не

Описывая положеніе женъ ссыльно-каторжныхъ и ихъ дѣтей, повинныхъ только въ томъ, что судьба поставила ихъ въ родство съ преступниками, Власовъ говорить въ своемъ отчетѣ, что это «едва ли не самая мрачная сторона всей нашей депортаціонной системы». О томъ, какъ неравномѣрно женщины свободнаго состоянія распредѣляются по округамъ и поселеніямъ, и какъ мало дорожить ими мѣстная администрація, я говорилъ уже. Пусть читатель вспомнить про дуйскія *казармы для семейныхъ*. То, что свободныя женщины и ихъ дѣти содержатся въ общихъ камерахъ, какъ въ тюрьмѣ, при отвратительной обстановкѣ, вмѣстѣ съ тюремными картежниками, съ ихъ любовницами и съ ихъ свиньями, содержатся въ Дуэ, то-есть въ самомъ жуткомъ и безнадежномъ мѣстѣ острова, достаточно рисуетъ колонизаціонную и сельско-хозяйственную политику здѣшнихъ властей.

какія-либо неблагополучныя условія, въ родѣ высокой смертности, а то лишь, что ссыльные въ большинствѣ успѣваютъ отбыть наказаніе и уѣхать на материкъ до наступленія старости.

Въ настоящее время въ колоніи занимаютъ первое мѣсто возрасты отъ 25 до 35 (24,3%) и отъ 35 до 45 (24,1%)*. Возрасты отъ 20 до 55 лѣтъ, которые д-ръ Грязновъ называетъ рабочими, даютъ въ колоніи 64,6%, т.-е. почти въ полтора раза больше, чѣмъ въ Россіи вообще**). Увы, высокій процентъ и даже избытокъ рабочихъ или производительныхъ возрастовъ на Сахалинѣ совсѣмъ не служитъ показателемъ экономическаго благосостоянія; тутъ онъ указываетъ лишь на избытокъ рабочихъ рукъ, благодаря чему, несмотря даже на громадное число голодныхъ, праздныхъ и неспособныхъ, на Сахалинѣ строятся города и проводятся превосходныя дороги. Не дешево стоющія сооруженія и рядомъ съ этимъ необеспеченность и нищенство производительныхъ возрастовъ наводятъ на мысль о нѣкоторомъ сходствѣ настоящаго колоніи съ тѣми временами, когда также искусственно создавался излишекъ рабочихъ рукъ, возводились храмы и цирки, а производительные возрасты терпѣли крайнюю, изнурительную нужду.

*) Вотъ составленная мною табличка возрастовъ:

Отъ	До	М.	Ж.	Отъ	До	М.	Ж.
0	5 л.	493	473	35	45 л.	1,405	578
5	10 »	319	314	45	55 »	724	236
10	15 »	215	234	55	65 »	318	56
15	20 »	89	96	65	75 »	90	12
20	25 »	134	136	75	85 »	17	1
25	35 »	1,419	680	85	95 »	—	1

Неизвѣстенъ возрастъ м. 142, ж. 35.

***) Въ Череповецкомъ уѣздѣ рабочіе возрасты составляютъ 44,9%, въ Московскомъ 45,4%, въ Тамбовскомъ 42,7%. См. книгу *В. И. Никольскаго*: «Тамбовскій уѣздъ. Статистика населенія и болѣзненности», 1885 г.

Дѣти, т.-е. возрасты отъ 0 до 15 лѣтъ, даютъ тоже высокую цифру—24,9%. Сравнительно съ однородными русскими цифрами *) она мала, для ссыльной же колоніи, гдѣ семейная жизнь находится въ такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ, она высока. Плодовитость сахалинскихъ женщинъ и невысокая дѣтская смертность, какъ увидитъ ниже читатель, скоро поднимутъ процентъ дѣтей еще выше, быть можетъ, даже до русской нормы. Это хорошо, потому что, помимо всякихъ колонизаціонныхъ соображеній, близость дѣтей оказываетъ ссыльнымъ нравственную поддержку и живѣе, чѣмъ что-либо другое, напоминаетъ имъ родную русскую деревню; къ тому же, заботы о дѣтяхъ спасаютъ ссыльныхъ женщинъ отъ праздности; это и худо, потому что непродолжительные возрасты, требуя отъ населенія затратъ и сами не давая ничего, осложняютъ экономическія затрудненія; они усиливаютъ нѣжду, и въ этомъ отношеніи колонія поставлена даже въ болѣе неблагоприятныя условія, чѣмъ русская деревня; сахалинскія дѣти, ставши подростками или взрослыми, уѣзжаютъ на материкъ и, такимъ образомъ, затраты, понесенныя колоніей, не возвращаются.

Возрасты, составляющіе надежду и основу если не созрѣвшей уже, то созрѣвающей колоніи, на Сахалинѣ даютъ самый ничтожный процентъ. Лицъ отъ 15 до 20 лѣтъ во всей колоніи только 185: м. 89 и ж. 96, т.-е. около 2%. Изъ нихъ только 27 человекъ настоящія дѣти колоніи, такъ какъ родились на Сахалинѣ или на пути слѣдованія въ ссылку, остальные же всѣ—пришлый элементъ. Но и эти родившіеся на Сахалинѣ ждутъ только отъѣзда родителей или мужей на материкъ, чтобы уѣхать вмѣстѣ съ ними. Почти всѣ 27—это дѣти зажиточныхъ крестьянъ, уже отбывшихъ наказаніе и остающихся пока на островѣ ради округленія капиталовъ. Таковы, напримѣръ, Рачковы въ селеніи

*) Въ Череповецкомъ уѣздѣ 37,3, въ Тамбовскомъ около 39%.

Александровскомъ. Даже Марія Барановская, дочь вольнаго поселенца, родившаяся въ Чибисани,—ей теперь 18 лѣтъ,— не останется на Сахалинѣ и уѣдетъ на материкъ съ мужемъ. Изъ тѣхъ, которые родились на Сахалинѣ 20 лѣтъ назадъ и которымъ пошелъ уже 21 годъ, не осталось на островѣ уже ни одного. Всѣхъ вообще въ колоніи двадцатилѣтковъ 27: изъ нихъ 13 присланы сюда на каторгу, 7 прибыли добровольно за мужьями и 7—сыновья ссыльныхъ, молодые люди, уже знающіе дорогу во Владивостокъ и на Амуръ *).

На Сахалинѣ 860 законныхъ семей и 782 свободныхъ, и эти цифры достаточно опредѣляютъ семейное положеніе ссыльныхъ, живущихъ въ колоніи. Вообще говоря, благами семейной жизни пользуется почти половина всего взрослога населенія. Женщины въ колоніи всѣ заняты, слѣдовательно, другую половину, то-есть около трехъ тысячъ душъ, живущихъ одиноко, составляютъ одни мужчины. Впрочемъ, это отношеніе, какъ случайное, подвержено постояннымъ колебаніямъ. Такъ, когда, вслѣдствіе высочайшаго манифеста, изъ тюрьмы выпускается на участки сразу около тысячи новыхъ поселенцевъ, то процентъ безсемейныхъ въ колоніи повышается; когда же, какъ это случилось вскорѣ послѣ моего отъѣзда, сахалинскимъ поселенцамъ разрѣшено было работать на Уссурийскомъ участкѣ Сибирской желѣзной дороги, то процентъ этотъ понизился. Какъ бы то ни было, развитіе семейнаго начала среди ссыльныхъ счи-

*) Изъ таблицы видно, что въ дѣтскихъ возрастахъ помы распредѣляются почти равномерно, а въ возрастахъ отъ 15 до 20 и отъ 20 до 25 наблюдается даже нѣкоторый избытокъ женщинъ; но затѣмъ, въ возрастѣ отъ 25—35 мужчины перевѣшиваютъ больше, чѣмъ вдвое, а въ пожиломъ и преклонномъ возрастахъ этотъ перевѣсъ можно назвать подавляющимъ. Малое число стариковъ и почти отсутствіе старухъ указываютъ на недостатокъ въ сахалинскихъ семьяхъ элемента опытности, традицій. Кстати сказать, всякій разъ при посѣщеніи тюремъ мнѣ казалось, что въ нихъ стариковъ относительно больше, чѣмъ въ колоніи.

тается чрезвычайно слабымъ, и какъ на главную причину, почему колонія до сихъ поръ не удалась, указываютъ именно на большое число безсемейныхъ *). Теперь на очереди вопросъ, почему въ колоніи получили такое широкое развитіе незаконныя или свободныя сожителства и почему при взглядѣ на цифры, относящіяся къ семейному положенію ссыльныхъ, получается такое впечатлѣніе, какъ будто ссыльные упорно уклоняются отъ законнаго брака? Вѣдь если бы не жены свободнаго состоянія, добровольно пришедшія за мужьями, то свободныхъ семей въ колоніи было бы въ 4 раза больше, чѣмъ законныхъ **). Такое положеніе дѣла генераль-губернаторъ, диктуя мнѣ въ тетрадку, называлъ «вопіющимъ» и обвинялъ при этомъ, конечно, не ссыльныхъ. Какъ люди въ большинствѣ патріархальныя и религіозныя, ссыльные предпочитаютъ законный бракъ. Незаконные супруги часто просятъ у начальства дозволенія перевѣнчаться, но по большинству этихъ прошеній приходится отказывать по причинамъ, не зависящимъ ни отъ мѣстной администраціи, ни отъ самихъ ссыльныхъ. Дѣло въ томъ, что, хотя съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія поражаются супру-

*) Хотя ни откуда не видно, чтобы упроченіе колоніи въ первое время зависѣло, главнымъ образомъ, отъ развитія въ ней семейнаго начала; мы знаемъ, что благосостояніе Виргиніи было упрочено раньше, чѣмъ туда стали привозить женщинъ.

***) Если судить по однімъ голымъ цифрамъ, то можно вывести заключеніе, что церковная форма брака для русскихъ ссыльныхъ самая неподходящая. Изъ казенныхъ вѣдомостей, напримѣръ, за 1887 г., видно, что въ Александровскомъ округѣ было каторжныхъ женщинъ 211. Изъ нихъ только 34 состояли въ законѣ, а 136 сожительствовали съ каторжными и поселенцами. Въ Тымовскомъ округѣ въ томъ же году изъ 194 каторжныхъ женщинъ 11 жили съ законными мужьями, а 161 состояли въ сожителствѣ. Изъ 198 поселокъ 33 были замужемъ, а 118 сожительствовали. Въ Корсаковскомъ округѣ ни одна изъ каторжныхъ женщинъ не жила съ мужемъ; 115 состояли въ незаконномъ бракѣ; изъ 21 поселокъ только четыре были замужемъ.

жескія права осужденнаго и онъ уже не существуетъ для семьи, какъ бы умеръ, но, тѣмъ не менѣе, все-таки его брачныя права въ ссылкѣ опредѣляются не обстоятельствами, вытекающими изъ его дальнѣйшей жизни, а волею супруга не осужденнаго, оставшагося на родинѣ. Необходимо, чтобы этотъ супругъ согласился на расторженіе брака и далъ разводъ, и тогда только осужденный можетъ вступить въ новый бракъ. Оставшіеся же супруги обыкновенно не даютъ этого согласія: одни изъ религіознаго убѣжденія, что разводъ есть грѣхъ, другіе—потому, что считаютъ расторженіе браковъ ненужнымъ, празднымъ дѣломъ, прихотью, особенно когда обоимъ супругамъ уже близко къ сорока. «Въ его ли годы жениться,—разсуждаетъ жена, получивъ отъ мужа письмо насчетъ развода.— О душѣ бы, старый песь, подумалъ». Третьи отказываютъ потому, что боятся начинать такое въ высшей степени сложное, хлопотливое и не дешевое дѣло, какъ разводъ, или просто потому, что не знаютъ, куда обратиться съ прошеніемъ и съ чего начать. Въ томъ, что ссыльные не вступаютъ въ законный бракъ, часто бываютъ виноваты также несовершенства статейныхъ списковъ, создающія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ цѣлый рядъ всякихъ формальностей, томительныхъ, во вкусѣ старинной волокиты, ведущихъ къ тому лишь, что ссыльный, истратившись на писарей, гербовыя марки и телеграммы, въ концѣ-концовъ, безнадежно машетъ рукой и рѣшаетъ, что законной семьи у него не быть. У многихъ ссыльныхъ совсѣмъ нѣтъ статейныхъ списковъ; попадаются такіе списки, въ которыхъ совсѣмъ не показано семейное положеніе ссыльнаго, или же показано неясно или невѣрно; между тѣмъ, кромѣ статейнаго списка, у ссыльнаго нѣтъ никакихъ другихъ документовъ, на которые онъ могъ бы сослаться въ случаѣ надобности *).

*) Кн. Шаховской въ своемъ *Дѣлѣ объ устройствѣ о. Сахалина* писалъ, между прочимъ: «Немалыми затрудненіями къ безпрепят-

Свѣдѣнія о числѣ браковъ, совершаемыхъ въ колоніи, можно добыть изъ метрическихъ книгъ; но такъ какъ законный бракъ здѣсь составляетъ роскошь, доступную не для всякаго, то эти свѣдѣнія далеко не опредѣляютъ истинной потребности населенія въ брачной жизни; здѣсь вѣнчаются не когда нужно, а когда можно. Средній возрастъ брачующихся здѣсь совершенно праздная цифра: заключать по ней о преобладаніи позднихъ или раннихъ браковъ и дѣлать отсюда какіе-либо выводы невозможно, такъ какъ семейная жизнь у большинства ссыльныхъ начинается задолго до совершенія церковнаго обряда, и вѣнчаются обыкновенно пары, уже имѣющія дѣтей. Изъ метрическихъ книгъ пока видно лишь, что за послѣднія десять лѣтъ наибольшее число браковъ было совершено въ январѣ; на этотъ мѣсяць падаетъ почти треть всѣхъ браковъ. Осеннее повышение въ сравненіи съ январскимъ слишкомъ ничтожно, такъ что о сходствѣ съ нашими земледѣльческими уѣздами не можетъ быть и рѣчи. Браки, совершавшіеся при нор-

стенному заключенію браковъ представляютъ семейные списки, въ которыхъ часто не проставляется вѣроисповѣданіе и семейное положеніе, а, главное, неизвѣстно, произошелъ ли разводъ съ оставшимся въ Россіи супругомъ; узнать объ этомъ, а тѣмъ болѣе исходатайствовать разводъ черезъ консисторію съ о. Сахалина дѣло почти невозможное.

Вотъ для образчика примѣры, какъ въ колоніи устраивается семья. Въ Маломъ Такозъ каторжница Соловьева Прасковья сожительствуетъ съ поселенцемъ Кудринимъ, который не можетъ жениться на ней, потому что на родинѣ у него осталась жена; дочь этой Прасковьи, Наталья, 17 лѣтъ, свободнаго состоянія, сожительствуетъ съ поселенцемъ Городинскимъ, который не женится на ней по той же причинѣ. Поселенецъ Игнатьевъ въ Ново-Михайловкѣ жаловался мнѣ, что его не вѣнчаютъ съ сожительницей потому, что за *давностью лѣтъ* не могутъ опредѣлить его семейнаго положенія; сожительница его умоляла меня похлопотать и при этомъ говорила: «Грѣхъ такъ жить, мы уже не молодые». Подобныхъ примѣровъ можно привести нѣсколько сотъ.